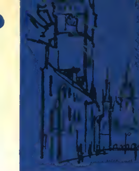
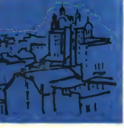
ИВАН ЛАПОНОГОВ

ДУНАЙСКИЕ БЫЛИ

ИВАН
ЛАПОНОГОВ

ДУНАЙСКИЕ БЫЛИ

СОБЫТИЯ И ЛЮДИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1969

32И
Л24

Лапоногов Иван Сергеевич.

Л24 Дунайские были. События и люди. М., Политиздат, 1969.

296 с.

В очерках И. С. Лапоногова рассказывается об освобождении Советской Армией придунайских стран от фашистского ига, о становлении и развитии социалистического строя в этих странах.

В основу книги положены личные впечатления автора, его встречи с советскими военачальниками и дипломатами, а также многими руководящими деятелями освобожденных стран в период войны и после нее.

Книга предназначена массовому читателю.

1—11—3
225—69

32И+9(М)72

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СОЛНЦЕ ВСХОДИТ НАД ДУНАЕМ

ГЛАВА 1

МЫ ВЫШЛИ НА ДУНАЙ

В штабе под Одессой

Лето 1944 года на юге Украины выдалось жаркое. Даже в Одессе, овеваемой морскими ветрами, было душно. Соленые запахи моря встречались здесь с горячим дыханием степей, и город казался огромной чашей с терпким иодисто-полынным коктейлем.

Войска 3-го Украинского фронта после успешного весеннего наступления, вернувшего Родине плодородные украинские земли между Южным Бугом и Днестром, героическую Одессу и Николаев, уже второй месяц не вели крупных боевых действий. Штаб фронта находился в полсотне километров севернее Одессы, в селе Катаржино.

Здесь же обосновалась и наша довольно многочисленная, хотя и поредевшая с наступлением затишья, корреспондентская группа.

Это был год блистательных побед советского оружия, год больших свершений и еще больших надежд. Его начало ознаменовалось разгромом немецко-фашистских войск под Ленинградом. За этим мощным ударом, положившим конец блокаде города, последовал второй сокрушительный удар — на этот раз на юге Украины. На севере советские войска отбросили врага на сотни километров от Ленинграда и Новгорода, на юге — вышли к Черному морю и достигли Днестра. К лету была победоносно завершена

Крымская операция, это открыло большие перспективы для Советского Черноморского флота и резко ограничило возможности фашистского командования — у него оставались только порты Румынии и Болгарии.

Войска нашего фронта стояли на участке протяженностью в 250 километров, по левому берегу Днестра до самого Черного моря, имея небольшой плацдарм за Днестром в районе Кицканского монастыря недалеко от Бендер. И упорно обороняемый нами против яростных атак гитлеровцев этот Кицканский плацдарм, и выгодное расположение наших войск у самого выхода на просторы Придунайской низменности, и некоторые менее значительные детали, которые обращали на себя наше внимание только в сочетании с другими,— все подсказывало, куда нацелен фронт. Впереди — Дунай...

Как-то во второй половине мая стало известно о прибытии в Катаржино нового командующего фронтом, а спустя несколько дней мне и самому довелось встретиться с Ф. И. Толбухиным, который сменил Р. Я. Малиновского. Прибыл он из Севастополя после завершения освобождения Крыма войсками 4-го Украинского фронта, которыми Толбухин командовал. Этот пятидесятилетний генерал был уже широко известен как талантливый военачальник.

Незаурядные способности Ф. И. Толбухина проявились в Сталинградской битве, где он командовал 57-й армией. С его именем был связан ряд выдающихся операций, осуществленных нашими войсками и на других направлениях южного участка советско-германского фронта: прорыв на Миусе, разгром немцев на реке Молочной, освобождение Донбасса и, наконец, Крымская операция.

Не впервые на дорогах войны судьба сводила Ф. И. Толбухина с другим видным военачальником — Р. Я. Малиновским. В конце 1942 года, когда советские войска завершили окружение сталинградской группировки немцев, гитлеровское командование предприняло на Котельническом направлении попытку прорвать кольцо и соединиться с окруженными войсками Паулюса, которые не прекращали сопротивления. Сильная группировка немецких войск

под командованием Манштейна нацеливалась на участок, который занимала 57-я армия. Советское командование спешно перебросило сюда 2-ю гвардейскую армию, которой командовал Р. Я. Малиновский. Много лет спустя генерал-лейтенант П. Г. Кузнецов, вспоминая об этом, напишет в своей книге, посвященной маршалу Толбухину: «В эти суровые зимние дни на командном пункте 57-й армии в хуторе Верхне-Царицынском встретились и накрепко сдружились два прославленных командарма — Р. Я. Малиновский и Ф. И. Толбухин. Их фронтовая дружба была пронесена затем через многие сражения».

Примерно через три месяца произошла вторая встреча. На этот раз генерал-лейтенант Толбухин, не так давно гостеприимно принимавший в своем штабе в одном из хуторов Приволжской степи Р. Я. Малиновского, сам прибыл к нему в штаб Южного фронта, в небольшой донецкий городок Новошахтинск. Выполняя приказ Ставки, он сменил генерал-полковника Малиновского на посту командующего войсками Южного фронта.

Теперь, год с лишним спустя, повторилась та же ситуация: в штаб нашего фронта Ф. И. Толбухин — теперь уже генерал армии — снова прибыл, чтобы сменить Р. Я Малиновского. Вскоре кто-то из нашей корреспондентской братии рассказывал, как тепло, по-дружески встретил на аэродроме наш старый командующий новоприбывшего. После горячих рукопожатий и взаимных приветствий Малиновский будто бы сказал с улыбкой: «Ты, Федор Иванович, так жмешь на меня, что скоро некуда будет деваться. Я на Южный — выжил. Я на 3-й Украинский — опять выживаешь...»

Очень скоро Р. Я. Малиновский выехал на 2-й Украинский фронт.

Удар на Кишинев — Яссы

Уже так повелось с начала войны, что затишье на фронте военные корреспонденты центральной печати обычно использовали для поездки в Москву, в свои редакции. Так в жаркие июльские дни того года оказался в Москве и я. И здесь в конце месяца совершенно случайно увидел обоих командующих нашего фронта — нового и старого, а немного позже

узнал, что они вместе побывали в Ставке и сразу же вернулись каждый к себе на фронт.

— Знаешь, поезжай и ты к себе на Днестр,— посоветовали мне в военном отделе ТАСС.— И пожалуй, не мешкай...

Ни в Одессе, где я встретил некоторых из моих коллег, ни на новом командном пункте фронта в Воробьево-Берлино узнать чего-нибудь нового не удалось. Полное затишье, как и перед поездкой в Москву! Подумалось: погорячились, пожалуй, мои начальники в ТАСС, ни к чему было спешить сюда. Могла же быть одновременная поездка командующих двух соседних фронтов в Москву, тем более в период затишья, случайным совпадением?

Что же предпринять? И тут Володя Иванов, мой друг из фотохроники ТАСС, всегда веселый и одержимый какой-нибудь идеей, общительный и динамичный, подсказал хорошую идею: «подскочить на пару дней» на Кицканский плацдарм за Днестром. Решили сперва заехать по пути в 46-ю армию генерал-лейтенанта И. Т. Шлемина, стоявшую на левом крыле фронта, то есть ближе всех к Одессе.

Каждый раз, когда мы изучали линию фронта этой армии, протянувшуюся по восточному берегу широко разлившегося лимана и далее вдоль непроходимых плавней, приходили к выводу: в случае наступления фронта, 46-я, как бы запертая в этом глухом углу, обречена на бездействие. Мы тогда еще не могли знать, что в составе этой армии уже создана особая группа генерала А. Н. Бахтина, имевшая задачу форсировать Днестровский лиман, высадить десанты на его западном берегу, овладеть там городом и крепостью Аккерман и развивать наступление на запад. Теперь, оказавшись в расположении армии, мы увидели среди абрикосовых и яблоневых садов, у самой кромки и в заводях камышовых зарослей искусно замаскированные громоздкие понтоны, машины-амфибии, лодки, катера, плоты... Армия была готова к прыжку, который, как показали последующие события, оказался мощным и совершенно неожиданным для противника.

Но главный удар готовился не здесь, это мы понимали. А где, откуда?

— В свое время узнаете,— уклончиво отвечали дотошным корреспондентам в оперативном отделе фронта.

Но когда мы на второй день приехали в Кицканы, в армию генерала М. Н. Шарохина, и узнали, что здесь оборудуется передовой КП фронта, многое стало ясным. И почему такое возросшее внимание уделялось нашим командованием в последнее время этому небольшому клочку заднестровской земли, простреливаемому врагом во всех направлениях. И почему на территории этого плацдарма, ограниченной 10—15 километрами вширь и вглубь, сосредоточилось к началу августа почти две полные армии, огромное количество артиллерии, танков, инженерные части и войска продолжали прибывать.

Позже я узнал, что начиная с 10 августа на Кицканском плацдарме ежедневно становилось на позиции 10 стрелковых, артиллерийских, минометных, танковых и других частей. И только сплошные леса, густые фруктовые сады и виноградники позволяли скрытно накапливать здесь такие огромные силы.

Правда, немаловажную роль сыграло и то обстоятельство, что противник никак не ожидал главного удара с этого, как говорили потом пленные немецкие офицеры, «крохотного» плацдарма под боком у грозной Бендерской крепости, со стен которой вражеские наблюдатели могли видеть все, что делается вокруг на расстоянии десятков километров.

Какие же силы противостояли в этом районе нашим войскам?

Гитлеровское командование придавало большое значение этому участку фронта по той причине, что особенно опасалось выхода советских войск в Юго-Восточную Европу, где внутриполитическая обстановка становилась все более острой и напряженной. Создав сильную, глубоко эшелонированную оборону на огромном пространстве от Карпат до Черного моря, гитлеровцы рассчитывали преградить здесь путь советским войскам. Такую же цель преследовало создание крупной и мощной группы армий общей численностью до миллиона человек, с большим числом орудий и минометов, танков, штурмовых

орудий. Этой группировкой под названием «Южная Украина» командовал гитлеровский генерал Фриснер. В ее состав входили две армейские группы, которые именовались по фамилии своих командующих — «Думитреску» и «Велер». Первая в составе 3-й румынской королевской армии и 6-й немецкой армии под общим командованием румынского генерала стояла непосредственно против нашего фронта, вторая, занимавшая позиции севернее, против войск нашего соседа, 2-го Украинского фронта, объединяла под началом гитлеровского генерала 8-ю немецкую и 4-ю румынскую армии и 17-й отдельный немецкий корпус. Сорок семь дивизий и пять бригад!

Удар с Кицканского плацдарма был направлен в самое чувствительное место вражеской обороны — на стыке немецких и румынских войск, который к тому же проходил по долине небольшой речушки Ботна, как бы разделявшей саму оборону на две части. Он был нанесен на рассвете жаркого августовского дня, 20 августа 1944 года, возвестив начало знаменитой Ясско-Кишиневской операции. Уже к концу этого дня наши войска, прорвав оборону противника на широком фронте, продвинулись вперед до 12 километров. Внезапный, огромной сокрушительной силы удар рассек группировку врага на две части — более крупную северную, на нее обрушились главные силы фронта, ведущие наступление южнее Кишинева, и южную, разгром которой был возложен на 46-ю армию

— Вот что означает кицканский удар, поняли, товарищи корреспонденты? — сказал с веселой улыбкой Алексей Иванович Смольяков, подполковник из штаба Фронта. к которому мы заехали, чтобы ознакомиться с оперативной обстановкой.

И после паузы добавил:

— Не выталкивать будем противника за Прут, чтобы он там укрепился, прикрываясь водной преградой. Задача — уничтожить всю эту группировку «Южная Украина», не выпустив ни одного солдата за Прут. Могу сказать, что и у нашего соседа справа дела идут успешно. Правым флангом он ударил на Яссы, а левым — в район Кишинева, навстречу войскам нашего фронта. Так что поезжайте к Киши-

неву, там сейчас вершатся главные дела. И торопитесь, чтобы не опоздать...

Бои в этом районе принимали все более ожесточенный характер. Осуществляя замысел командования, подвижные танковые и механизированные войска фронта вышли к переправам на Пруте и закрыли основные пути отхода главных сил кишиневской группировки противника. А на пятый день наступления, 24 августа, наши вырвавшиеся вперед механизированные части встретились юго-западнее Кишинева с подвижными частями 2-го Украинского фронта. В гигантском кольце оказались все 20 немецких дивизий и отдельных частей, действовавших в районе Ясс — Кишинева. Одновременно на левом фланге капитулировала окруженная накануне 3-я румынская армия.

Наступление наших войск развивалось столь стремительно, а удары танковых и механизированных частей были такими внезапными и сокрушительными, что фронт противника, по существу, развалился, войска лишились управления. Позже, описывая эти бои на южном крыле советско-германского фронта, немецкий военный историк отмечал: «Фронт смешался, все превратилось в хаос... Как огромные морские волны, катились войска противника и захлестывали со всех сторон немецкие силы. Всякое централизованное руководство боевыми действиями прекратилось...» [1]

В это время мы, заехав на пару часов в только что освобожденный Кишинев, спешили к Пруту, в район Минжира. Здесь части гвардейского механизированного корпуса генерала В. И. Жданова перерезали основные пути отхода за Прут 6-й немецкой армии. Еще в начале 1943 года у стен волжской твердыни закончила свой бесславный путь на восток 6-я немецкая армия, во главе которой тогда стоял фельдмаршал Паулюс. И от стен Сталинграда начал свой блистательный путь на запад гвардейский корпус генерала Жданова. И вот опять встреча с

---

[1] *К. Типпельскирх*. История второй мировой войны. Изд-во иностр. лит., 1956, стр. 463.

6-й вновь сформированной немецкой армией. Ее командующий и штаб армии успели удрать, бросив войска на восточном берегу Прута.

В знойной степи под Минжиром мы увидели следы большого сражения. Среди редкого кустарника торчали подбитые немецкие танки, валялись брошенные автоматы, солдатские ранцы и вещевые мешки, набитые награбленным добром.

Целые полчища гитлеровцев полегли здесь у реки, которую враг переступил за три с лишним года до этого, напав на мирную Советскую страну. Это было возмездие. Ни одной гитлеровской дивизии не удалось вырваться из окружения. На границах Румынии Советская Армия полностью разгромила группу армий «Южная Украина», создав условия для освобождения страны и победоносного антифашистского восстания румынского народа.

Измаил взят!

У Бендер есть высокий холм, который называют «Курганом Суворова». Если подняться на вершину кургана, где сейчас полощется на ветру алый флаг, водруженный здесь неизвестным героем при штурме города-крепости, то можно увидеть раскинувшуюся на десятки километров холмистую бессарабскую степь. Во все стороны расходятся дороги. Узкие ленточки их пересекают балки, опоясывают косогоры, выскакивают на холмы.

Едешь по ним, и кажется, что перед тобой развертывается пожелтевший от времени свиток истории. Эти молдавские степи были свидетелями кровопролитных сражений, которые вели здесь русские армии, отражая нашествие турецких войск, защищая юг России от опустошительных набегов крымских татар. Здесь водил войска Петр I, здесь громили врага полки Суворова и Кутузова. Еще раньше, в конце XVI века, по этим степям проходили за Дунай запорожцы Северина Наливайко, выступившие вместе с беднейшим крестьянством против польских и украинских магнатов.

Старинные названия селений, рек, холмов, древние руины и памятники напоминают о тех днях. Недалеко от Бендер старик молдаванин показывал мне Потемкинский курган, где будто бы прятался изменник Мазепа. Бендеры были последним на русской

земле прибежищем шведского короля Карла XII, разгромленного Петром под Полтавой.

Да, о многом говорит нашим людям эта обширная область между Прутом и Днестром. Мне вспомнился Харьковский университет, аудитория Потебни на улице Свободной Академии и размеренный профессорский голос с кафедры:

— Напомню вам раннее средневековье. Что представляла тогда Бессарабия? Ее территория была населена фракийскими и восточнославянскими племенами, которые, заметьте, были генетически связаны между собой и из которых в XIV веке образовалось Молдавское княжество. В самом начале XVI века оно после упорной и длительной борьбы, было захвачено Турцией и ровно триста лет находилось под ее тяжким игом. В начале XIX века, в 1812 году, подписанный в Бухаресте между Россией и Турцией мирный договор принес Бессарабии освобождение от турецкого гнета и включил ее в состав России...

Рамки академической лекции не позволяли профессору раскрыть всю полноту этой темы, над которой он много работал. И все же у всех нас, студентов, остались в памяти тяжкие исторические коллизии, через которые прошел трудолюбивый народ Бессарабии. К началу минувшего столетия это был опустошенный и разоренный край. И лишь с включением в состав России он начал заметно развиваться экономически и в культурном отношении.

Но едем дальше. Нещадно палит солнце. Густая серая пыль стоит над дорогами. Шум и грохот движущихся войск. За рекой Чаба дороги наступления расходятся на запад и на восток. Это не ошибка — именно на восток. В то время как главные силы продолжали развивать наступление на запад, ударная группировка 46-й армии, взаимодействуя с 4-м механизированным корпусом генерала В. И. Жданова, стремительно двинулась на юг. У реки Когильник передовые части повернулись фронтом на восток — наперерез вражеским войскам, поспешно отступавшим к Измаилу.

А в это время с востока, как бы навстречу советским войскам, наносившим главный удар, грозной лавиной шли на врага специальные части десантных

войск генерала Бахтина, успешно форсировавшие Днестровский лиман. Для противника это была полная неожиданность: кто мог предположить, что советские моряки рискнут форсировать водную преграду шириной более 10 километров и перебросить на вражеский берег крупные силы сухопутных войск? А моряки на это и рассчитывали, на силу внезапности. Их план сочетал в себе дерзость и строгий расчет. Под покровом ночи, в полной тишине отошли от берега около 500 лодок, взяв курс на два отдаленных друг от друга пункта на противоположном берегу. Тем временем отряды бронекатеров, прорвавшихся в лиман с моря через Царьградское гирло, открыли отвлекающий огонь по косе Бугас, а бомбардировщики нанесли удар по Аккерману. Вконец дезориентированный противник обнаружил приближение десантных судов, только когда они были в 100—200 метрах от берега. Но огонь вражеских батарей был подавлен нашей артиллерией с восточного берега и огнем бронекатеров, которые почти вплотную подошли к западному берегу и в упор расстреливали вражеские огневые точки.

Освободив Аккерман, советские войска продолжали наступление на юго-запад, тесня противника, навстречу нашим частям, наступавшим от Когильника. Так оказалась зажатой между Днестровским лиманом, озером Сасык и морем находившаяся здесь вражеская группировка в составе 3-й румынской королевской армии и немецкой дивизии.

...Слева на обочине дороги наспех написанная табличка: «На Татарбунары». В районе этого села на берегу озера Сасык как раз и закончила свое существование румынская королевская армия, а заодно и немецкая дивизия.

Второй раз это село как бы попало в поле зрения истории. В сентябре 1924 года здесь вспыхнуло крестьянское восстание против румынских оккупантов, которое широко прогремело и ярко выявило позицию населения всей Бессарабии в связи с империалистическим захватом этой части Советской России и незаконным присоединением ее к Румынии в январе 1918 года. При этом Антанта использовала румынских буржуазных националистов, выступавших под

фальшивым флагом пресловутого краевого совета «Сфатул-цэрий» — контрреволюционного органа помещиков и буржуазии. На подавление восстания румынское командование послало девять полков пехоты, тяжелую артиллерию, корабли Дунайской военной флотилии, которые начисто смели с лица земли Татарбунары и десятки деревень. Тысячи повстанцев были убиты, а их трупы брошены в Днестр, сотни упрятаны в тюрьмы, многие зверски замучены без всякого суда.

Здесь помнят, как приезжал тогда в Румынию Анри Барбюс и как обличительная статья французского писателя-коммуниста о татарбунарской трагедии набатом прозвучала на весь мир. Не только советские люди — прогрессивные силы Франции, Соединенных Штатов, Японии, самой Румынии и других стран подняли в те дни свой голос в защиту татарбунарцев, протестовали против произвола и насилия. Румынская коммунистическая партия выпустила воззвание, в котором призвала трудящихся страны продолжать борьбу за дело татарбунарцев. Во многих румынских городах — в Бухаресте, Плоешти, Браиле и других — подпольные коммунистические группы возглавили движение трудящихся в защиту Советской России.

Двадцать лет прошло с тех пор.

Окруженная в районе Татарбунар 3-я королевская армия Румынии, на которую германским генеральным штабом была возложена защита Дуная от устья до Браила, к 24 августа сложила оружие. Немецкая пехотная дивизия попыталась вырваться по Кундукской косе, чтобы пробиться к немецким частям в районе Килии и Измаила. Военные действия приблизились непосредственно к дельте Дуная. Прорвавшись с моря в дельту, корабли адмирала Горшкова после непродолжительного, но жаркого боя овладели Жембриенем.

Командовал высадкой капитан 3-го ранга П. И. Державин. Позже мне довелось встречаться с этим мужественным моряком, видеть его бронекатера, когда они поднимались вверх по Дунаю, неся свободу и мир народам придунайских стран. Серые, низкие, с броневыми башнями... Впервые я увидел

их в один из октябрьских дней сорок четвертого года, торопясь по придунайской дороге на запад, к Белграду, где в то время вели бои советские войска совместно с войсками югославской Народно-освободительной армии. Туда же мчались по Дунаю, стремительно рассекая воду, советские военные корабли. Потом я встречал их под Будапештом, у Братиславы, в Вене. Павел Иванович Державин к тому времени уже был капитаном 2-го ранга и Героем Советского Союза.

Но вернемся к устью Дуная, в приморский поселок Жембриень, что раскинулся у основания выдвинувшейся в море песчаной косы. Высаженный здесь десант отважных моряков, при поддержке морской авиации и бронекатеров как бы отрезал конец Кундукской косы и принудил капитулировать до 5 тысяч сбившихся здесь солдат и офицеров противника. Вслед за тем были заняты дунайские порты Вилково и Килия.

Речные корабли двинулись вверх по Дунаю, к Измаилу. Их действия были согласованы с наступлением войск нашего фронта. Наступило 26 августа.

От Болграда, взятого советскими войсками накануне, протянулось прекрасное асфальтированное шоссе на Измаил. По нему, по двум грейдерным дорогам, идущим с северо-востока и с севера, по проселкам устремились наши войска к старинному русскому городу на Дунае. Чем ближе к Дунаю, тем явственнее становился гул сражения.

Город, который Суворов когда-то назвал крепостью без слабых мест, расположен на склонах высот, круто обрывающихся у самого берега. Он огражден с востока и с запада озерами, а с юга — рекой, которая в этом месте достигает ширины полукилометра. Измаил представляет собой удобный для обороны пункт. Измаильская крепость была построена в XVIII веке под руководством лучших французских инженеров. Семь бастионов с высокими башнями укрепляли все эти искусственные и естественные сооружения. Немцы прекрасно понимали огромное стратегическое значение города, находящегося на перекрестке многих путей и запирающего вход в Дунай. Еще когда мы стояли на Днестре, гитлеровцы с ли-

хорадочной поспешностью строили новые оборонительные сооружения на северных подступах к Измаилу.

Однако никакие преграды не могли остановить сокрушительный натиск советских войск. Перед ними был древний Измаил — город сверкающей славы русского оружия, город, которому посвятили свои творения многие поэты. Каждая часть стремилась первой ворваться в город, чтобы заслужить высокую честь называться «Измаильской».

Удар по Измаилу, как и много лет назад, когда его брал великий Суворов, наносился одновременно с суши и с реки. С суши пошли на штурм пехотинцы генерала Шлемина. По Дунаю стремительно двигались к Измаилу военные корабли адмирала Горшкова.

...Грохот артиллерийской канонады внезапно стих. Затем умолкли и пулеметы. Наступила тишина. У крайнего домика небольшого пригородного села, где расположился штаб дивизии и куда я заехал, чтобы узнать обстановку, с разбега остановился «виллис». Из машины вышел запыленный полковник.

— Измаил наш! — сказал он стоявшим у крыльца офицерам,— наши части вошли в город.

И, стряхивая пыль с гимнастерки, с улыбкой добавил:

— Как это у Байрона сказано об Измаиле после суворовского штурма:

> ...Он пал, как дуб могучий,
> взлелеенный веками великан,
> что вырвал с корнем грозный ураган...

А ураган был поистине грозным.

Итак, мы вышли на Дунай. Дальше, за балканскими и карпатскими хребтами лежали страны, порабощенные Гитлером. Разгром гитлеровских армий «Южная Украина» открыл советским войскам путь на Балканы, а балканским народам создал условия для успешного развертывания антифашистской борьбы.

За два с половиной месяца до этого, в начале июня 1944 года, наконец открыли второй фронт в

Европе наши союзники — Англия и США. Но главные силы вермахта гитлеровское командование продолжало держать на Восточном фронте, не сняв отсюда ни одной своей дивизии. Замыслы англо-американцев простирались далеко, на сотни миль опережая продвижение их войск. Это были черчиллевские планы «вцепиться в мягкое подбрюшье Европы», чтобы продиктовать народам Юго-Восточной Европы волю западных империалистов, лишить их права самим избрать себе путь послевоенного общественного развития. В тиши дипломатических особняков и разведцентров Запада рождались планы замены откровенных гитлеровских ставленников в странах Восточной Европы представителями реакционных кругов, ориентировавшихся на англосаксов и нередко связанных с ними экономическими узами.

С выходом Советской Армии на Дунай эта возня заметно усилилась — и в Румынии, и в Болгарии, и в Югославии, и в Венгрии. Даже некоторые из фашистских правителей, ввергнувших народы своих стран в горнило войны, теперь усиленно искали возможности уйти от расплаты и сохранить старые порядки. Эмиссары болгарского правителя Филова, югославского квислинговца Недича, венгерского регента Хорти и румынского короля Михая инкогнито рыскали в стане англо-американцев в поисках поддержки. И находили ее.

При этом реакционные круги придунайских стран рассчитывали сыграть на противоречиях внутри антифашистской коалиции, которые коренились в классовой природе ее участников: социалистического государства — СССР и империалистических — США и Великобритании. Классовые противоречия все более обострялись и в самих странах Юго-Восточной Европы по мере приближения победы над гитлеровской Германией. Там активизировались патриотические силы, отнюдь не желавшие восстановления старых, довоенных порядков. Это были прогрессивные силы, составляющие большинство населения и возглавляемые коммунистическими и рабочими партиями. Они активно боролись за свободу своих стран, за коренные социальные сдвиги в жизни народов.

Советская политика в отношении этих стран была

четко определена еще в начале Великой Отечественной войны в докладе главы Советского правительства И. В. Сталина на торжественном заседании, посвященном 24-й годовщине Октября. «Наша цель,— было сказано в докладе,— состоит в том, чтобы помочь этим народам в их освободительной борьбе против гитлеровской тирании и потом предоставить им вполне свободно устроиться на своей земле так, как они хотят». Три года спустя, когда Советская Армия вышла к государственным границам нашей Родины и, преследуя противника, вступила на территорию стран Юго-Восточной Европы, эта принципиальная позиция СССР была подтверждена новыми советскими заявлениями. Они адресовались народам Румынии, несколько позже Болгарии, затем народам других государств, на территорию которых вступала Советская Армия — освободительница.

Так, в те исторические дни, четко определились *две глубоко классовые линии* и в действиях государств антигитлеровской коалиции, и в поведении различных политических кругов стран, оккупированных фашистской Германией. Одна — линия на освобождение порабощенных Гитлером народов и предоставление им полной возможности самим избрать свой образ жизни, за нее стояло подавляющее большинство народа. Вторая — была направлена, по существу, на замену одного ярма для народа другим, в ней были заинтересованы реакционеры, пытавшиеся спешно перелицевать свое фашистское обличье.

Восточную Европу потрясали не только кровопролитные бои на полях сражений, но и не менее жестокие классовые битвы.

1944 г.
АВГУСТ
23
СРЕДА

Тот факт, что армия социалистического государства, а не другая армия вступила в Румынию, как и в другие страны Восточной и Юго-Восточной Европы, определил историческое развитие в этой части Европы. Освобожденные народы впервые завоевали подлинную независимость и национальный суверенитет. Революционным силам был открыт путь народной демократии и социализма.

Г. Георгиу-Деж

ГЛАВА II

РУМЫНСКИЙ АВГУСТ

Две пресс-конференции

После выхода наших войск на Дунай, разгрома ясско-кишиневской группировки гитлеровцев Советская Армия стремительно двинулась в глубь Румынии, освобождая города и села. Мы, группа военных корреспондентов, аккредитованных при 3-м Украинском фронте, решили выскочить за пределы своего фронта и заехать на денек в Бухарест. Никто из нас там раньше не бывал, как можно было удержаться от такого соблазна? И вот на рассвете несколько стар採еньких, потрепанных «виллисов», переданных по указанию фронтового начальства в распоряжение представителей, если мне память не изменяет, «Правды», «Красной звезды» и Совинформбюро (потом они появились и у других), направились сначала вдоль Дуная, с тем чтобы потом свернуть на Плоешти, где в это время, по нашим сведениям, еще шли бои, и далее на Бухарест. Повсюду нас радушно встречали местные жители: стоило остановить машину, чтобы расспросить дорогу, как возле нас сразу же собиралась толпа доброжелательно настроенных людей и каждый хотел жестами получше разъяснить, ибо мы не говорили по-румынски, а они по-русски, как ехать дальше. Бывало, после долгих объяснений, когда машина уже трогалась, мы видели, как из переулка выбегал вдогонку румын, размахивая руками и прося остановиться.

— Что вы хотели знать? — спрашивал он нас, запыхавшись...

Общительность, желание оказать любезность — эти черты простых румынских людей мы наблюдали повсюду. И другое бросалось нам в глаза: крайняя бедность. Крестьяне в большинстве оборванные, босые, а детвора почти голышом бегала. Впрочем, встречались и богатые усадьбы; это были помещичьи дворы либо кулацкие хозяйства. Менее 8 процентов составляли эти хозяйства, но принадлежало им более половины всей обрабатываемой площади земли, остальным 92 процентам хозяйств — 48 процентов земельных угодий. Более миллиона крестьянских семей владели почти такой же площадью земли, что и 5 тысяч помещиков. Около 700 тысяч крестьян вовсе не имели земли. Сложные сельскохозяйственные машины можно было увидеть только в помещичьих и крупных кулацких хозяйствах, остальные широко пользовались сохой и другими примитивными орудиями. Урожаи были крайне низкими...

Первую остановку мы сделали в Браиле, красивом и уютном городке на Дунае. Остановились у примарии. Вот здесь-то и произошла первая наша пресс-конференция за рубежом. Примар господин Браташану, как он нам представился, был отменно любезен. Таким же старался быть и сидевший рядом главный прокурор города господин Опришан. Помню, как не гармонировали наши пропыленные фронтовые гимнастерки с их элегантными черными, хорошо отутюженными костюмами и как осторожно брали мы огрубевшими пальцами крохотные фарфоровые чашечки с ароматным настоящим кофе по-турецки. Только Евгений Габрилович, к тому времени уже довольно известный писатель, представлявший на нашем фронте «Красную звезду», кое-как поддерживал усилия наших хозяев вести за чашкой кофе «светский» разговор.

А затем, отодвинув чашки и вытащив из полевых планшеток блокноты, мы начали задавать вопросы. Когда господин Браташану сказал, что он полковник резерва и что обязанности примара в Браиле исправно исполняет уже четыре года, то есть ровно столько, сколько находились в стране гитлеровские войска,

введенные сюда с приходом к власти Антонеску в сентябре 1940 года, мы переглянулись. Это не осталось, видимо, незамеченным.

— Смею вас заверить, господа русские офицеры... журналисты, что ладить с ними было нелегко,— сказал господин примар.— Да вот и господин главный прокурор может подтвердить.

— Да,— включился в разговор господин Опришан.— Немцы вывозили отсюда все, что могли. Правда, последний эшелон не смог уйти: стрелочник направил его, говорят, не по той линии и поезд застрял, а немцы не стали с ним возиться, потому что уже подходили советские войска... Должен добавить, что инциденты между местным населением и немцами были и раньше...

Мы не стали уточнять, какова же была роль в этих «инцидентах» господина примара и господина главного прокурора.

Господин примар сообщил, что все руководство города и района с вступлением сюда советских войск осталось на местах, так же как и полиция и жандармерия.

— В общем,— заключил господин Браташану,— как видите, господа русские офицеры... журналисты, все у нас в порядке и жизнь, можно сказать, идет нормально...

Месяц спустя уже настоящую пресс-конференцию для представителей иностранных телеграфных агентств и корреспондентов газет устроил в Бухаресте румынский король Михай. Смысл сделанного им заявления сводился к тому, что правящие круги Румынии внесли немалый вклад в дело борьбы с гитлеризмом, а посему королевская Румыния должна сохранить свое место под солнцем. У нас, мол, все в порядке, жизнь вошла в нормальную колею.

Две пресс-конференции, два разных уровня, и все же было в них много общего.

Накануне банкротства

Подобная позиция правящих кругов Румынии была продиктована обстоятельствами. Чтобы лучше разобраться в них, следует вернуться немного назад.

В одном из бессарабских хуторов близ Татарбунар, где мы остановились попить воды, старик мол-

даванин показал нам измятую и буквально зачитанную до дыр листовку Румынской компартии, выпущенную летом 1941 года. «Мы все не хотели и не хотим этой разбойничьей войны против великого советского народа,— говорилось в листовке.— Не великий советский народ является нашим врагом... Наш враг — это немецкий фашизм и его прислужники в стране во главе с генералом Антонеску».

Несколько таких листовок, как мне потом рассказывали, выпустила компартия с начала войны, и они правильно отражали настроения широких кругов населения Румынии. Румынский народ не хотел мириться ни с войной против Советского Союза, ни с военно-фашистской диктатурой Антонеску и приходом в страну в 1940 году германских оккупационных войск.

А еще раньше был Мюнхен; в судьбе Румынии он сыграл трагическую роль, как и в судьбе ряда других стран. Именно после Мюнхена ее правители, запугивая народ «призраком большевизма» и прикрываясь этим жупелом как ширмой, быстро пошли по пути сближения с гитлеровским рейхом. Не кому иному, как румынскому королю Каролю II, принадлежит сакраментальное выражение: «Предпочитаю видеть в своей стране немцев в качестве врагов, нежели русских в качестве друзей». В сентябре сорокового года на престоле оказался девятнадцатилетний принц Михай. Впрочем, управлял страной не этот юноша, а Ион Антонеску, один из наиболее реакционных румынских генералов. Используя все рычаги военно-фашистской диктатуры, опираясь на введенные в страну в том же сентябре — октябре немецкие войска и на немецкую военную миссию, новоявленный румынский фюрер превратил Румынию в послушного сателлита Гитлера. Уже до конца года Антонеску побывал в Берлине, куда он был приглашен Гитлером. Это была их первая встреча, за которой последовала вторая в январе и третья — в мае следующего года.

Ровно пять лет спустя Антонеску на процессе военных преступников в мае 1946 года в Бухаресте показал, что на этой третьей, майской встрече Гитлер сообщил ему о решении напасть на Советский Союз

и о дате нападения, предупредив, что Румыния не может остаться в стороне. По словам Антонеску, это предложение Гитлера о совместном нападении на СССР полностью отвечало его собственным агрессивным намерениям, и он заявил о своем согласии, обязавшись выставить необходимое количество войск и одновременно увеличить поставки нефти и продуктов сельского хозяйства для нужд германской армии. При этом Гитлер дал согласие на захват Румынией не только Бессарабии, но и других южных областей Советской Украины, «вплоть до Днепра».

Когда началась война, которая, как известно, принесла временные успехи гитлеровцам, Антонеску сразу же приступил к реализации давно вынашивавшихся румынской буржуазией и помещиками планов расширения ее территории за счет советских земель. Территории Бессарабии и Северной Буковины были включены в состав собственно Румынии, а земли между Днестром и Бугом оккупанты провозгласили румынской провинцией «Транснистрией» с центром в Одессе. Буржуазно-помещичьи и военные круги, которые породили военно-фашистскую диктатуру и на которые опирался Антонеску внутри страны, все больше входили в шовинистический раж. Дело дошло до того, что некоторые румынские газеты прямо потребовали, чтобы мир признал постоянную границу будущей Румынии по Днепру...

Была в стране реальная политическая сила, которая правильно понимала национальные интересы румынского народа. Это была Коммунистическая партия Румынии. В первых числах сентября 1941 года она опубликовала развернутую программу борьбы против антисоветской войны и фашизма, в которой требовала: «1. Прекращение войны против Советского Союза. Мир и совместная борьба с Советским Союзом, Англией, Польшей, Югославией, Чехословакией и со всеми миролюбивыми народами против захватнического гитлеризма. 2. Прекращение военного производства, перевозки войск, вооружения и боеприпасов для войны, которую ведет Гитлер. Изгнание из страны гитлеровских оккупантов. Отвоевание свободы и национальной независимости Румынии. 3. Свержение правительства и предательского воен-

ного гитлеровского режима во главе с Антонеску, слугой Гитлера. Создание правительства национальной независимости, в состав которого вошли бы представители всех патриотических сил... 5. Прекращение резни и грабежа населения Бессарабии и Буковины... 6. Борьба против кровавого террора... Арест и наказание предателей, которые ввергли румынский народ в войну за интересы гитлеровской Германии. 7. Борьба против любой формы угнетения — за полную свободу слова, печати и организаций. Восстановление гражданских и демократических прав и свобод. 8. Обеспечение питания народа посредством прекращения экспорта в фашистскую Германию, прекращения реквизиций и закупок для немецкой армии...»

Вокруг этой программы румынских коммунистов начали сплачиваться патриотические силы страны. Этот процесс становился все более интенсивным, особенно после Сталинграда, когда многие полки румынских солдат полегли на заснеженных полях Дона, а целые дивизии с полным снаряжением сдавались в плен. Не без основания указывал Гитлер в письме Антонеску в феврале 1943 года на «симптомы разложения» в румынской армии, а сам Антонеску два месяца спустя с горечью вынужден был констатировать в узком кругу военных, что «государство шатается»...

В это время в Румынии уже действовал созданный коммунистами Патриотический антигитлеровский фронт, к которому сразу же присоединились Фронт земледельцев, Союз патриотов, МАДОС, часть местных организаций социал-демократической партии. Категорически отказывались от сотрудничества с коммунистами лидеры буржуазно-помещичьих партий: национал-царанистской и национал-либеральной. Они вынашивали свои особые планы. «Мы должны готовиться к высадке союзников на Балканах,— сказал один из них, лидер царанистов Маниу, в доверительной беседе.— Англия заинтересована в устьях Дуная, заинтересована в том, чтобы остановить русских на границе с Румынией».

Конечно, Антонеску не мог не подозревать о наличии таких планов у некоторых в прошлом проанг-

лийских кругов. И не только подозревать. Ранней весной сорок четвертого года, как раз в разгар нашего наступления на Одессу, вся мировая пресса и радио в течение нескольких дней на все лады трубили о миссии князя Барбу Штирбея. Этот румынский князь, как узнали мы на фронте из передач лондонского радио, выехал в начале марта из Румынии в штаб союзников на Ближнем Востоке, чтобы договориться с англо-американцами о перемирии и об оккупации ими Румынии. В Анкаре князь начал секретные переговоры с западными представителями, но сведения о них каким-то образом проникли в печать и вызвали много шума. Появились утверждения, будто в переговорах принимают участие и советские представители. За этим последовало категорическое опровержение ТАСС, и газета «Нью-Йорк таймс» вынуждена была подтвердить, что «румыны находились в контакте только с британцами и американцами. Русские не были информированы их британскими и американскими союзниками относительно присутствия здесь румынских эмиссаров...»

Впоследствии стало известно, что миссия князя Барбу Штирбея была осуществлена с согласия и при помощи самого Антонеску. Позиция буржуазно-помещичьих партий, именовавших себя «оппозиционными», и здесь оказалась ближе к фашистской клике Антонеску, чем к Патриотическому антигитлеровскому фронту. Забегая вперед, скажем, что на этой позиции выхода Румынии из войны путем англо-американской оккупации стоял и король Михай. И, только потеряв всякую надежду на успех этого плана, когда советские армии уже стояли на Днестре, готовые к историческому освободительному походу в глубь Балкан, король переменил фронт, а царанистская и либеральная партии формально пошли на сотрудничество с компартией и социал-демократами.

Имело значение также и заявление Советского правительства, сделанное 2 апреля 1944 года народным комиссаром иностранных дел СССР представителям советской и иностранной печати. В нем говорилось:

«Красная Армия в результате успешного продвижения вперед вышла на реку Прут, являющуюся го-

сударственной границей между СССР и Румынией. Этим положено начало полного восстановления советской государственной границы, установленной в 1940 году договором между Советским Союзом и Румынией, вероломно нарушенным в 1941 году румынским правительством в союзе с гитлеровской Германией. В настоящее время Красная Армия производит очищение советской территории от всех находящихся на ней вражеских войск, и уже недалеко то время, когда вся советская граница с Румынией будет полностью восстановлена.

Советское правительство доводит до сведения, что наступающие части Красной Армии, преследуя германские армии и союзные с ними румынские войска, перешли на нескольких участках реку Прут и вступили на румынскую территорию. Верховным главнокомандованием Красной Армии дан приказ советским наступающим частям преследовать врага вплоть до его разгрома и капитуляции.

Вместе с тем Советское правительство заявляет, что оно не преследует цели приобретения какой-либо части румынской территории или изменения существующего общественного строя Румынии и что вступление советских войск в пределы Румынии диктуется исключительно военной необходимостью и продолжающимся сопротивлением войск противника».

Позднее, в августе 1944 года, в связи с вступлением советских войск на территорию Румынии, в Москве было опубликовано новое заявление, в котором Советское правительство подтвердило свою апрельскую позицию и указало, что считает необходимым восстановить совместно с румынами независимость Румынии путем ее освобождения от немецко-фашистского ига. Подчеркивалось, что если румынские войска прекратят военные действия против Красной Армии и, наоборот, обяжутся рука об руку с ней вести освободительную войну против гитлеровцев, за независимость Румынии, то Красная Армия не будет их разоружать сохранит им полностью все вооружение и всеми мерами поможет им выполнить эту почетную задачу.

Таков был политический фон событий в те августовские дни, когда Советская Армия — освободи-

тельница развивала наступление по территории Румынии.

...Наши «виллисы», повернув за Браилой на запад от Дуная, довольно быстро вошли в полосу наступления советских танковых частей, которые вели бои на подступах к нефтяному Плоешти. Из сообщений бухарестского радио мы уже знали об антифашистском восстании в столице Румынии. Впервые радио Бухареста сообщило об этом вечером 23 августа, когда советские войска уже разгромили основные силы вражеской группы армий «Южная Украина» и стремительно двигались в глубь Румынии. Подняли вооруженное восстание и рабочие-нефтяники Плоешти, их поддержали стоявшие в городе румынские воинские части. Гитлеровцы окружили город и готовились учинить кровавую расправу над его защитниками. Но подоспевшие советские танки разгромили немецкие войска и освободили город.

В последний день августа, когда мы подъезжали к Плоешти, в этом районе заканчивалась ликвидация очагов немецкого сопротивления. Румынское население радостно встречало освободителей. Советские танки, мощные, с длинными хоботами пушек, с натертыми до блеска, как лемехи плуга, гусеницами, двигались по улицам освобожденного города. Высунувшись из открытых люков, танкисты радостно улыбались толпе, ловя на ходу букеты цветов...

И мне вспомнился эпизод из далекой истории. Его описала бухарестская газета «Пресса» — выходила такая в румынской столице в 1877 году. В заметке рассказывалось, как однажды майским днем того года на улицах румынского пограничного города появились русские солдаты, посланные Россией в помощь румынам в их борьбе за освобождение от турецкого ига. Как братьев, встречали румыны русских солдат на своей земле, тысячи людей вышли встречать их с цветами...

То был ответственнейший период истории румынского государства, только что ставшего на путь независимости. Этому предшествовали секретные переговоры Румынии с Россией в Крыму, результатом которых была конвенция о пропуске русской армии через территорию Румынии — первый политический

документ, подписанный турецким вассалом с великой державой на равных началах. Опираясь на поддержку России, Румыния объявила войну Турции, а ее парламент провозгласил 9 мая 1877 года независимость страны. Русские войска двинулись через Румынию на Балканы, чтобы помочь их народам в национально-освободительной борьбе против турецкого ига.

Один из видных политических деятелей Румынии того времени, К. А. Росетти, обращаясь к русским войскам, вошедшим в Бухарест, говорил: «Ставший только со вчерашнего дня столицей независимого государства, город Бухарест гордится тем, что сегодня он откроет ворота освободителям народов Востока. Он поручил мне от его имени приветствовать тех, кто соблаговолил сделать вдвойне признательной новую и независимую Румынию».

Румынское население, как отмечают современники, повсюду проявляло к русским большую симпатию.

Касаясь этой страницы далекой истории, Г. Георгиу-Деж подчеркивал, что традиционное румынско-русское братство по оружию, которое проявилось и в боях против гитлеровских войск, сложилось на протяжении столетий в совместных сражениях румын и русских солдат. «Особенно сильно это проявилось,— сказал Георгиу-Деж,— в войне 1877 года, когда русская армия помогла румынскому народу завоевать государственную независимость».

...В столицу Румынии мы попали на рассвете второго дня после вступления сюда советских войск. Было чудесное, солнечное сентябрьское утро. И какое-то мирное. У въезда в город, на пустынной в это раннее время улице, я увидел тележку, на которой лежала гора крупных, мясистых, сочных стручьев зеленого перца. Тележку подталкивала впереди себя полная румынка. Через минуту мы обогнали вторую тележку, потом третью... Огородницы из столичного пригорода везли свой товар на рынок.

Конец диктатуры Антонеску

У подъезда «Амбасадора», самой фешенебельной в то время гостиницы Бухареста, я, соскочив с «виллиса», буквально лицом к лицу столкнулся с Ваней Агибаловым, корреспондентом «Красной звезды». «Пожалуй, наиболее достоверный источник информации»,— подумал я, искренне обрадованный.

Дело, однако, оказалось не таким простым. Хотя Агибалов, находясь на 2-м Украинском фронте, прямо «нацеленном» на Бухарест, прибыл сюда раньше, об августовских событиях в столице Румынии информирован был, пожалуй, не больше, чем я. Помог случай. Разыскивая советскую комендатуру, я свернул на тихую зеленую улочку, которая, изогнувшись, уходила вправо от шоссе Киселева. Это был район нарядных особняков; некоторые теперь опустели, их хозяева удрали вместе с немцами. Мой провожатый, любезно предоставленный дирекцией «Амбасадора», смышленый мальчишка, кое-как понимавший по-русски, указав на один из таких особняков, сказал:

— Здесь теперь партия помещается.

— Коммунистическая?

— Ну, конечно. Недавно сюда переехала...

Вот где можно обо всем разузнать. Дежурный, высунувшись из будки, стоявшей у входа во двор особняка, подтвердил, что в здании действительно находится Центральный Комитет Компартии Румынии. Он обосновался в этом особняке неделю назад, сразу после выхода партии из подполья. И здесь я услышал много интересного о том, как готовилось румынскими коммунистами антифашистское вооруженное восстание и как оно победило. Курс на подготовку вооруженного восстания партия взяла уже в августе сорок третьего года, но особенно активные действия по сплочению антигитлеровских патриотических сил развернулись в апреле сорок четвертого года, то есть после освобождения Одессы и выхода наших войск на Днестр. В начале мая был создан Единый фронт, на базе которого на предприятиях страны начали возникать «комитеты действия» в составе коммунистов, социал-демократов и беспартий-

ных. Они вели большую работу по подготовке к вооруженному восстанию, организовывали саботаж на производстве, забастовки трудящихся.

Чтобы еще больше изолировать правительство Антонеску и создать условия для его свержения, партия пошла на смелый шаг — установление связи с королевским двором.

Объясняя мне этот факт, румынские друзья указывали на три обстоятельства: провал миссии князя Штирбея, о которой речь шла выше, выход советских войск на Днестр и активная подготовка их к броску в глубь Балкан, возросшая популярность Румынской компартии среди населения и в армии. Румыния должна была сделать выбор, и это понимали все. Наступил решающий момент. «Если осталось хоть одно мгновение, когда наш народ имеет возможность присоединиться к другим народам, ведущим на всей земле битву за свободу, если остался еще хоть один момент, то это нынешний момент. И он последний» — так говорилось в брошюре КПР «Идет Красная Армия!», широко распространенной к тому времени по всей стране.

Много лет спустя королевский адъютант генерал Эмилиан Ионеску признал, что, «несмотря на намерение двора избежать совместных действий с коммунистами, все же в конце концов дворцовые круги пришли к выводу, что без участия коммунистов они не смогут выйти из создавшегося тупика». Правда, король и его приближенные надеялись, что им удастся ограничиться «переворотом в верхах», без участия масс и без существенных изменений в политической и общественной жизни Румынии. Но быстрое нарастание революционной ситуации в стране после разгрома гитлеровских войск Советской Армией в районе Ясс — Кишинева и по мере продвижения освободительной армии Советского Союза в глубь Румынии внесло коррективы в их расчеты. «Учитывая критическое положение монархии,— вспоминает генерал Ионеску,— дворцовые круги были вынуждены принять план компартии».

План восстания обсуждался на совещании, созванном по предложению коммунистов на конспиративной квартире ЦК партии в Бухаресте в ночь с

13 на 14 июня 1944 года. Присутствовали кроме коммунистов представители армии и двора, в том числе и генерал Санатеску, ставший потом председателем Совета Министров Румынии, а также Никулеску-Бузешть, который вошел в его правительство в качестве министра иностранных дел. Принятый на совещании план компартии связывал сроки восстания с развитием наступления советских войск на румынском фронте.

23 августа после бурного заседания во дворце в Снагове, длившегося всю ночь, Антонеску объявил о своем намерении посетить королевский дворец для утверждения принятых решений. Это совпадало с намеченным планом, который предусматривал арест Антонеску во дворце специальной группой людей, которая должна была одновременно разоружить довольно сильную охрану, обычно сопровождавшую диктатора. Когда в назначенное королем время во второй половине дня Ион Антонеску в сопровождении многочисленной охраны прибыл во дворец, там уже находился его однофамилец министр иностранных дел Михай Антонеску. Помимо обоих Антонеску и короля на приеме присутствовал и генерал Санатеску. Ион Антонеску в течение 45 минут докладывал о ходе военных действий, о внутреннем и международном положении страны. Он не скрывал, что обстановка на фронте тяжелая, тут же указав, какие меры приняты, чтобы остановить наступление советских войск на линии Восточных Карпат, укрепленного района Фокшаны-Нэмолоаса-Гала и приморской части Дуная. Антонеску допускал возможность заключения при необходимости перемирия на этой новой линии фронта, однако с согласия Гитлера.

Беседа продолжалась до 17 часов, когда король вышел из кабинета в приемную и сообщил присутствовавшим там о позиции, занимаемой диктатором. Королю передали согласие компартии на арест Антонеску. Михай вернулся в кабинет и, как было заранее условлено, заявил Антонеску, что он снят со своего поста и арестован, и тут же вышел из кабинета. В кабинет вошла группа солдат, арестовала обоих Антонеску и отвела их в бронированную комнату на втором этаже.

Затем под предлогом созыва Совета короны были вызваны по телефону и арестованы во дворце военный министр генерал К. Пантази, министр внутренних дел генерал Д. Попеску, главный инспектор жандармерии генерал К. Пики-Василиу и начальник полиции города Бухареста полковник М. Элефтереску. Некоторые члены правительства были арестованы позже.

Во время этих событий король и его окружение были охвачены страхом перед возможной реакцией гитлеровских войск. Этот страх усугубился с прибытием во дворец германского посла Манфреда фон Киллингера.

Королевский адъютант Э. Ионеску встретил Киллингера у входа во дворец и проводил его в кабинет короля. Первым вопросом посла был: «Где И. Антонеску?» Ему ответили, что Антонеску смещен, и тут же послу были представлены К. Санатеску, новый председатель Совета Министров, и Г. Никулеску-Бузешть, министр иностранных дел. Последний изложил Киллингеру причины, вызвавшие выход Румынии из войны. Король заявил также, что, как Гогенцоллерн, он сожалеет о случившемся и что он просит передать германскому правительству его просьбу вывести немецкие войска из Румынии. Взбешенный Киллингер ударил кулаком по столу, угрожая, что немецкие войска потопят страну в крови, и ушел, хлопнув дверью.

Вскоре во дворец прибыли гитлеровские генералы Гансен и Герстенберг, которые дали «честное слово», что утром 24 августа немецкие войска будут выведены из Бухареста и его окрестностей. Однако, вернувшись в свое посольство, гитлеровские генералы разработали план нападения на Бухарест силами, находившимися в городе и севернее столицы — в Бэнясе, Отопень и Пипере. Но так как дороги, ведущие в Бэнясу, были к тому времени перекрыты румынскими воинскими частями, генерал Герстенберг вновь явился во дворец и добился разрешения Санатеску покинуть город под тем предлогом, что ему, мол, необходимо попасть в Бэнясу для организации отхода немецких войск. По прибытии машин в расположение немецких войск генерал Герстенберг

арестовал сопровождавших его румынских офицеров и приказал своим войскам приступить к выполнению приказа Гитлера о захвате Бухареста и подавления восстания.

Но к этому были готовы и коммунисты, а также силы, которые вместе с ними шли на вооруженное восстание. Вечером 23 августа, когда радио передало декларацию короля о свержении военно-фашистской диктатуры и о переходе Румынии на сторону антигитлеровской коалиции, воинские части румынской армии и патриотические отряды приступили к осуществлению заранее намеченного плана. Они заняли главные государственные учреждения: здание президиума Совета Министров, центральную телефонную станцию, радиостанцию и т. д. Здания, в которых расположились гитлеровцы, были блокированы, дороги, ведущие к Бухаресту, перекрыты. Компартия призвала румынский народ к борьбе против немецко-фашистских захватчиков. Мне потом показывали старый номер газеты «Ромыния либерэ» с опубликованным в нем заявлением Румынской компартии, призывавшим все население страны взяться за оружие и начать беспощадную борьбу против смертельного врага румынского народа — гитлеровцев.

В ночь с 23 на 24 августа в ряде кварталов столицы прозвучали первые выстрелы, начались первые схватки между боевыми отрядами патриотов и гитлеровцами. С утра бои разгорелись по всему городу. Участники восстания разоружали целые подразделения гитлеровцев, расположенные в Бухаресте, и закрывали все пути для частей, спешивших сюда по приказу гитлеровских генералов.

Вот что сообщало в те дни бухарестское радио, передачи которого были почти единственным источником информации о положении в румынской столице и поэтому ежедневно публиковались в нашей фронтовой, да и в центральных газетах.

БУХАРЕСТ, 26/VIII. Как передает румынское радио, в опубликованном сегодня сообщении генерального штаба румынской армии говорится, что 24 августа немецкие части начали атаковать Бухарест. В течение 24 и 25 августа немецкая авиация подвергла город интенсивной бомбардировке. Имеются жертвы среди гражданского населения. Сбито 7 немецких самолетов. В течение 25 августа румынские части

ликвидировали все очаги сопротивления немцев в Бухаресте. Захвачены 4 тысячи пленных и большие трофеи. Румынские войска продолжали операции по ликвидации разрозненных групп немцев вокруг столицы.

БУХАРЕСТ, 26. VIII. Вчера вечером бухарестское радио сообщило: «Сегодня после массового налета немецких пикирующих бомбардировщиков немецкие войска пытались захватить аэродром Бэняса (вблизи Бухареста). Все атаки противника были отбиты полками королевской гвардии с весьма тяжелыми потерями для немцев. Тяжелые германские орудия и машины загромоздили дороги, ведущие из Бэняса в Бухарест. Селение Бэняса и аэродром перешли в наши руки. Таким образом, столица окончательно очищена от германских частей, многие из которых были полностью уничтожены. Согласно недавним сообщениям, последние немецкие укрепленные пункты в стране переходят в наши руки. Германские солдаты целыми группами складывают оружие и сдаются нашим частям».

В ночь на 27 августа бухарестское радио передало обращение к народу, призывающее его объединиться и бороться против гитлеровской Германии. Обращение было подписано четырьмя политическими партиями, составляющими национально-демократический блок: национал-царанистской, национал-либеральной, коммунистической и социал-демократической. В обращении говорилось:

«Наш народ переживает наиболее тяжелые часы своей истории. Все созданное нашими прошлыми поколениями и все надежды будущих поколений находятся под угрозой. Война подходит к концу. Германия рушится. Все гитлеровские армии терпят поражения. Победа союзников очевидна. Учитывая это положение и принимая во внимание заявление Молотова, одобренное президентом Рузвельтом и премьер-министром Черчиллем, гарантировавшее независимость Румынии и суверенитет нашего государства, мы дали возможность нашей стране не фигурировать на мирной конференции среди побежденных государств с перспективой полного разгрома. После пяти лет бойни приближается час расплаты. Приближающийся мир не должен застать нас на стороне тех, кто нарушил наши границы и торговал нашей территорией. Мы должны смыть со своего лица все следы сотрудничества с гитлеризмом, с тем чтобы стать на путь, который обеспечит нам надежное будущее.

Объединяйтесь в последнем сражении против немецких предателей, которые, нарушив обещанное слово, выступили как враги нашей родины. Обезоруживайте каждого немецкого солдата и препятствуйте немцам при любых обстоятельствах и в любом месте, чтобы они не могли выступать ни как боевые соединения, ни в качестве частных лиц, уни-

чтожающих богатство страны. Лишайте их всякой возможности бороться, сделайте, чтобы они быстрей покинули нашу страну».

Утром 28 августа радио Бухареста передало сообщение румынского верховного командования о том, что в столице сопротивление гитлеровцев прекратилось, царит полное спокойствие. А через двое суток под утро глухо прозвучали два выстрела в особняке гитлеровского посольства: застрелился посол фон Киллингер, тот самый, что несколькими днями раньше грозился потопить в крови всю страну. Перед тем как пустить себе пулю в лоб он застрелил в упор свою любовницу, личного секретаря.

31 августа 1944 года в Бухарест вошли советские войска. Участник освобождения Румынии писатель Илья Константиновский в романе «Возвращение в Бухарест» дает яркую картину встречи Советской Армии жителями румынской столицы.

«...На площади Виктории,— пишет он,— мы увидели колонны демонстрантов, которые вышли встречать Красную Армию; по шоссе Киселева среди толпы двигались странные, возвышающиеся над головами трибуны, на которых стояли люди с флагами и транспарантами. Когда мы пробились ближе, оказалось, что это наши танки, на броню которых взобрались встречающие. Каждый танк был буквально облеплен молодыми людьми в белых рубашках, среди них темнели гимнастерки и шлемы танкистов; их загорелые, припорошенные серой пылью лица выражали простодушное изумление и вместе с тем горделивое сознание своей силы. Всего несколько дней назад они вступали в Румынию как во вражескую страну, а теперь они въезжали в румынскую столицу, и вокруг них бурлила радостная, благодарная толпа. «Ура-а!..» — перекатывалось от шоссе Киселева на шоссе Жиану, по которому тоже шли войска: танки, самоходные орудия, пехота на машинах и мотоциклах.

Я смотрел на эту великую и слаженную силу, заполнившую обе северные магистрали Бухареста. «Вот так и должно быть,— думал я, вглядываясь в лица солдат, пришедших из глубин России в этот чу-

жой и неизвестный им город.— Они пришли сюда через Волгу и Днепр, через Днестр и Прут, и в этой восторженной встрече, которую им здесь оказывают, они еще раз видят подтверждение своей силы, своей правоты. Вряд ли они многое знают о Бухаресте и его обитателях, и все же они оказали им самую большую услугу, которую только может оказать человек человеку: они сражались за жителей румынской столицы и теперь прикрывают их своей броней и своими телами».

События последней недели августа открыли новую страницу румынской истории. Румыния вступила на путь, который привел ее к социалистической революции, в корне изменившей политический строй страны, ее социальный облик.

1944 г.

СЕНТЯБРЬ

9

СУББОТА

Победившее при решающей помощи героической Советской Армии восстание 9 сентября открыло путь к построению социализма в нашей стране.

Георгий Димитров

ГЛАВА III

БОЛГАРСКИЙ СЕНТЯБРЬ

Накануне

Длинный понтонный мост перекинулся через Дунай. Под тяжестью нескончаемой колонны грузовых автомашин он тихо колышется, изгибаясь и поскрипывая досками наспех сколоченного настила. Наш легкий «виллис», как игрушечный, прыгает по неровностям моста. После невыносимой духоты и зноя бессарабской степи приятно освежает речная прохлада. У лодок, на которых покоится вытянувшееся тело моста, тихо плещется дунайская волна...

Скрипнула последняя доска понтонного моста, и «виллис», шурша упругими скатами по мелкому гравию, весело помчался в гору. Дунай остался позади. Мы в Добрудже. Над ее каменистыми дорогами нынче клубится белая пыль. По извилистому шоссе движутся советские войска, наполняя грохотом горные долины. Преодолевая крутые перевалы, они могучим потоком людей и машин устремляются к болгарской границе.

Открываю планшетку и смотрю на карту. Вот и граница. Извилистой линией пересекает она предгорья Балканского хребта от южного берега Дуная до побережья Черного моря. Здесь сосредоточиваются наши войска, чтобы нанести новый сокрушительный удар противнику.

Колонна втянулась в небольшое горное селение и остановилась. Умолк лязг гусениц. Водители стали подливать воду в закипевшие радиаторы. В это время из одного двора вышел старик румын, подпоясанный красным кушаком, босой, в остроконечной войлочной шляпе.

— Буна, буна,— говорит старик, с восхищением указывая на пушку, вытянувшую свой длинный хобот. Бойцы заулыбались. Они уже успели заучить некоторые румынские слова и знали, что «буна» означает «хорошо». Возле колонны столпились румынские крестьяне. Одни с любопытством осматривают могучую технику, какой еще не видали эти горы, другие угощают солдат виноградом и холодной ключевой водой.

Через несколько минут колонна снова двинулась в путь. С трудом обгоняя пушки на тесной горной дороге, промчались броневики, а за ними тяжелые танки. Все исчезло в пыли, потонуло в грохоте. А танки идут и идут. Прижавшись к обочине, тянутся конные обозы, неистово ревя сиренами, проносятся штабные «виллисы». Пехотные, артиллерийские, танковые, минометные части одна за другой выходили к румыно-болгарской границе и занимали исходный рубеж. А вслед за ними через горы и долины тянулись все новые и новые...

В полночь приехал в Чернаводы, небольшой румынский город на Дунае. Здесь штаб нашего фронта, только что перебравшийся из-за Дуная. От друзей-коллег узнаю, что приказа о наступлении еще не было, но сосредоточение войск на болгарской границе, видимо, закончено, и они лишь ждут сигнала, который может последовать в любую минуту.

А что же творится в самой Болгарии? Вот бы заглянуть туда хоть на миг, думал я, слушая рассказы моих друзей, даже не предполагая, что пару дней спустя окажусь в центре событий, происходивших в Болгарии. Но об этом речь впереди. Сейчас приведу лишь обращение болгарских партизан к Советской Армии, которое выписал из бюллетеня Главного штаба повстанческих партизанских войск Болгарии. Бюллетень попал мне в руки, когда мы оказались на территории этой страны, но отпечатан он был,

судя по дате, как раз в те дни, когда советские войска достигли ее северной границы.

Добре дошли! — добро пожаловать! — говорилось в этом обращении к советским воинам.— Мы ждали вас, братья-красноармейцы. В наших сердцах эхом отзывался каждый салют в честь ваших побед. И ждали мы вас не сложа руки. Жертвами, принесенными тысячами наших товарищей, своей кровью мы скрепили свое братство с партизанскими движениями на территории порабощенной Европы и завтрашнее братство народов всего мира. Мы с радостью и удовлетворением отдаем вам честь и приветствуем вас — ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА НАШУ ГРАНИЦУ! Наша близость и наша воля к борьбе с угнетателями народа является гарантией того, что БОЛГАРИЯ БУДЕТ СВОБОДНОЙ, НЕЗАВИСИМОЙ И ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ!

На бюллетене стояла дата: 5 сентября 1944 года. Как раз в этот день произошло два важных события. В Москве правительство СССР вручило посланнику царской Болгарии И. Стаменову ноту, в которой расценивало политику болгарского правительства как фактическое участие в войне на стороне Германии против Советского Союза. В силу этого, говорилось в ноте, «Советское правительство не считает дальше возможным сохранять отношения с Болгарией, рвет всякие отношения с Болгарией и заявляет, что не только Болгария находится в состоянии войны с СССР, поскольку на деле она и ранее находилась в состоянии войны с СССР, но и Советский Союз отныне будет находиться в состоянии войны с Болгарией».

А в Болгарии в тот же день на совместном заседании Политбюро Центрального Комитета коммунистической партии и руководимого им Главного штаба народно-освободительного движения был выработан конкретный план вооруженного восстания. К тому времени в Болгарии, по оценке болгарской партии коммунистов, созрела непосредственно революционная ситуация. Благоприятствующим фактором явилось успешное наступление Советской Армии на Балканах, но сам процесс созревания революционной обстановки начался значительно раньше.

В начале второй мировой войны Болгария объявила о своем нейтралитете. Но это был всего лишь маневр правящей монархо-фашистской клики во

главе с царем Борисом, с помощью которого она рассчитывала прикрыть свое сотрудничество с фашистской Германией. Весной 1941 года тогдашний премьер-министр Богдан Филов подписал в Вене протокол о присоединении Болгарии к Берлинскому пакту, а затем, 2 марта 1941 года, в страну вступили немецко-фашистские войска, которые с болгарской территории напали на Грецию и Югославию.

Сама Болгария к июню 1941 года превратилась в плацдарм для войны против СССР. Болгарские морские и дунайские порты к тому времени уже стали базами гитлеровских военно-морских сил, действовавших против Советского Союза. Аэродромы и железные дороги также оказались полностью в руках немецко-фашистского командования. Вместе с тем болгарское правительство не могло не считаться с традиционными симпатиями и любовью болгарского народа к «майке России» и поэтому не решилось открыто объявить войну СССР, отправить болгарские войска против Советской Армии. Оно и здесь пошло на хитрость: болгарские воинские части вступили в Югославию и Грецию, тем самым высвободив расквартированные там гитлеровские войска для войны на советско-германском фронте.

Вероломное нападение гитлеровской Германии на Советский Союз глубоко взволновало болгар. И когда Центральный Комитет Компартии Болгарии в своем воззвании к болгарскому народу призвал его «ни в коем случае не допустить использования своей земли и своих войск для разбойничьих целей германского фашизма», вся страна откликнулась на этот призыв. «Будьте бдительны и всячески сопротивляйтесь самым энергичным образом мерам, которые предпримет правительство, чтобы вовлечь нас в войну или поставить нашу страну на службу фашистским разбойникам!» — призывала компартия, и народ активно включался в вооруженную борьбу против гитлеровских оккупантов. Повсюду возникали вооруженные группы для диверсий, в горах создавались первые партизанские отряды, ядро которых, как правило, составляли коммунисты. В армии агитационную работу коммунисты вели под лозунгом «Ни одного солдата на Восточный фронт!».

Несколько раз пытался Гитлер принудить болгарское военное командование выставить свои войска на советско-германский фронт, но реакционные правители Болгарии боялись собственного народа и не решались на такой шаг. В августе 1943 года царь Борис снова был вызван в ставку Гитлера, но снова он ничего не мог пообещать фюреру. Домой царь не вернулся: отказал кислородный прибор, и немецкий военный самолет приземлился с бездыханным телом последнего царствующего Кобурга. Кое-кто утверждал, что таким путем фюрер отделался от своего незадачливого гауляйтера.

Смерть царя Бориса поставила перед правительством Болгарии вопрос о выборах регентского совета для пятилетнего царя Симеона. Согласно болгарской конституции, его должно было избрать Великое народное собрание. Но правящая фашистская клика хорошо понимала, что созыв Великого народного собрания и сами выборы не сулят им ничего хорошего. Поэтому они, по указанию Гитлера, создали регентский совет, не созывая Великого народного собрания. Регентами стали бывший премьер фашистского правительства Болгарии Богдан Филов, принц Кирилл и генерал Никола Михов.

Победы Советской Армии, особенно разгром ясско-кишиневской группировки гитлеровских войск, и выход Румынии из фашистского блока, могучий подъем народно-освободительной борьбы болгарского народа не на шутку встревожили и самого Гитлера и его болгарских пособников. Правители Болгарии начали всячески изворачиваться, маневрировать. Еще по дороге в Бухарест я узнал из передач московского радио о том, что болгарское правительство заявило о своем решении полностью и безусловно соблюдать нейтралитет, а несколько дней спустя прочитал во фронтовой газете следующее сообщение:

БОЛГАРСКИЙ «НЕЙТРАЛИТЕТ» КАК СРЕДСТВО ЗАЩИТЫ НЕМЦЕВ.

КОНСТАНЦА, 30. VIII. По проверенным сведениям, в Рущук, болгарский порт на Дунае, на днях прибыли 23 германских вооруженных судна. В Рущуке находились и до этого германские суда. В нарушение объявленного Болгарией нейтралитета эти суда не подверглись режиму интернирования.

Имеются проверенные сообщения, что германские суда, в том числе подводные лодки, укрываются в черноморских болгарских портах Варна и Бургас. При содействии болгарских властей немцы уже затопили несколько штук этих судов. Часть же судов, по полученным здесь данным, передается немцами болгарским властям в качестве платежа по германским торговым обязательствам.

Все это свидетельствует о том, что болгарское правительство ввело «нейтралитет» для того, чтобы дать возможность немцам укрыться в Болгарии от преследований союзников.

Заявив о своем «нейтралитете», монархо-фашистское правительство в то же время обещало гитлеровцам, что их разоружение и интернирование будет проведено лишь на словах, для «внешнего эффекта». Действительно, немецкие войска ушли в Югославию в полном вооружении. Часть войск продолжала оставаться в Болгарии.

Через границу В знойный полдень 8 сентября мы переехали болгарскую границу. Уже с утра день был удивительно ясный, солнечный. Ко мне зашел Володя Лясковский, корреспондент «Комсомольской правды», полчаса назад отправившийся в оперативный отдел за информацией. Он был явно возбужден.

— Знаешь, какую новость сообщили нам сейчас? — крикнул он с порога.— Моторизованные части нашего фронта на рассвете пересекли границу и сейчас движутся в глубь Болгарии.

И вот мы едем по пыльной дороге через степную Добруджу на юг, к Варне. Позади осталась сторожевая вышка румынской заставы. Свернув с дороги, подъезжаем к пограничному болгарскому домику. Это пост № 6. У домика толпятся болгарские граничары — пограничники. Они с готовностью рассказывают нам, как разыгрались здесь события сегодня утром. «Сидели мы за столом, играли в карты. Неожиданно в комнату вошла группа советских офицеров. В это время в углу задребезжал телефон. Советский майор взял трубку, послушал и заулыбался.

— Болгарская застава,— сказал он,— запрашивает пост № 6, что произошло. Они еще ничего не знают...»

А произошло все внезапно. Не было никакой артподготовки и налетов авиации. Еще полчаса назад

над пограничными полями царила безмолвная тишина. Потом из лесов, рощ и балок выскочили сотни машин, танки, самоходные орудия и устремились через границу. Через час они были уже далеко, на болгарской земле...

Много было братских встреч в то утро на пограничных заставах Болгарии. Вот что рассказал командир стрелкового батальона А. Фадеев, который первым в 188-й Нижнеднепровской Краснознаменной дивизии перешел румыно-болгарскую границу утром 8 сентября.

— Батальон прошел уже около двух километров, когда разведка донесла, что впереди — пограничная застава. Командир полка полковник П. Власко и я в сопровождении двух ординарцев выехали вперед и в двухстах метрах увидели погранзаставу. Возле казармы, за невысокой изгородью, стоял строй из 25—30 солдат. Ими командовал среднего роста молодой черноусый офицер. Откровенно признаться, мы, четверо русских, почувствовали себя несколько озадаченными: ведь перед нами стояло вооруженное подразделение армии государства, с которым наша страна официально находилась в состоянии войны. Но раздумывать было некогда, мы тронули лошадей, въехали во двор заставы и спешились. Вдруг болгарский офицер что-то скомандовал, выхватил шашку из ножен и быстрым шагом подошел к нам, отсалютовал и на смешанном русско-болгарском языке отдал рапорт:

— Господин полковник! Граничары болгарской пограничной заставы торжественно встречают своих братьев-освободителей.

Полковник Власко принял рапорт, пожал руку поручику и громко поздоровался с пограничниками. А затем произошло то, что не указано ни в одном воинском уставе и не предусмотрено никаким дипломатическим этикетом: строй мгновенно рассыпался, и мы оказались в тесных объятиях болгарских пограничников. Мы хлопали друг друга по спине, жали руки, смеялись и ничего не говорили. Да и нужны ли слова в подобных случаях?..

...А вот и первое болгарское село. По карте узнаю, что это Сараджа. На улицах — толпы людей. Они

приветливо машут руками, предлагают арбузы и виноград, забрасывают машину цветами. Отовсюду слышатся возгласы: «Здраво, братуля!», «Привет, братушки!»

На несколько минут останавливаемся у сельского трактира. Возле него за столиками сидит много празднично одетых крестьян. Сразу же вокруг машины собирается народ. Настойчиво приглашают за стол, тянутся десятки рук с ракией — так называют здесь водку. Завязывается оживленный разговор.

— Мы вас давно ждем,— говорит старик болгарин,— спасибо, что прогнали германцев.

Узнаю, что зовут его Дмитрий Георгиев. Записываю в блокнот.

— Немцы у нас все забрали за эти годы,— вступает в разговор другой крестьянин.— Раньше у нас ходили в цервулях[1], а теперь, посмотрите, все босые, надеть нечего. И мыла нет, все вывезли...

Так начались мои встречи с болгарами. Много рассказов о беззастенчивом грабеже немцев услышал я в этот день, на всем пути от границы до Варны. Болгарский народ изнывал под игом немецких оккупантов, вытягивавших из него последние соки. Обнищание деревни дошло до последнего предела. Народ с нетерпением ждал минуты, когда Советская Армия поможет ему сбросить фашистское ярмо. Поэтому вступление советских частей на территорию Болгарии было для населения большим праздником. Повсюду на пути к Варне, навстречу нашим войскам выходили празднично одетые люди.

Вот и Варна. Подъезжаем к ней по прекрасному шоссе, обсаженному с обеих сторон деревьями. С возвышенности, где дорога после поворота начинает круто спускаться вниз, виден весь город, живописно раскинувшийся у моря. Этот крупнейший болгарский порт немцы особенно широко использовали в качестве базы своих основных военно-морских сил на Черном море, действовавших против Советского Союза. Вот почему сюда был направлен первый стремительный удар наших войск, вступивших на терри-

---

[1] Вид обуви из необработанной свиной кожи.

торию Болгарии. Одновременно к порту устремились с моря наши черноморцы.

Первыми вошли в город прославленные мотомеханизированные части подполковника Завьялова. Трудно описать встречу, устроенную им жителями города. Чуть ли не все население вышло на улицы. Большая группа людей шла со знаменем. Каждый обязательно хотел пожать руку советскому бойцу. Женщины поднимали на руках детей и говорили им: «Смотрите, смотрите. Это наши русские друзья».

Чтобы лучше ознакомиться с городом, приглашаю в машину проходившего мимо мужчину. С радостью принимает предложение. Это, оказывается, Михаил Ганчев, токарь здешней мастерской, очень общительный и словоохотливый. Во всех районах города, где мы проезжаем,— волнующие картины народного торжества.

— Невольно вспоминается день, когда сюда вошли гитлеровцы,— задумчиво говорит Ганчев.— В городе царила мертвая тишина. Никто не хотел встречать и даже видеть их. Варна была будто мертвая. Только зло рычали немецкие танки да по безлюдным улицам рыскали немецкие солдаты и офицеры...

Хороша Варна! Красивые светлые домики, зеленые улицы. На Соборной площади высится гранитный обелиск — памятник русским воинам. Жители Варны особенно чтят этот памятник. Остановитесь у памятника, и вам расскажут, как в 1878 году Россия освободила Болгарию от турецкого ига. Доблестно сражались тогда русские войска на болгарской земле, освобождая братьев-славян от иноземных захватчиков. Площадь независимости. Необычайное оживление царит у входа в здание городской общины. У городских властей сейчас много дел. Болгарские патриоты уже принялись за создание новых, демократических органов. Некоторые еще в партизанской одежде, с автоматами через плечо и гранатами у пояса. Это они сегодня рано утром вместе с восставшими солдатами и офицерами напали на тюрьму и освободили всех политзаключенных, затем посадили на их место арестованных фашистов и,

установив в своем городе власть Отечественного фронта, послали отряды в помощь восставшим соседним городам — Провадии, Добричу, Балчику. Собрался митинг варненцев, участники которого восторженно встретили вошедшие в это время в Варну передовые отряды Советской Армии...

Спускаюсь вниз, к порту. Тихая, защищенная со всех сторон бухта. Слева, у причала, пришвартовались катера-охотники Героя Советского Союза Григория Игнатенко. Это они вместе с подразделением торпедных катеров капитана 2-го ранга Проценко обеспечивали с моря операцию по освобождению Варны.

Рядом, у того же причала, стоит немецкий тральщик. На палубе уже мелькают матросские ленточки наших моряков. В стороне покачивается на воде второе немецкое судно — танкер большого тоннажа. На длинной скамейке возле одного из портовых складов сидят болгарские морские офицеры. Подхожу к ним. Они сняты с судов и пока что находятся под стражей. Охотно, наперебой рассказывают, что творили здесь гитлеровцы перед своим отходом. Они поджигали свои суда, потопили до 60 самоходных барж, подводных лодок, транспортов. Один болгарский офицер ведет меня к маяку и отсюда показывает место, где немцы топили свои суда. Они подводили их к выходу из бухты, затем на барже отправляли людей на берег, а корабль пускали ко дну. Еще и сейчас видны торчащие из воды рубки и мачты кораблей.

А судя по всему, оккупанты рассчитывали всерьез и надолго обосноваться в Варне. Позже, когда я проезжал мост через канал, соединяющий бухту с Варненским озером, мне показали сухой док, который они начали и не успели достроить. Все санатории и курорты, которыми славится Варна, они перестроили в госпитали и казармы. Недалеко от порта оборудован немецкий аэродром. В городе много было немецких складов. Все это наглядно подтверждало справедливость советской ноты болгарскому правительству: фашистская Германия за ширмой болгарского «нейтралитета», при поддержке болгарских властей и вопреки воле народа широко использовала терри-

торию Болгарии и ее порты для войны против Советского Союза.

По улице Владислава, сколько видит глаз, движутся советские войска. Идут тяжелые танки, самоходные пушки, утыканные дубовыми ветками автомашины и бронетранспортеры. Мчатся мотоциклисты. Над городом несется родная русская песня...

Решаем взять направление на Софию, болгарскую столицу. Но как передать корреспонденцию? Наблюдений, впечатлений много, а связи нет. Неужели возвращаться для этого в штаб фронта и снова отстать на сотни километров от передовых частей? Кроме того, ехать назад машиной,— значит, редакция получит материал в лучшем случае только завтра. К счастью, сама судьба идет навстречу. На одной из улиц случайно встречаю корреспондента «Известий» А. Склезнева, который прилетел на «У-2» и на нем же через два часа возвращается в штаб фронта. Значит, сможет захватить и мой опус. Даю ему машину, чтобы смог объехать город, а сам сажусь за очерк о Варне.

...Ушла корреспонденция! Это удача. Завтра на рассвете двинем на Софию. А пока что устраиваюсь в одной из гостиниц Варны и с наслаждением растягиваюсь на настоящей постели. Только теперь вспоминаю о листке, который мне сунул в руку мальчишка на одной из улиц. Читать тогда некогда было, и я положил его в карман, успев лишь заметить крупный заголовок — «Манифест». Теперь достаю его и читаю:

«Братья болгары!

Народ Варны установил власть Отечественного фронта и провозглашает следующее:

немедленная ликвидация всех остатков гитлеризма;

сердечная дружба с Советским Союзом и вечная дружба с братским русским народом;

полная договоренность с нашими соседями, и особенно с народами новой Югославии, установление мира на Балканах;

немедленное прекращение военных действий и отзыв наших войск из новой Югославии и Греции;

восстановление всех политических и гражданских свобод и прав».

Далее перечисляется еще десять основных требований населения Варны: аннулирование антинарод-

ных законов и распоряжений, полная и безоговорочная амнистия борцов за народное право, народный суд над проводниками фашистской политики, приведшей Болгарию к катастрофе, и всеми виновниками в истязании народных борцов и другого мирного населения Болгарии и незаконно обогатившимися; чистка всего государственного аппарата от антинародных элементов; роспуск всех антинародных организаций и уничтожение всяких следов фашистской идеологии; смелые сельскохозяйственные, финансовые и социальные реформы, уничтожение спекуляции; реорганизация всей системы образования на демократических и научных началах; коренная реформа судопроизводства и быстрое народное правосудие и, наконец, роспуск Народного собрания и проведение свободных выборов.

Манифест заканчивался призывами к установлению братства между народами, между болгарской армией и советскими войсками, лозунгами: «Да здравствует Советский Союз и его союзники!», «Да здравствует славная Красная Армия!», «Да здравствует свободная, независимая и сильная демократическая Болгария!» Под манифестом подпись комитета Отечественного фронта города Варны. Он призывал всех болгар взять в руки оружие и по примеру Варны установить власть Отечественного фронта.

Так начал свою деятельность один из первых местных органов Отечественного фронта. Было 8 сентября, канун болгарской народной, социалистической революции, которую мне пришлось потом наблюдать на всем пути от Варны до Софии и в самой столице.

Пробил двенадцатый час

9 сентября. На рассвете мы покидали Варну. В ту ночь, как говорили мне потом болгарские друзья, в Болгарии пробил двенадцатый час, иными словами, вспыхнуло вооруженное антифашистское восстание. Правда, в Варне оно началось немного раньше: не 9-го, а 8 сентября. Но и в Варне в ночь на 9 сентября еще продолжалась ликвидация отрядами народно-освободительной армии остатков царских войск, попытавшихся не допустить перехода власти в руки Отечественного фронта. Только к утру затихли последние отзвуки ночного боя.

...Голубая гладь моря была еще подернута пеленой предутреннего тумана. Кругом непривычная тишина, дорога за Варной пустынна. Но так было недолго. Вскоре ожили села и города, запылили дороги. Двинулись дальше советские войска. И повсюду их встречают как дорогих и долгожданных гостей. В большом селе Новградец через всю улицу протянуто красное полотнище: «Добре дошли, многоочаковани освободители». На домах красные и трехцветные национальные флаги.

В самом центре села высится памятник участникам войны 1877—1878 годов, которая принесла Болгарии освобождение от турецкого ига. Несмотря на ранний час, на площади много народу. Задерживаемся на минутку у памятника, и сразу же со всех сторон нас обступают местные жители. Заметив, что я осматриваю статую солдата с ружьем, возвышающуюся на гранитном постаменте, пожилой болгарин говорит:

— Это памятник России. Таких памятников вы увидите много по всей нашей земле. Ваши деды однажды уже принесли Болгарии освобождение, а теперь вот через много лет русская армия снова избавила нас от врага, на этот раз от немецких оккупантов.

Мимо памятника движутся советские войска. Торопимся и мы. Позади остаются малые и большие селения. А старик был прав: памятники в честь освобождения Болгарии в 1877—1878 годах почти в каждом селе на всем пути. И повсюду мы слышим слова искренней благодарности. В болгарском народе живы воспоминания об исторических днях того времени. В совместной борьбе с общим врагом складывалась дружба двух славянских народов.

Дорога идет по обширному плато с разбросанными по полям одинокими деревьями. Впереди виднеются смутные очертания гор. У подножия их пасутся стада буйволов и коз, лениво бредут ишаки. Узкие полоски подсолнуха, кукурузы, проса. За селом Нови Пазар рельеф становится все более гористым. Город Шумен живописно раскинулся у подножия высокого холма того же названия. Низко плывут, цепляясь за вершину горы, серые облака. Вчера

вечером в город вошли наши войска, на улицах царит необычайное оживление, между домами перекинуты зеленые гирлянды и полотнища с приветствиями Красной Армии и советскому народу.

По узкой дороге, высеченной в скале, машина взбирается на Пролазенский перевал. Все здесь напоминает Кавказ. И отвесная скала слева, и глубокое ущелье справа, и суровые горы, покрытые низкорослым кустарником. Эхо далеко разносит шум мотора. Вот они, величавые громады Балкан! Мы едем вдоль главного хребта. Перевал за перевалом, лощина за лощиной...

У маленького горного селения Пролаз дорога поворачивает направо. Торчит указатель с надписью «На Софию». Значит, правильно едем. По безлюдной дороге спускаемся на равнину. Впереди виднеется село. Ищу его на карте: Козма презвитер. Вдруг шофер толкает локтем:

— Смотрите!

Саженях в ста на дороге большая толпа людей. Дорога перетянута розовой лентой. Что бы это значило? Вышли встречать? Разве еще не проходили здесь наши войска?

Не успел я подумать над этим, как машина вплотную подошла к толпе. Никто и не думает расступаться. Шофер вынужден изо всех сил нажать на тормозную педаль. Едва машина остановилась, как ее кругом облепили люди. Кто-то открыл дверцы, и нас буквально вытащили из машины. Обнимают, целуют, что-то возбужденно кричат, приветливо машут руками. В глазах светится радость...

Девушки бросают нам на руки целые охапки ярких южных цветов, украшают машину венками. Женщины протягивают плетеные корзиночки с виноградом и персиками, крупные серые арбузы, мужчины дают в руки или прямо кладут в машину на сиденье бутылки с вином. Каждый хочет как-то выразить волнующие чувства благодарности, братской любви и дружбы к Советской Армии.

Маленькая черноглазая девочка подвела к машине ягненка с огромным венком из живых цветов на шее и, волнуясь, что-то пролепетала на болгарском языке.

— Вам подарок, возьмите, не обидьте,— пояснил молодой болгарин, видимо отец девочки.

И когда мы начали отказываться, он сам втолкнул ягненка в машину. Володя поднял девочку на руки и поцеловал ее. Это вызвало новую бурю восторга. Когда все немного успокоились, высокий черноусый болгарин рассказал, что здесь собралось все село. Крестьяне давно уже ждут Красную Армию, а сегодня услышали, что передовые части приближаются к селу, и все моментально вышли за околицу на дорогу.

Та же картина трогательной встречи повторилась у въезда в следующий населенный пункт — это был городок Омуртаг, а затем в каждом селе или городе, лежащем на пути. Повсюду флаги, огромные полотнища с приветствиями, красочные арки, увитые цветами...

В дальнейшем до самой Софии наш путь лежал через города и села, куда Советская Армия еще не заходила; она двинулась в сторону Бургаса, блокируя этот важный черноморский порт, и дальше через южные районы Болгарии, примыкающие к Турции и Греции, на запад. Мы же избрали кратчайший путь от Варны до Софии, чтобы не опоздать к моменту вступления в болгарскую столицу наших войск.

Наша машина мчалась прямо на запад, к Софии. По правде сказать, временами мы колебались. Всетаки война, мы ехали одни по незнакомым дорогам, не ориентируясь в обстановке и не зная, где находятся немецкие войска. Не раз мы вынимали карту, снова и снова изучая по ней возможные пути движения наших частей...

Палатница, Кесарево, Тырново... В Палатнице, куда мы попали в полдень, пришлось зажарить подаренного ягненка.

— Не пропадать же добру,— философски заметил наш шофер, когда мы начали обсуждать, что сделать с ягненком: выпустить на волю или везти дальше.— Да и пообедать уже время...

Останавливаемся у крайнего двора и просим хозяйку приготовить нам барашка. Пока она возилась у печки во дворе, гостеприимный хозяин, болгарин, с седеющей черной бородой, пригласил нас в гор-

ницу. На столе появились ракия, вино, помидоры, а затем вкусный суп с курицей и ломти арбуза. Все лучшее, что было в доме. Собрались соседи. Все наперебой расспрашивали о Советском Союзе, чуть ли не все, оказывается, знали фамилии наших прославленных генералов.

— По радио тайком слушали ваши сводки о положении на фронтах, и эти фамилии часто приходилось слышать,— объяснил хозяин.

Часа два сидели мы в этой простой крестьянской хате, и все не хотелось покидать радушных хозяев, как-то сразу ставших нам близкими. Солнце уже клонилось к западу, когда мы выехали из Палатницы. Навстречу то и дело попадаются переполненные людьми повозки. Крестьяне надели свои лучшие праздничные наряды, в гривы лошадей вплели ленты и мчатся из окрестных и даже отдаленных деревень к главному тракту Варна — София, по которому должны, по их предположению, проходить советские войска. Звенят бубенцы, развеваются на ветру флаги, несется задорная песня...

Было 9 сентября. После я много раз слышал, что 9 сентября стало историческим днем в жизни Болгарии. В этот день восторжествовали демократические силы страны; они взяли в свои руки власть. 9 сентября свершилась народная антифашистская революция, открывшая болгарскому народу путь к свободе и социализму. В этот день в Софии было создано правительство Отечественного фронта.

В одном селе мне запомнился молодой учитель. Восторженный, экспансивный южанин, с шапкой черных как смоль волос.

— В Болгарии сейчас весна,— говорил он,— весна в сентябре. Мне только двадцать пять, но и мой отец не помнит, чтобы страна переживала что-нибудь подобное. Это настоящий праздник, которого мы ждали много лет. Народ освободился от тяжкого фашистского ига, и это сделала Красная Армия! Как ни старалась нас запугать фашистская пропаганда, народ с нетерпением ждал вашего прихода. Так ждут родного брата после долгой разлуки...

Тырново. Один из старейших городов Болгарии, ее древняя столица. От узкой долины красивой,

гремящей в порогах Янтры кварталами взбирается он по склонам горы Тырновской, почти к самой ее вершине. Домики, тесно прижавшись друг к другу, лепятся к серым скалам. На выступах скал — старинные крепости с зубчатыми башнями. Живописный город сверкает на солнце.

Машина снова мчится по извилистой каменистой дороге. Справа и слева мелькают тучные виноградники, сады и рощи. Уже в сумерки подъезжаем к городу Севлиево. Главная улица запружена гуляющей публикой. Как выехать снова на софийский тракт, не плутая по городским улицам? Придется спросить кого-нибудь из местных жителей. Достаточно было открыть дверцу и произнести по-русски одно слово, чтобы вся толпа валом ринулась к машине.

— Русски офицеры, русски офицеры!..

После десятиминутного «митинга» с нашими речами и бурной овацией публики прощаемся. Надо спешить в Софию...

10 сентября. Наступил второй день антифашистского вооруженного восстания, которое все более принимало характер подлинно народной революции — по своему размаху и глубине решавшихся в ее ходе социальных задач. Волнующая картина предстала нам в Ловече, следующем за Севлиево городом на нашем пути к Софии. Этот живописный город, как бы закованный в цепи гор, мы, пожалуй, проехали бы без остановки, но одно маленькое происшествие задержало нас. Когда до Ловеча оставалось не более двух-трех километров, под машиной послышалось столь знакомое нам зловещее шипение. Шофер резко затормозил, пробормотав:

— Опять проклятая шина...

Придется ждать. Шофер идет снимать заднее колесо, а мой коллега уходит вперед и скрывается за пригорком. Я остаюсь в машине, вынимаю блокнот, чтобы записать свои впечатления. Но не проходит и десяти минут, как из-за поворота, со стороны города, вылетает какой-то старенький «фордик» и останавливается метрах в двадцати. Из машины выскакивают трое в штатском, с автоматами наперевес и осторожно приближаются к нам. Вряд ли это могло

вызвать у меня энтузиазм. Но виду не подаю и продолжаю писать. Вижу краем глаза, что идущие заметили советскую форму. Один спрашивает по-русски:

— Вы русский?.. А почему вы один?..

Все выяснилось в следующую минуту. Это были люди из околийского комитета Отечественного фронта.

— Со вчерашнего дня власть в наших руках,— объясняет тот, что говорит по-русски.— Многие фашисты арестованы, но некоторым удалось бежать. Они скитаются по лесам и дорогам. Мы выслеживаем их. Приходится останавливать и проверять каждую машину...

Конечно, наш фешенебельный «крейслер» не мог не вызвать подозрения. И вот по сигналу одного из постов, расставленных скрытно на дорогах, примчалась ударная группа из Ловеча. Того, что говорит по-русски, зовут Гришей. Он коммунист. Гриша рассказывает, что несколько лет прожил в Советском Союзе, в Кадиевке. Там и русский язык изучил. Потом вернулся в Болгарию, нелегально. Два года назад фашисты бросили его в тюрьму, из которой он вышел только вчера. Сейчас он один из руководителей Ловечского комитета Отечественного фронта. Ему двадцать пять лет, но выглядит он значительно старше. Только глаза молодые и горячие.

Машина в порядке, и вместе с партизанами мы въезжаем в город. Останавливаемся у здания Отечественного фронта. На площади, перед комитетом, во дворе и во всех комнатах обоих этажей полно народу. У многих через плечо автоматы, винтовки, за поясом гранаты...

— Это наши партизаны, с гор спустились,— знакомит Гриша.— Вот мой брат, меньшой, а это его товарищ. Лихие партизаны!

Гриша и не пытается скрывать своего восхищения. Я и сам залюбовался молодыми друзьями. Поминутно открывается дверь кабинета, непрерывно заходят и выходят люди. Одни просят совета, другие что-то рассказывают. Вот старый адвокат, возглавляющий Общество болгаро-советской дружбы, вот агроном, с увлечением развивающий идею созда-

ния крестьянских сельскохозяйственных кооперативов...

Сам Гриша не сидит спокойно ни одной минуты. То выслушивает посетителей, то хватается за телефонную трубку и звонит какому-то инженеру, чтобы тот немедленно проверил все мосты: выдержат ли они советские танки. Потом говорит с девушками, предлагающими выучить несколько советских песен для встречи армии-освободительницы. Гриша соглашается и велит отнести тексты песен в типографию.

Из типографии приносят кипу листовок с призывом Ловечского комитета Отечественного фронта «Ко всем гражданам, гражданкам, трудящейся и честно мыслящей интеллигенции». Гриша берет одну и громко читает: «Будьте готовы к встрече славной Красной Армии братского народа. Да здравствует Красная Армия — освободительница болгарского народа от фашистского ига! Смерть фашизму!..»

— Ну как, хорошо, а?

Только в полдень он вспоминает, что гости, наверное, хотят есть, и ведет нас в ресторан. По каменному мосту переходим через реку Осым, разделяющую Ловеч на две половины, и попадаем в аристократическую часть города. Много магазинов, все открыты, торгуют. Город живет нормальной жизнью, только тонус повышенный. Так сегодня бьется пульс Болгарии.

Гриша рассказывает о последних болгарских новостях. Весь народ пошел за коммунистами, поднявшими восстание. В Софии создано правительство Отечественного фронта. Премьер-министр Кимон Георгиев вчера утром объявил по радио состав правительства и прочитал его декларацию. В столице и в провинции, как сообщает радио, проходят многотысячные манифестации и митинги поддержки Отечественного фронта, нового правительства и его программы. Издан указ об освобождении от должности регентов — князя Кирилла и генерал-лейтенанта Михова — и назначении новых регентов.

— Это только в общих словах, детальнее вы узнаете в самой Софии,— говорит Гриша.— Но уже по пути в столицу вы увидите, как популярны новое правительство и его программа в народе. Болгария

встала на новый путь, и никому и никогда не удастся повернуть ее назад, к старому...

В ресторане, куда мы зашли с Гришей пообедать, полно народу. Мы сразу же оказываемся в центре внимания. Многие переходят за наш столик, захватив с собой свои бутылки с вином и бокалы. Каждый хочет чокнуться с русскими офицерами...

После обеда мы крепко пожали руку Грише и, напутствуемые его советами, выехали дальше. Вряд ли я мог предположить тогда, что несколько лет спустя мы с ним снова встретимся. Я даже не узнал его фамилии. Но имя — Гриша, весь его облик цепко засел в моей памяти. О второй встрече, которая произошла, как и первая, совершенно случайно, семнадцать лет спустя, я расскажу во второй части этой книги.

11 сентября. В этот день решаем во что бы то ни стало прибыть в Софию. Но наше решение ехать без единой остановки нарушается в первом же селе. Едва мы миновали табличку с названием села — «Ябланица», как огромная толпа людей задерживает машину. Выходим. Возгласы приветствий, радостное возбуждение. Пожилая степенная болгарка с поклоном подносит на расшитом полотенце белый каравай, на нем щепотка соли...

Снова горы и горы, белая извилистая лента дороги. Последний, высокий перевал преодолеваем почти у самой Софии. Через гору Мургаш. На его вершине обдает холодом, почти рядом плывут облака.

Спускаемся все ниже. Ровная как стрела дорога пересекает широкое плато. Пригород Софии. Останавливаемся у небольшого придорожного ресторанчика. Здесь полно болгарских летчиков. Они рассказывают, что советских войск в Софии еще нет, и предлагают заехать на их аэродром, расположенный рядом. Сегодня туда должен был прилететь советский самолет.

Едем. Действительно, первый советский боевой самолет побывал здесь сегодня утром. Вслед за тем на аэродром прибыли на самолете командующий воздушной армией нашего фронта маршал авиации В. Судец в сопровождении оперативной группы 17-й

воздушной армии. Он имел задачу встретиться с государственными и военными деятелями Болгарии, чтобы окончательно договориться о перебазировании наших воздушных сил. В Софии, рассказывал потом маршал Судец, их ждала теплая, братская встреча. На улицах города, по которым они ехали, и в центре Софии стояли толпы людей, приветствовавших первых представителей Советской Армии.

Наши авиационные командиры посетили резиденцию главы нового правительства Болгарии Кимона Георгиева, где встретились также и с руководством болгарской армии. Довольно быстро обо всем договорились, в частности об отражении силами нашей авиации возможных воздушных налетов врага на Софию. Затем маршал Судец вернулся в штаб фронта, который в то время находился в Добриче, впоследствии переименованном болгарами в город Толбухин. В столице Болгарии осталась оперативная группа штаба 17-й воздушной армии для налаживания взаимодействия нашей авиации с болгарской армией.

Обо всем этом я узнал позже от наших военных. Болгарский же полковник, отрекомендовавшийся нам командиром авиабригады, на наш вопрос ответил весьма лаконично: «Советский самолет был утром и улетел». Вместе с тем он очень любезно предложил в наше распоряжение комнату в офицерском общежитии, а узнав о нашем желании посмотреть Софию, прикомандировал к нам в качестве гида своего адъютанта. Когда совсем стемнело, отправляемся в столицу. Просим адъютанта, занявшего место рядом с шофером, выбирать улицы боковые, где меньше людей.

— Хорошо,— отвечает он, и мы действительно сперва едем какими-то темными безлюдными улицами. Внезапно машина выскакивает на широкий проспект. Он залит электрическим светом. Готовясь к встрече Красной Армии, жители Софии соорудили в центре города грандиозную арку и запретили кому бы то ни было проезжать под ней, пока не пройдут советские войска. К ней-то и привел нас адъютант полковника.

У арки, увитой зеленой хвоей, по обе стороны

улицы стояли огромные толпы людей. Несмотря на позднее время, они не расходились, чтобы не пропустить момент вступления Советской Армии. Над аркой через всю улицу протянуто красное полотнище с надписью: «Добре дошли освободители». Нам бы свернуть на объездную дорогу, и мы бы могли спокойно продолжать свое путешествие по ночной Софии. Но наш «гид», высунувшись из машины, крикнул:

— То русски офицеры!

Будто электрическая искра проскочила сквозь толпу. К нам устремились тысячи людей. Они буквально вытащили нас из машины и поставили на капот.

— Речь говорите, речь!..

В столице друзей

Итак, мы в столице Болгарии. Со вчерашнего дня. С этой мыслью проснулся я 12 сентября в комнатке, отведенной нам болгарским полковником на аэродроме.

Через полчаса снова в городе. Отправляемся позавтракать в ресторан. У входа нам предлагают купить софийские газеты за 12 сентября.

— «Зора», «Отечествен фронт», «Свобода»,— выкрикивает газетчик названия газет. И далее без всякой паузы: — «Новите регенти отправят прокламация към българския народ!», «Първа заповед на главнокомандващия българската войска», «София посрещна първите съветски офицери»...

Покупаем все газеты и, пока официант подает завтрак, жадно читаем последние известия. Наши войска достигли Карпат, союзники освободили Люксембург... Но в центре внимания события в стране. Опубликован первый приказ главнокомандующего болгарской армией, из которого узнаю, что Болгария находится в состоянии войны с Германией и ее войска начали военные действия совместно с войсками Советского Союза. Рядом — первая сводка о боях болгарской армии с немецкими войсками в Сербии и Македонии... Новый председатель Совета Министров Кимон Георгиев благодарит болгарский народ за содействие и помощь Отечественному фронту, оказанные в решающие для страны минуты. Далее

дается отчет о работе правительства за первые сорок восемь часов его существования. Первый отчет народного правительства Болгарии.

— А вот и про нас, смотри! — толкает меня Володя.

Действительно, на второй полосе в верхнем углу — крупный заголовок: «Как София посрещна първите съветски офицери». В заметке строк на пятьдесят дается описание, как «червените командири носени на ръце от народа поздравляват ентуасиазиранте софиянци». Все правильно, это про нас.

Уже после завтрака, не вставая из-за столика, выписываю из речи премьера, что уже сделано правительством за первые двое суток после установления власти Отечественного фронта. Вот эти записки, которые у меня сохранились, как и весь номер газеты:

«1. Отстранены регенты, которые, по общему признанию, не пользовались доверием народа.

2. Полностью восстановлены политические права и свободы, гарантированные конституцией.

3. Восстановлена свобода печати.

4. Арестованы и будут преданы народному суду все виновники катастрофы Болгарии, в первую очередь министры всех кабинетов, начиная с 1 января 1941 года и до нынешнего дня, а также депутаты 25-го Народного собрания, одобрившего гибельную для Болгарии политику.

5. Арестованы и отданы под суд также все, кто совершил убийства.

6. Изъята и запрещена к дальнейшему изданию литература, отравлявшая души народа внушением чуждых ему интересов.

7. Направлена мирная делегация к командующему 3-м Украинским фронтом генералу армии Толбухину, которая была принята им весьма радушно.

8. Ликвидированы все полицейские ограничения личной, хозяйственной и политической жизни граждан.

9. Начата чистка администрации от антинародных элементов.

10. Начата чистка среди работников болгарской дипломатии».

Таковы были первые шаги правительства Отечественного фронта, которое пришло к власти в результате народной революции, изменившей общественный строй страны. Решающую роль в успехе великого дела 9 сентября сыграла Коммунистиче-

ская партия Болгарии и созданная ею Народно-освободительная повстанческая армия.

Весной 1944 года многие партизанские группы болгар переросли в отряды. В апреле возникла первая партизанская бригада «Чавдар», в мае — Первая и Вторая софийские народно-освободительные бригады. Четвертой стала партизанская бригада «Георгий Димитров». К началу восстания в Болгарии действовало 11 партизанских бригад и 39 отрядов, которые объединяли более 18 тысяч партизан. А всего в революционном антифашистском движении участвовало 250 тысяч человек. Вся страна была разделена на 12 военно-оперативных зон.

Уже в январе сорок четвертого года, когда партия взяла твердый курс на вооруженное восстание для свержения фашистского правительства и установления власти Отечественного фронта, видные деятели партии непосредственно руководили конкретными участками народно-освободительной борьбы. На Тодора Живкова ЦК партии возложил руководство подготовкой и проведением восстания в столице. Райко Дамянов направлял деятельность партизанских отрядов и боевых антифашистских групп одной из военно-оперативных зон. Димитр Ганев редактировал нелегальный боевой орган партии «Работническо дело» и т. д. Работу партии направляли Георгий Димитров и Васил Коларов.

И вот наступил сентябрь. Первые девять дней этого месяца стали для Болгарии историческими. Перефразируя известное выражение Джона Рида, можно было бы сказать: «Девять дней, которые потрясли Болгарию». Вот как развивались события в эти первые дни сентября сорок четвертого года.

День первый. Вся Болгария, прильнув к приемникам, слушает передачи подпольной радиостанции «Христо Ботев», в которых говорится о выходе советских войск на румыно-болгарскую границу, о заявлении ТАСС, разоблачающем фальшивые маневры болгарского правительства под ширмой «нейтралитета», о постановлении ЦК Болгарской рабочей партии (коммунистов), которое гласит: «Для Болгарии бьет двенадцатый час!..»

День второй. Страна просыпается без правительства — Багрянов, окончательно скомпрометированный своими связями с гитлеровцами, под напором масс вынужден подать в отставку. Но к вечеру кресло премьера занял Муравиев. Это был маневр монархо-фашистов, которые рассчитывали и дальше помогать гитлеровцам, прикрываясь ширмой «нейтралитета». Коммунисты разоблачают этот фальшивый маневр.

День третий. Правительство продолжает маневрировать. Оно дает далеко идущие обещания, а на практике не отходит от прежней реакционной политики. Партия коммунистов организует массовые демонстрации, стачки, митинги, призывает народ к восстанию. Партизанские соединения спускаются с гор и подтягиваются к городам.

День четвертый. Городской комитет партии в Софии нелегально созвал митинг перед судебной палатой, но власти, узнав об этом, бросают сюда крупные полицейские силы. Городской комитет решает изменить намеченный план и организует шествие демонстрантов по улицам города. Полиция принялась разгонять народ и арестовывать собравшихся. Произошли столкновения, во время которых трудящиеся пели революционные песни, выкрикивали лозунги и приветствия в адрес Советского Союза и Советской Армии. После этого группа демонстрантов направилась к германскому посольству и начала бить окна. Полицейские вместе с немецкими солдатами набросились на демонстрантов с дубинками и арестовали некоторых из них. Во время этой первой городской демонстрации правительство Муравиева не решилось приказать полицейским стрелять, чтобы не подливать масла в огонь. Но по всей стране продолжались избиения народных борцов.

На ряде фабрик прошли открытые рабочие собрания, которые охранялись боевыми группами. Ораторы разъясняли массам манифест Отечественного фронта. Собрания заканчивались объявлением политических стачек.

День пятый. Вечером, спустя несколько часов после объявления Советским Союзом войны Болгарии, Политбюро ЦК партии на совместном заседании

с членами Главного штаба повстанческой армии утверждает план вооруженного восстания. Главный удар должен быть нанесен в Софии в ночь с 8-го на 9 сентября. Позже созывается совещание для уточнения плана действия партизанских отрядов, боевых групп и перешедших на сторону Отечественного фронта войсковых частей. В совещании приняли участие Тодор Живков, начальник Главного штаба повстанческой армии Благой Иванов, капитан армии и член Главного штаба Петр Илиев. Решено, что оперативная связь в час восстания будет осуществляться непосредственно Т. Живковым и П. Илиевым.

День шестой. Утром началась стачка трамвайных служащих, которая парализовала весь столичный трамвайный транспорт. После обеда происходили массовые демонстрации и митинги. Демонстрации и стачки в Софии оказали большое влияние на подъем революционной борьбы в стране и на действия повстанческой армии: ее части заняли более двадцати сел.

День седьмой. Городской комитет партии организовал в Софии в сквере перед Домом материнства и младенчества многотысячный митинг. Полиция набросилась на собравшихся и убила профсоюзного деятеля Петра Топалова (Шмидта), когда он поднялся на трибуну, ранила двух командиров боевых групп. Партизаны Шопского отряда, охранявшие митинг, расстреляли убийцу, ранили другого полицейского, обезоружили еще двоих и рассеяли огнем из автоматов полицейские силы, брошенные для разгона митинга.

В тот же день объявили стачку шахтеры Перника. Они освободили заключенных, устроили демонстрацию, во время которой 6 человек было убито полицией и 13 ранено. Стачка превратилась во всеобщую забастовку шахтеров и железнодорожников Перника. Забастовали также рабочие табачной промышленности Пловдива, к которым присоединились железнодорожники и рабочие других предприятий. В Плевене, Варне, Сливене, Силистре демонстранты открыли двери тюрем, выпустили политзаключенных, устроили шествие под знаменами Отечественного фронта. Спускаются с гор партизаны; ими

освобождены Габрово, Пазарджик, Панагюриште, идут бои за 35 населенных пунктов.

День восьмой. Революционная волна продолжает нарастать по всей стране. Население Пловдива потребовало установления власти Отечественного фронта. Под напором масс власти в этом крупнейшем городе Болгарии, как и в Тырнове, Русе, Ловече, Сливене, Кюстендиле, Ямболе и в ряде других городов, вынуждены открыть тюрьмы и выпустить на свободу политических заключенных. В Габрово демонстранты начали вооруженное восстание, обезоружили солдат расквартированной здесь воинской части и заняли большую часть города. Части Народно-освободительной повстанческой армии нанесли первые сокрушительные удары сопротивлявшимся подразделениям царской армии и заняли десятки населенных пунктов.

В столице этот день прошел под знаком подготовки к решительному штурму. В доме на улице Морава состоялось последнее нелегальное заседание Политбюро, на котором было принято решение «нанести решительный и внезапный удар в 2 часа ночи 9 сентября и овладеть важными военными и коммуникационными центрами с целью свержения фашистской власти и установления народно-демократической власти Отечественного фронта. Главный удар — в Софии. Поддерживающие удары — в Плевне и по всей стране».

В четыре часа пополудни на квартире Кимона Георгиева, будущего председателя Совета Министров, собралось заседание Национального комитета Отечественного фронта, определившее состав правительства и принявшее текст его декларации.

День девятый. Решающий удар нанесен. Уже через полчаса после начала восстания болгарские патриоты овладели военным министерством, заняли радиостанцию, телеграф, почту и другие важные правительственные учреждения, арестовали регентов и министров. Переброшенная в столицу 1-я софийская дивизия и полиция были нейтрализованы силами партизанской бригады «Чавдар», Шопского партизанского отряда, танкового полка и других частей армии, перешедших на сторону восставших.

— Столица проснулась в этот день уже при народно-демократической власти, а в 6 часов 25 минут Кимон Георгиев прочитал по радио декларацию нового правительства,— сказала мне позже член этого правительства Цола Драгойчева, когда я встретился с ней в Софии.

Об этой прославленной революционерке я в те дни много слышал и читал в болгарских газетах.

— Цола,— сказал мне один из моих новых друзей, болгарский прогрессивный журналист,— это человек большой героической судьбы. Дважды приговаривал ее царский суд за участие в революционной деятельности к смертной казни.

Глядя на эту тогда еще молодую, удивительно жизнерадостную женщину, трудно было поверить, что она прошла суровую школу революционной борьбы, испытала невыносимый режим царских тюрем, пытки болгарских гестаповцев. Ничто не сломило ее волю к борьбе за народное дело, в которую она включилась еще в те дни, когда была студенткой. Годы спустя, уже став одним из руководителей партии — членом Политбюро, она с таким же революционным пылом боролась за победу всенародного вооруженного восстания...

Восстание огненной волной залило страну в те дни, когда на территорию Болгарии вступили войска Советской Армии.

Я наблюдал огромный энтузиазм народа во всей стране, проезжая через охваченные революцией болгарские города и села. Как-то при встрече с первыми советскими военными журналистами, прибывшими в Софию, начальник Главного штаба Народно-освободительной повстанческой армии генерал Благой Иванов сказал:

— Энтузиазм народных масс так велик, что мы даже не всегда можем охватить его организационно.

Народ Болгарии хотел социалистической революции, смены государственного строя. И это не было временным опьянением левыми лозунгами. Народ сам вершил свою судьбу, вопреки утверждениям буржуазных политиков, что кто-то якобы навязывал болгарскому народу новый социальный строй...

Но вернусь к утру 12 сентября. Просмотрев газеты, пошли знакомиться с городом. И сразу убедились: задерживаться на одном месте, чтобы полюбоваться каким-нибудь интересным зданием, просто невозможно. Советская форма действовала как магнит. Через минуту вокруг нас собиралась толпа людей, девушки предлагали букеты цветов. Казалось, они всегда носили их с собой на случай встречи с советскими людьми.

В полдень лицом к лицу сталкиваемся с большой группой наших военных корреспондентов и кинооператоров. Правдисты В. Кожевников и М. Сиволобов, известинец П. Белявский, В. Рудный из «Красного Флота», кинооператор В. Микоша. Радостные возгласы, рукопожатия, расспросы. Они приехали в Софию из Бухареста, переправившись через Дунай между румынским городом Джурджу и болгарским Русе. И хотя путь их был намного короче нашего, мы все же попали в Софию раньше на сутки. Вместе садимся обедать. У нас просят список всех корреспондентов якобы для оформления номеров в гостинице. На второй день мы узнали, что эта была всего лишь репортерская хитрость: список был полностью помещен в газетах под крупным заголовком: «Първите съветски журналисти пристигнаха в София».

Позже Володя Рудный мне рассказывал, как он вместе с кинооператором Рымаревым сразу же помчался по шоссе на Бургас и на дороге встретил мотомеханизированную бригаду, двигавшуюся в Софию. Командир бригады не верил, что корреспонденты уже побывали в болгарской столице.

После 9 сентября

Две недели прошло с того памятного вечера, когда София «посрещна първите съветски офицери». Я уже свыкся с тем, что Вылко, молодой черноглазый парнишка из ресторана гостиницы «Болгария», где мы живем, входя в номер, в левой руке искусно, как цирковой виртуоз, держит поднос, а правую со сжатым кулаком поднимает в знак приветствия.

— Смърт на фашизма!..

А за окном гостиницы, которая стоит почти напротив царского дворца, столь же привычным стало

наблюдать за церемонией смены караула у больших железных ворот с огромным царским гербом — львом и короной. Там живет мать царя, а в роскошном парке беззаботно резвится самый юный отпрыск Кобургов — пятилетний Симеон...

Пройдет немного времени, и революция внесет свои коррективы во все области жизни этой страны. А пока что она полна контрастов, и особенно бросаются в глаза эти контрасты в самой столице. На каждом шагу можно встретить партизан, которых легко узнать по их своеобразной одежде, патронным лентам через плечо, гранатам у пояса. И через два шага видишь одетых с иголочки офицеров царской армии — кокарды на фуражках, кресты на френчах, аксельбанты... Кто они? С кем они?

Впрочем, эти вопросы интересовали не только меня. Над ними ломали головы и успешно решали их в здании на одной из центральных улиц, где после победы восстания разместился Центральный Комитет коммунистической партии. Они нередко вызывали горячие словесные перепалки на многолюдных митингах, стихийно возникавших то в одном, то в другом районе столицы. Позицию нового правительства в этом вопросе изложил военный министр в своем приказе, опубликованном, как мне говорили, под давлением коммунистов.

«В течение последних четырех лет,— говорилось в приказе,— болгарский народ был лишен политической свободы и находился под тяжелым гнетом черной реакции. Действия фашистских правительств Болгарии озлобляли болгарский народ, и он был вынужден вести борьбу против этих фашистских правительств. Болгарские правительства в борьбе против антифашистских сил использовали болгарскую армию. Некоторые болгарские офицеры, выполняя приказы фашистских правительств, старались выслужиться и подчеркнуть свою принадлежность к фашистским организациям. Все это не могло не вызвать недоверия болгарского народа к этой части офицерства. Для поднятия духа армии необходимо провести чистку офицерства от чуждых болгарскому народу фашистских элементов. С этой целью военное министерство создает специальные комиссии. Эти комиссии должны рассмотреть дела военнослужащих, принимавших активное участие в проведении фашистской политики бывших правительств, и определить, какие из этих военнослужащих должны быть преданы суду, перемещены по службе или удалены из армии».

Еще раньше члены нового регентского совета Цветко Бобошевский и Тодор Павлов, выступая по радио, призывали болгарский народ сплотиться вокруг нового болгарского правительства. Оба регента — ученые, но если первый, можно сказать, демократ-антифашист, то второй, Тодор Павлов, уже давно был убежденным коммунистом. В Болгарии, да и не только в Болгарии, он широко известен своими талантливыми трудами по философии. Его «Теория отражения» в середине 30-х годов вышла в Москве. Как-то в разговоре с нами, советскими журналистами, в связи с его назначением регентом он с улыбкой сказал:

— Никогда не думал, что мне еще придется и молодого монарха опекать...

Яркой и богатой жизнью продолжала жить в эти дни революционных событий вся страна. Но особенно заметно ощущался ее взволнованный и сильный пульс в столице. Радостно возбуждены люди на улицах. Стихийные митинги на площадях. Огромные кумачовые полотнища плакатов, протянувшиеся от дома к дому, по всему городу... И даже гримасы старого, которые все еще напоминали о вчерашнем дне, не в силах были согнать с лица столицы широкую улыбку новой жизни.

В один из дней решил проехаться по железной дороге; захотелось посидеть в переполненном вагоне, послушать, о чем толкуют его пассажиры. И вот я в поезде, который идет из Софии на северо-запад. Напротив меня у окна сидит болгарская девушка в военной форме, видно медик. Она с возмущением говорит о девушках и женщинах, которые красят губы, пудрятся и т. д.

— Почему?

— Это буржуазная привычка. Нужно строить новую, демократическую Болгарию, очищать ее от фашистов, а не красить губы...

Девушка горячо отстаивает свои взгляды на современную мораль. Пожилые болгары, заполнившие купе, сочувственно, с некоторым оттенком иронии улыбаются ее словам. Один из них, старый железнодорожник, возвращающийся из Софии на свою маленькую станцию, рассказывает об огромном инте-

ресе, который проявляет народ ко всему советскому. Он вынимает из своей кошелки и бережно разворачивает свернутый трубочкой портрет В. И. Ленина.

— Вот, в Софии купил. Наказ такой в нашем поселке мне дали, когда ехал в столицу. Везу для нашей читальни. Жалко, литературы о Советском Союзе мало у нас, в Болгарии. А все очень интересуются, хотят, понимаете, знать, что происходит в Советской России. Нам, знаете, чего только не наговорила за эти годы немецкая пропаганда...

На одной из станций два молодых болгарина с пистолетами в руках вводят в купе человека в наручниках. Усаживаются рядом. Арестованный, здоровенный мужчина с давно не бритым лицом, сидит, понурив голову.

— Кто это? — кивком указываю на него своему соседу, одному из сопровождавших арестованного.

Он молча вынимает из кармана фотографию, на которой изображен арестованный, видимо, в лучшие для него времена. Сытое, холеное лицо, браво сдвинутая набекрень офицерская фуражка, погоны прапорщика. Внизу на карточке написано чернилами: «Убийца».

— Шестьдесят наших партизан замучил этот фашист, начальником тюрьмы был,— шепчет мой сосед.— Когда пришла отечественно-фронтовская власть, он убежал из нашего городка и вот все скрывался, пока мы его наконец нашли чуть ли не в другом конце Болгарии. В горах ему никто не хотел давать ни еды, ни ночлега, ни курева. У нас, знаете, народ теперь подозрительно относится ко всяким пришлым людям. Пришлось ему спуститься вниз, в большое село. Там мы его и зацапали. Везем домой, пусть судит народный суд...

Убийца поднял голову и попросил закурить. Второй провожатый сунул ему в зубы сигаретку, затем чиркнул спичкой. Арестованный жадно затянулся, уставившись в противоположную стену тупым, безучастным взглядом.

Мне пришел на память один случай, происшедший в Софии накануне этой поездки. На улице среди толпы неожиданно повстречался мой знакомый из Софийского областного комитета Отечественного

фронта, Никола, с которым я успел уже подружиться. Он быстро поздоровался и, не спуская глаз с какого-то человека в стороне, сказал:

— Извини, я тороплюсь. Слежу за одним фашистом, боюсь потерять его из виду, орудовал при немцах, подлец...

Никола нырнул в толпу и сразу же исчез. Везде, по всей Болгарии, вылавливаются военные и антинародные преступники. Весь болгарский народ хочет поскорее и навсегда очистить страну от фашистской скверны, от виновников народных бедствий, чуть ли не приведших страну к национальной катастрофе. В опубликованном через неделю после 9 сентября совместном приказе болгарского военного министра, министра внутренних дел и представителя Главного штаба партизан говорилось:

«В течение нескольких лет болгарские фашистские правители совместно с гитлеровскими гестаповцами проводили в стране антинародную политику. 9 сентября они были отстранены от власти. С этого дня началась новая эра в жизни болгарского народа, но опасность еще не миновала. Свергнутые фашисты и гитлеровские агенты будут пытаться сейчас всеми способами вести борьбу против нового правительства. В этой обстановке народ и армия должны быть едиными. В связи с этим приказываем: вылавливать всех провокаторов, всех, кто ведет подрывную деятельность, и строго их карать».

...Дни мелькали как в калейдоскопе. Только по вечерам или ночью, когда садишься за фронтовую тетрадь, чтобы записать наблюдения и впечатления, осмысливаешь глубину происходящих событий, их значение для Болгарии, да и не только для нее.

Вскоре обстоятельства потребовали моей поездки в штаб фронта, который к тому времени переехал из Добрича в Тырново. И здесь я, встретившись со старыми друзьями по фронту, узнал об одном интересном событии. Речь шла о бегстве из Софии немецких и итальянских дипломатов, прихвативших с собой архивы и болгарские ценности, и поимке их, в чем участвовали и наши летчики.

Фашистские дипломаты сумели выехать из Софии на специальном поезде в направлении турецкой границы. Вместе с ними бежали и некоторые бывшие

болгарские министры. В Софии решили перехватить их с помощью авиации. Эта задача была возложена на пятерку легких бомбардировщиков, которые должны были в сопровождении истребителей до наступления ночи пройти над железной дорогой в сторону Турции, разыскать двигавшийся по ней поезд и захватить его любым способом. Чтобы остановить поезд, разрешалось разбить паровоз или перевести стрелки и загнать его в тупик, разрушить железнодорожное полотно и т. п. Поэтому на самолеты были посажены также команды автоматчиков и подрывников. В случае отсутствия посадочных площадок летчики должны были посадить самолеты на фюзеляж.

Солнце уже клонилось к западу, и летчики торопились. Они повели свои самолеты на высоте 200—300 метров, чтобы тщательно осмотреть каждый полустанок. Железная дорога была пустынной — ни одного паровозного дымка. Но вот на маленькой станции Малево, в 10 километрах южнее Хасково, летчики увидели два эшелона. У одного из них локомотив был под парами, другой стоял без паровоза. Это были гитлеровцы.

Пятерка бомбардировщиков пошла на посадку и в 300—400 метрах от эшелонов повернулась к ним хвостами. Составы оказались под дулами крупнокалиберных пулеметов. Тут же из самолетов высыпали автоматчики, а над эшелонами проносились истребители, готовые в любую минуту открыть пушечный огонь. Однако у эшелонов — никого. Только на крышах вагонов сидели несколько немецких солдат, молчаливо наблюдая за действиями наших десантников.

Оказывается, бежавшие гитлеровские дипломаты, заметив приближение к станции советских самолетов, бросили эшелон и умчались в сторону турецкой границы на двух грузовых автомашинах, снятых с платформ. Приготовленные ими еще два автомобиля захватили наши десантники, сразу же кинувшись в погоню за беглецами. Находившиеся в воздухе советские истребители получили по радио приказ взять курс в сторону турецкой границы, разыскать на дорогах два грузовика с людьми и задержать их до подхода наших автоматчиков.

Через 15 минут летчики по радио доложили, что фашисты настигнуты, а еще через полчаса беглецы были уже задержаны. Тем временем остальные бойцы десанта при дружной поддержке местного населения разоружили более 200 фашистов, оставшихся в эшелонах, и всю их охрану...

...В Софию возвращаюсь не старой дорогой, а через Пловдив, чтобы заехать на Шипку. С названием этой горы связан великий подвиг русских солдат на Балканах в 1877 году. Русские богатыри выстояли тогда против превосходящих сил врага, удержали в своих руках чрезвычайно важный для успеха всего балканского похода перевал. В июльский зной и в декабрьские снежные бураны с одинаковым упорством держались они на шипкинских вершинах. И каждый вечер в мокрую осень, в ненастье, когда нарочным приходилось скакать через взбухшие желтые болгарские реки, и в снежные бураны, когда им нужно было преодолевать двухаршинные сугробы, в Россию шла короткая депеша, содержание которой уже знал на память весь русский народ,— «На Шипке все спокойно».

Проезжаю красивый город, прижавшийся к гремучей горной реке Янтре. Это Габрово. Позади остаются тенистые пестрые улицы и базарная площадь. Дорога поднимается все выше и выше. Дымятся в тучах вершины Балкан, зеленеют дубовые и каштановые шапки гор. Шумит осенний ветер, запутавшись в их еще зеленой листве.

Впереди справа в седом прозрачном тумане показалась крутая вершина Святого Николая[1]. Смелым взлетом уходит она в облака. Поворот дороги — и ее заслоняют другие горные громады. Но через несколько минут она снова предстает перед моими глазами еще более грозной и величавой. Предгорья служат как бы пьедесталом к этой конической вершине, с которой некогда грозно смотрели русские батареи. Теперь на ней белеет в тумане высокое сооружение, напоминающее старинную крепостную башню, с зубцами и нишами. Это памятник русским и болгарским воинам, погибшим в шипкинских боях с турками.

[1] Теперь она называется по имени русского генерала вершиной Столетова.

Поднимаюсь на самую вершину. На огромной каменной плите высечены наименования сражавшихся здесь русских полков. Московский, Владимирский, Серпуховский, Шуйский, Суздальский, Житомирский, Минский, Казанский, Волынский... Рядом стоят пушки, из которых стреляли доблестные защитники Шипки.

Все здесь напоминает о великом и славном прошлом, которое вошло в военную историю как образец немеркнущей славы русского оружия. Мне вспомнился знаменательный приказ одного из руководителей балканского похода генерала Гурко, написанный им в Софии после освобождения Болгарии, в канун 1878 года. «Пройдут годы,— писал в приказе Гурко,— и потомки наши, посетив эти дикие горы, с гордостью и торжеством скажут: Здесь прошли русские войска и воскресили славу суворовских чудо-богатырей».

И вот почти семьдесят лет спустя сбылись пророческие слова русского генерала. Недалеко от Плевена я был свидетелем волнующей сцены. По дороге к фронту шел наш пехотный полк. Белая каменистая дорога огибала высокий курган, на скалистой вершине которого возвышался высеченный из камня и мрамора памятник. Много лет назад, в июне 1877 года, здесь произошла кровопролитная битва, в которой солдаты 14-й пехотной дивизии генерала Драгомирова наголову разбили турок. Имена геройски погибших в этой битве русских воинов были написаны золотыми буквами на мраморной плите памятника.

Когда голова колонны поравнялась с курганом, раздалась команда:

— Под знамя, смирно!

Знаменосцы полка четким шагом подошли к обелиску памятника. Выстраивается почетный караул, оркестр исполняет гимн Советского Союза. Вся колонна застыла в немом молчании, чтя память славных предков, принесших независимость Болгарии. После короткого митинга полк двинулся дальше на запад, в глубь Балкан, поклявшись увенчать новыми лаврами немеркнущую славу русского оружия.

Здесь, на Шипке, во многих местах Болгарии росла и закалялась в совместной борьбе против общего врага дружба двух славянских народов — русского и болгарского. «Легендарная Шипка скрепила совместно пролитой кровью русских и болгар боевой союз двух братских народов» (Васил Коларов). Не только на Шипке, но и в Софии, Тырново, Ловече, Силистре, Плевне, которую здесь называют городом русской славы,— повсюду в Болгарии я видел памятники, воздвигнутые благодарными болгарами, русским героям, павшим в боях за национальную независимость этой многострадальной страны. 200 тысяч своих героев похоронила русская армия в болгарской земле.

Не эти ли памятники, рассказы стариков о ратных подвигах русских богатырей, уже однажды принесших болгарскому народу освобождение от иностранного ига, укрепляли веру в правое дело, воодушевляли болгарских партизан в тяжелую годину немецкой оккупации? Многие из них явили чудеса героизма и самоотверженности.

По всей стране гремит имя бесстрашного вожака болгарских партизан Славчо Трынского. Когда родную страну наводнили немецкие оккупанты, грабя и терроризируя население, он, 28-летний сельский учитель, собрал группу крестьян и вместе с ними ушел в горы Западной Болгарии. Отсюда легче было установить связь с югославскими партизанами, здесь проходили главные коммуникации немцев на Балканах. Здесь и начал оперировать партизанский отряд Славчо. Силу партизанского гнева вскоре испытали на себе оккупанты. Чуть ли не ежедневно то в одном, то в другом месте летели под откос поезда, взлетали на воздух немецкие склады, выходили из строя электростанции, телеграф, почта.

Гитлеровцы расквартировали свои войска во всех селах, заняли командные высоты. Трудно было партизанам. Но это не останавливало их, наоборот, партизанские налеты стали еще более дерзкими. Небольшими группами спускались партизаны в села, блокировали их и быстро расправлялись с местным гарнизоном оккупантов. Потом созывали митинг, и многие крестьяне уходили вместе с ними в горы

к Славчо, захватив с собой все запасы продовольствия, собранного гитлеровцами для своей армии. Нередко сами крестьяне приходили к Славчо и просили совершить налет на село, забрать у немцев продукты. Они рассказывали, сколько продовольствия уже собрали оккупанты и где находятся их склады.

С каждым днем увеличивался отряд Славчо. Он уже насчитывал несколько тысяч бойцов, к нему тянулись крестьяне со всей округи. И не только крестьяне. Один батальон из состава болгарских войск, направленных против югославской Народно-освободительной армии, решил влиться в отряд Славчо. Батальон возглавил молодой болгарский офицер поручик Диче Петров. Сотни километров через Македонию и Грецию пробивался он с боями на соединение с партизанами Славчо. Македонские, греческие и сербские партизаны оказывали восставшим солдатам всяческую поддержку. В одной из стычек с превосходящими силами гитлеровцев погиб поручик Диче Петров, но батальон все-таки пришел в штаб Славчо.

После 9 сентября Славчо Трынский стал генералом. Это звание ему присвоило народное правительство. Как только Болгария вступила в войну с гитлеровской Германией, Славчо Трынский сформировал из своих партизан дивизию и выступил с нею на фронт.

Вообще формирование новой армии в Болгарии шло довольно быстро — на базе партизанских бригад и отрядов, из которых создавались гвардейские части. Партизаны шли в них с огромным энтузиазмом. Это я наблюдал в Ловече, во многих городах и селах. Так была сформирована 1-я гвардейская Софийская пехотная дивизия, другие соединения и части Народной армии Болгарии.

Прошло только три недели после 9 сентября, а четыре заново созданные болгарские армии уже действовали, получив задачу перерезать пути отступления немецко-фашистских войск из Греции и Македонии. Они наступали к долинам рек Морава и Вардар, чтобы помочь войскам Советской Армии и Народно-освободительной армии Югославии в осуществлении Белградской операции.

...Спустившись с легендарного Шипкинского перевала в Казанлыкскую долину, беру направление на Пловдив, о котором я только и знаю, что он центр болгарской табачной промышленности.

Юг страны. Пейзаж совершенно иной. Горы остались далеко позади. Справа и слева, сколько видит глаз, широко раскинулась плодородная фракийская равнина, житница Болгарии. Пловдив — большой, красивый город в долине Марицы, как бы разрезанный надвое этой рекой. Много промышленных предприятий. Болгарские рабочие любовно называют его «наш пролетарский Пловдив». Но кроме того, Пловдив с его ежегодными международными ярмарками — важный торговый центр Балкан, а Марица, на которой он стоит,— самая длинная река на Балканском полуострове. Болгары любят ее, как мы Волгу. Недаром ее название вошло в болгарский национальный гимн: «Шуми, Марица окровавена...»

Но с Марицей и Пловдивом мы еще встретимся на страницах этой книги.

1944 г.

ОКТЯБРЬ

20

ПЯТНИЦА

Героическая борьба советского народа и его Красной Армии вдохновила народы Югославии на вооруженное восстание против ненавистных оккупантов...

Наши народы знают, что без помощи Советского Союза мы никогда не достигли бы того, что имеем сейчас,— свободную, федеративную, независимую республику Югославию.

Иосип Броз Тито

ГЛАВА IV

ЮГОСЛАВСКИЙ ОКТЯБРЬ

Прыжок через Дунай

Заканчивался сентябрь. В Софии, куда переехал из Тырново штаб нашего фронта, стояли погожие осенние дни. Войска фронта вышли к югославской границе и там остановились. Внешне на фронте наступило затишье. Но затишье было лишь кажущимся, в действительности шла энергичная подготовка к новому броску вперед. Впрочем, велась она так скрытно, что даже мы, военные корреспонденты, ни о чем не догадывались.

В те дни не только накапливались силы для наступления в глубь Балканского полуострова, но и решался принципиальный вопрос о переносе военных действий советских войск на территорию Югославии. Вопрос этот был решен в Москве, куда прилетел верховный главнокомандующий Народно-освободительной армией Югославии. Несколькими днями позже в румынском городе Крайова с ним встретился начальник штаба 3-го Украинского фронта генерал Бирюзов, который имел полномочия Ставки Главного командования согласовать план совместных действий войск Советской Армии, НОАЮ и болгарских войск в Белградской операции. С этой же целью сюда прибыла и правительственная делегация Болгарии.

Решено было, не ожидая полного сосредоточения войск, начать стремительное наступление и тем самым упредить действия немецко-фашистского

командования, которое уже начало спешно создавать специально для прикрытия болгаро-югославской границы новую армейскую группу войск «Сербия».

Вот что могла рассказать оперативная карта фронта, которую показал мне подполковник Смольяков, когда я по возвращении с Шипки, зашел к нему узнать о положении на нашем участке фронта. Жирная линия красного карандаша тянулась от румынского города Турну-Северина, расположенного на левом берегу Дуная, вниз по югославской территории.

— Значит, части Советской Армии форсировали Дунай и сейчас дерутся на земле братского югославского народа? — последовал вопрос.

У штабистов было много работы, и подполковник Смольяков, предупреждая дальнейшие расспросы, сказал:

— Подробностей никаких. Если хотите, все узнаете на месте. Поезжайте в Радуевац, он уже освобожден, но в сводке Совинформбюро об этом еще ничего не было...

И вот Радуевац, небольшой югославский городок, прилепившийся к самому Дунаю. На улицах полно людей, они радостно приветствуют советских воинов. Ветер с гор доносит гул артиллерийской канонады. Накануне здесь высадилась десантная группа автоматчиков.

Но начались бои на правом берегу Дуная за несколько дней до этого и не здесь, а километрах в тридцати отсюда, в дунайской излучине напротив Турну-Северина. В этом районе еще в конце сентября Дунай форсировали стрелковые части нашего соседа — 2-го Украинского фронта.

Гитлеровское командование в спешном порядке готовилось бросить против наших войск на югославскую границу три дивизии. И тогда последовал наш второй удар через Дунай — напротив Радуеваца, для ликвидации группировки противника в районе Неготина. Прыжок через Дунай был внезапным и стремительным. По показаниям пленных, гитлеровское командование успело только приступить к формированию боевой группы, которая должна была стать заслоном против наших войск на границе Югославии.

Закончить формирование группы так и не удалось. Высаженный под прикрытием авиации десант, взаимодействуя с кораблями Дунайской флотилии, которые своими огневыми налетами пробивали ему путь в глубь дунайского берега, быстро овладел городом и, не задерживаясь в Радуеваце, устремился по шоссейной дороге на Неготин. Тем временем через Дунай переправлялись все новые и новые подразделения, усиливая натиск на этот важный опорный пункт гитлеровцев и узел шоссейных дорог, ведущих в глубь страны. Наступление с востока и юга поддерживалось ударами с севера, которые наносили части 2-го Украинского фронта. Полутора суток не прекращались жестокие бои за город.

30 сентября Неготин был взят, перед наступавшими открылся путь в Сербию.

В горах Сербии

Горы Сербии... Густые заросли дубняка и бука у подножий и голые скалистые вершины, крутые подъемы и такие же головокружительные спуски, обрывистые ущелья и узкие горные тропы вдоль них, многочисленные горные реки и речушки. От непрестанных осенних дождей раскисла земля на дорогах, стали скользкими каменистые тропы и скалы. Все это облегчало оборону и делало невероятно трудным наступление. День и ночь не затихало жестокое сражение. Упорству врага, занимавшего выгодные позиции в горах, советские воины противопоставили смелый обходный маневр, стремительные броски штурмовых отрядов через горные массивы.

В этих тяжелых сражениях в полной мере проявилась боевая выучка нашей армии, весь опыт, накопленный ею на пути от Волги до Дуная, ее зрелость. Здесь, на югославской земле, на земле братского народа, советские воины били врага с такой же решимостью и мужеством, как и на своей родине...

Сербские партизаны, местные жители повсюду оказывали наступавшим войскам Советской Армии всемерную помощь.

Командир разведчиков лейтенант Алексей Сорин с восторгом рассказывал мне о старом сербе, который вызвался быть проводником отряда. Было это

еще у самой югославско-болгарской границы, на реке Тимок. Разведчики должны были переправиться через глубокую и быструю реку, а переправочных средств не было.

И тут выходит из кустарника старик и показывает на ущелье: «Другови, другови, там лодка». Посмотрели мы, действительно: две рыбачьи лодки спрятаны в прибрежных кустах. Переплыли мы со стариком на другой берег. «Я,— говорит,— буду вам проводником». И рассказал мне, кто он такой, как много натерпелся от фашистов.

Вот и пошел к нам в проводники, чтобы отомстить. С его помощью проходили по таким горным тропам, которые ни на одной карте не обозначены.

...Батальон капитана Алексеева шел впереди наступавших частей. Он уже приближался к горному селению, когда на дорогу вышел крестьянин и попросил бойцов остановиться. Дорога дальше заминирована, объяснил он подошедшему офицеру, под скалу немцы заложили взрывчатку, чтобы взорвать ее и устроить завал. Саперы вместе с крестьянином сразу же приступили к разминированию дороги.

Тем временем стемнело, и командир батальона принял решение сделать привал. В полночь к селу подошла группа сербских партизан. Командир отряда, высокий мужчина в полушубке и барашковой шапке, объяснил в штабе, что пришел договориться о совместных действиях с Советской Армией. В его отряде до тысячи человек, но нет ни пушки, ни миномета, и он просит поддержать его артиллерийским огнем. Затем командир партизан обратился к капитану с просьбой разрешить его людям охранять сон советских солдат.

— Ваши солдаты много прошли по нашим горам, устали, а завтра снова бой. Мы хотим охранять ваш сон.

Всю ночь партизаны вместе с нашим сторожевым охранением несли караул, оберегая покой советских воинов. А утром пришел командир еще одного партизанского отряда. Он также заявил о своем желании согласовать действия отряда с общим планом наступления на крупный населенный пункт.

На рассвете следующего дня началась атака. Партизанские отряды еще накануне получили самостоятельную задачу — ударить по гитлеровскому гарнизону с тыла, отрезать ему все пути отхода. Когда при поддержке артиллерии и авиации ринулась в атаку наша пехота, гитлеровцы пытались отступить на запад. Большая группа солдат на автомашинах направилась по шоссейной дороге, но впереди взлетел на воздух мост. Гитлеровцы бросились на другую дорогу, но и там мост оказался взорванным. Партизаны уничтожили все мосты на шоссейных и железных дорогах, и вражеский гарнизон — более 3 тысяч человек — оказался запертым со всех сторон.

К исходу дня подразделения Советской Армии, действуя совместно с югославскими партизанами, полностью овладели городом и железнодорожной станцией.

4 октября произошло событие, которого все мы ждали с огромным нетерпением и которое сказалось на ходе всей Белградской операции. Я имею в виду встречу советских войск 3-го Украинского фронта и частей Народно-освободительной армии Югославии.

Произошла она в районе небольшого придунайского села Милановац. Встретились наши армии как братья по оружию. Два соединения Народно-освободительной армии Югославии стояли в лесах западнее Милановца. Узнав о приближении советских войск с востока, они выдвинулись на дорогу и закрыли путь отхода гитлеровскому гарнизону Милановца. Противник оказался под ударами с двух сторон и вскоре был полностью окружен и разгромлен. Ни один гитлеровец не ушел из этого железного кольца.

Овладев дорогами вдоль Дуная и дальше на юг по реке Тимок, наступающие начали штурм горного хребта. Удары наносились одновременно в нескольких направлениях. Они разобщали гитлеровские части, застрявшие в горах между Дунаем и Моравой, закрывали последние пути их выхода из южных районов на север, к Дунаю и Белграду. А в это время войска соседнего 2-го Украинского фронта, перевалив через Трансильванские Альпы, уже спустились к

Дунаю с севера. Продвигаясь с боями на запад, они постепенно перерезали все дороги, ведущие из Белграда.

Так сложилась обстановка на югославском театре военных действий уже через неделю после того, как советские войска совершили смелый прыжок через Дунай у Радуеваца. «Балканский мешок» с каждым днем становится все более тесным для гитлеровцев. С востока и севера надвигались на них наступавшие части Советской Армии, с юга и запада — части Народно-освободительной армии Югославии. Оставались еще второстепенные дороги для выхода на север, но и они контролировались югославскими партизанами.

Заслышав гул приближающихся боев, сербские партизаны обычно спускались с гор, куда они отходили после нанесения очередного удара немецким оккупантам, и закрывали им все пути отхода. Нередко подкрепления, посылаемые фашистским командованием на помощь окруженным группировкам, попадали в партизанские засады. Жители окрестных сел вылавливали в лесных чащах разбежавшихся гитлеровцев.

— Мы поменялись ролями,— рассказывал мне в одном селе старик серб Стефан Григорович.— Раньше мы прятались от немецких карателей, а теперь они от нас скрываются. Только укрыться им не удастся, мы-то лучше знаем свои горы и леса!

Недич удираст в Вену

Штаб фронта переехал из Софии почти на самый север Болгарии, в придунайский город Видин. В поисках штаба случайно встречаем на улице генерала И. С. Аношина, начальника политуправления.

— Здравствуйте, товарищи корреспонденты. Ну, что нового скажете?

— От вас хотим услышать новости, товарищ генерал.

— А... Ну заходите.

Поднимаемся на второй этаж, в кабинет Ивана Семеновича. Адъютант раскладывает карту, и генерал говорит густым, чуть хриплым басом:

— Вот где мы сейчас. Вернее, были утром...

Карандаш медленно ползет по извилистой, уже

известной мне линии фронта; за ночь она мало изменилась.

— Так что, товарищи, если собираетесь в Белград, торопитесь, сегодня генерал Жданов его может взять. Во всяком случае, не позже завтрашнего дня. Слышали сегодня передачу московского радио? Недич-то удрал вместе со своим марионеточным правительством в Вену. Двенадцатого октября, то есть вчера... А генерал Вейхс, командующий германскими войсками на Балканах, ввел в Белграде осадное положение. Населению разрешено находиться на улицах лишь в течение одного часа в сутки...

— Что скажете, неспроста? Так что поторапливайтесь, друзья.

И все же решаем ночевать в Видине. Слякоть, темень — куда поедешь? Кроме того, я уверен, что такой большой город, как Белград, да еще при упорном сопротивлении немцев за один, даже два дня не взять. Значит, успеем... Ночуем у подполковника Нарутдинова, заместителя командира понтонно-мостовой бригады по политчасти. Командир бригады Герой Советского Союза полковник Номинас где-то впереди — на Мораве. Туда же завтра утром выезжает и Нарутдинов. А пока что он рассказывает нам о героических делах своих понтонеров.

Об этой бригаде, награжденной тем летом орденом Кутузова, мне приходилось слышать уже много раз. Она обеспечивала переправу наступавших войск нашего фронта через Донец, Днепр, Буг, Днестр, Дунай. Много рек избороздили катера, полуглиссеры, паромы бригады Номинаса. Особенно отличилась она при форсировании Днестра под Аккерманом летом этого года, когда под шквальным огнем артиллерии и пулеметов наводили понтонеры переправу...

Потом мы устраиваемся на мягких диванах и быстро засыпаем... Следующую ночь довелось провести отнюдь не в таких комфортабельных условиях. Случилось так, что шофер в темноте недоглядел, и машину занесло по осенней грязи в глубокий кювет. Выбраться не удалось, и пришлось ждать в машине утра. За ночь подсохло, и перед рассветом мы благополучно выскочили на шоссе.

...Второй день едем дорогой наступления Советской Армии на Белград. Она забита войсками. Один поток машин движется в том же направлении, что и мы,— с боеприпасами и горючим, второй, встречный,— за боеприпасами и горючим. И когда в узком месте образуется пробка, между начальниками колонн и шоферами начинается перебранка.

— Мы едем за важным грузом для фронта, нам нужно скорее попасть в место назначения.

— А мы едем с важным грузом, нам нужно еще скорее.

Чаще всего пробки образуются у речек. Приходится чинить чуть ли не все мосты, основательно расшатанные, а кое-где и совсем сломанные прошедшими впереди танками. Саперы стараются изо всех сил, им помогает население, но движение на дороге такое густое, что стоит одной машине задержаться на полчаса, как за ней выстраивается хвост длиной в несколько километров. Часто торчим и мы. Потом километров пятнадцать — двадцать медленного движения, и — снова пробка.

...Горный кряж остался позади, пехота начала спускаться вниз, в долину Моравы. Здесь пролегает главная железнодорожная магистраль, соединяющая Центральную Европу с Балканами, и важнейшая шоссейная дорога Белград — Ниш. Вся борьба в горах Восточной Сербии, собственно, и была борьбой за выход на эту магистраль. Для противника ее значение особенно поднялось после того, как он потерял одну за другой почти все дороги для отхода на север. 10 октября части Советской Армии и Народно-освободительной армии Югославии вышли в долину Моравы. Двадцатикилометровый бросок завершился овладением крупной железнодорожной станцией на западном берегу реки. Железная дорога и шоссе Ниш — Белград были перерезаны.

И тотчас же вырвались вперед наши бронетанковые войска. Обгоняя пехотные части, мчались на Белград танкисты гвардейского корпуса Героя Советского Союза генерала Жданова. Их узнал я по белому изображению оленя на машинах. От стен волжской твердыни, через Дон и Украину, через Дунайскую равнину и Балканский хребет пронесли воины гвар-

дейского корпуса победное знамя, увенчанное орденами и бессмертной славой. А теперь двигались на Белград.

Особенно труден был путь через горы. Не боясь преувеличения, можно назвать этот поход беспрецедентным. До тридцати горных перевалов пришлось преодолеть нашим танкам и самоходным орудиям, прежде чем они попали сюда, в долину Моравы. Дорога порой представляла собой узкий горный карниз, на котором с трудом помещался танк. Со стороны казалось, что вот-вот свалится в пропасть стальная громада. Но танкисты бесстрашно двигались вперед.

По горным дорогам, наполняя грохотом ущелья, мчались танки, самоходные пушки, бронетранспортеры, тяжелые грузовики с мотопехотой. Запыленные пехотинцы, прижавшись к скалам, пропускали их вперед. Танкисты, высунувшиеся из люков, десантники, разместившиеся на броне танков, приветствовали героическую пехоту. Пехотинцы, которые еще вчера бесстрашно штурмовали горные хребты, сбрасывали врага с перевалов, очищали от него горные проходы, теперь, забыв об усталости, торопились за бронетанковыми войсками...

В районе Велика-Плана, где танкисты форсировали Мораву, произошла радостная встреча советских танкистов с бойцами Первого пролетарского корпуса Народно-освободительной армии Югославии. Короткий митинг, посвященный встрече, был как клятва боевых друзей перед большим сражением. Штабы корпусов уточнили план совместной операции — наступление на Белград. Не более 50 километров осталось до столицы Югославии, ждущей своего освобождения. Туда, охваченные могучим порывом, устремились наступающие войска: Первый пролетарский корпус Народно-освободительной армии Югославии и 4-й гвардейский механизированный корпус Советской Армии.

Свыше трех лет хозяйничали немецкие оккупанты в Югославии, грабили и убивали, огнем и мечом пытались покорить свободолюбивый народ. Но Югославия не стала на колени, твердо веря в близкую победу. Росло и закалялось в жестоких боях с

оккупантами орудие этой победы — Народно-освободительная армия Югославии.

И вот наступил долгожданный час освобождения. С огромной радостью и любовью встречает население воинов-освободителей. Я видел, как встречали наших бойцов местные жители в Неготине, Заечаре, в других городах и селах. Многолюдные толпы мужчин и женщин, стариков, детей выходили из сел навстречу своим освободителям. Кругом слышались приветственные возгласы:

— Живела брача славени! Живела Црвена Армия!

Девушки осыпали цветами наших бойцов. Я видел потом эти цветы на горных дорогах, далеко от населенных пунктов: пурпурные георгины — на люках танков, на орудиях, у седел кавалеристов. Их берегли, сохраняли, стремясь вперед, к Белграду, на новые ратные подвиги.

В городе Княжевац, освобожденном одной нашей частью совместно с сербскими партизанами, солдат приветствовали не только горожане, но и крестьяне из соседних сел, приехавшие специально для этого за 8—10 километров. Женщины одеты в яркие национальные костюмы. Мужчины с оружием. Это партизаны. Они проходят по городу с песней «По долинам и по взгорьям». Партизанскую песню подхватывают столпившиеся на улицах жители, и она гремит над городом — призывно и утверждающе...

Под вечер были устроены похороны воинов, павших в боях за освобождение города. Несколько тысяч местных жителей пришли отдать последний долг героям. Десятки больших венков, множество букетов и просто охапки ярких осенних цветов легли на могилы, закрыв свежие холмики.

— Сербский народ никогда не забудет, как много сделала для него великая Красная Армия, освободившая нас от фашистского рабства,— говорит, открывая траурный митинг, председатель городского комитета Народно-освободительного фронта Илич.

— Слава ей, слава ей! — отвечают собравшиеся.

...Примерно в полдень переезжаем через Мораву, мутную, почти коричневую и полноводную после трехдневных проливных дождей. За рекой дороги

расходятся: на северо-запад, к Белграду, и на юго-запад, к Крагуевацу. За оба города сейчас ведет бои Советская Армия совместно с югославской Народно-освободительной армией. Выбор делаем, конечно, в пользу столицы, не подозревая, что с Крагуевацем связана одна из величайших трагедий второй мировой войны... Об этом пойдет речь во второй части книги, когда автор спустя много лет все-таки попадет в Крагуевац и узнает подробности событий военных лет...

Поворачиваем на северо-запад. Чем ближе к Белграду, тем явственнее доносится гул артиллерийской канонады.

Битва за Белград

Высокий статный генерал в накинутом на плечи кожаном пальто с петлицами танкиста провел пальцем по карте и остановил его в том месте, где сходятся три основные уличные магистрали.

— Здесь сейчас главный узел сопротивления немцев,— сказал он, обращаясь к двум генералам в форме НОАЮ.— Надо брать крепость и мост, что правее. Таково мое мнение. По нашим данным, противник продолжает подбрасывать по мосту на машинах подкрепления из-за Дуная. Ваши штурмовые группы я поддержу огнем артиллерии и минометов.

Три генерала склонились над картой, намечая детали операции. Это короткое совещание происходит на командном пункте генерала В. И. Жданова. Я уже был много наслышан об отваге и организаторских способностях этого сорокалетнего генерала с удивительно молодыми глазами. Его высокие качества военачальника проявились при разгроме войск гитлеровского полководца Манштейна, затем — в боях на реке Миус, на Никопольском плацдарме, под Сталинградом, а особенно в Ясско-Кишиневской операции. Теперь он имел задачу освободить столицу Югославии, взаимодействуя с частями НОАЮ. Вот почему прибыли в его штаб югославские гости — командир Первого пролетарского корпуса и представитель ставки Главного командования НОАЮ.

Мы сюда попали после долгих мытарств по кипящему Белграду. Город был окутан пороховым дымом, оглушен непрерывающимся грохотом артил-

лерийских раскатов, характерным свистом «катюш»... Мы невольно остановились на городской окраине. Как найти в этом пекле штаб корпуса или какой-либо военной части?

Развернули план Белграда и, посоветовавшись, решили ехать дальше по улице Шумадийской. Судя по плану, она вела к центру города. Где-то там должен быть командный пункт генерала Жданова. Я уже знал привычку генерала лезть в самую гущу боя. Однако принять хорошее решение — одно дело, а выполнить его — совсем другое. В этом мы убедились в первом же центральном городском квартале с расходящимися во все стороны улицами. Во-первых, никто из офицеров и бойцов, которых мы спрашивали, не мог сказать, хотя бы приблизительно, где находится КП корпуса, а во-вторых, все они тут же предупреждали об опасностях езды в машине по улицам. Хотя войска прошли уже дальше, в сторону Дуная, но в домах, видимо, остались немцы. То в одном, то в другом месте откуда-то с чердака дома, из окон верхнего этажа вдруг летели гранаты или обрушивался град пуль.

Вскоре попадаем на улицу, где под деревьями стоит много штабных и санитарных автобусов. Расспрашиваем. Штаба корпуса нет здесь. Медсестра показывает на броневичок, на котором сверху сидит подполковник, якобы из штаба Жданова. Спешим к нему.

— Сам не знаю, товарищи,— отвечает нам подполковник,— ищу так же, как и вы. Ночью, когда я уезжал в передовые части, он здесь был, а где сейчас — понятия не имею.

В это время возле нас с разбега останавливается «виллис».

— Ты где это пропал? — спрашивает нашего собеседника полковник, не выходя из «виллиса».— С самого утра тебя разыскиваем, генерал рвет и мечет. Скорей за мной!

«Виллис» фыркнул, развернулся и помчался назад. За ним, поднимая пыль,— броневик. Нам ничего другого не оставалось, как последовать его примеру. Долго плутали мы по улицам, потеряв всякую ориентировку, стараясь лишь не отстать от «виллиса» и

броневика. Наконец остановились возле большого серого здания. Офицеры соскочили с машин, через открытые ворота прошли во двор и по ступенькам поднялись на небольшую каменную веранду серого дома. Навстречу поднялся генерал Жданов, который до этого сидел в углу веранды прямо на каменном полу, поджав по-турецки ноги, и рассматривал план Белграда.

— Ты где же это запропастился, черт Иванович? — схватил он подполковника за плечи.

По его голосу и жестам нетрудно было заметить, что он любит этого человека с волевым симпатичным лицом.

— Понимаете,— обращается к нам генерал,— вдруг исчез. Кинулись утром, нигде нет, как в воду канул. Это называется начальник оперативного отдела. Ему в штабе сидеть нужно, а он на передовую вздумал ехать!

— Это и на вас похоже, товарищ генерал.

— Ну, ну... А вы, что же, товарищи корреспонденты, тоже решили пожаловать к нам. Милости просим, давненько вас не видел.

В это время Жданову доложили о прибытии югославских генералов. Жданов вышел им навстречу.

Генералы крепко пожали друг другу руки и зашли в дом, в маленькую комнату оперативного отдела, где уже занял место у карт наш знакомый подполковник. То был В. Ф. Толубко, по словам начштаба фронта С. С. Бирюзова, «молодой и по-молодому дерзкий, но в то же время прекрасно подготовленный» начальник оперативного отдела корпуса. Впоследствии В. Ф. Толубко стал одним из крупных военачальников Советской Армии. Генералы развернули план Белграда и начали совещаться. Мы уселись в углу, прислушиваясь к разговору и делая заметки у себя в блокнотах.

— В королевском дворце наши бойцы захватили какого-то короля или принца,— обращается Жданов в конце совещания к югославам.— Что с ним делать?

— У нас эти короли вот здесь,— говорит один из прибывших, показывая себе на затылок,— можете взять его хоть себе... А нам взамен дайте пару «катюш».

Жданов весело хохочет.

Над клиникой Белградского университета, где разместился штаб корпуса, со свистом проносятся немецкие снаряды. Попадая в соседние дома, они поднимают целые облака желтой кирпичной пыли. Немцам отвечают наши пушки и «катюши», наполняя воздух непрекращающимся грохотом большого сражения. Они бьют со всех улиц и площадей города, уже очищенных от противника. Время от времени сквозь этот грохот, где-то совсем близко прорывается треск пулеметных и автоматных очередей. Это подавляются отдельные очаги сопротивления гитлеровцев, оставшихся в некоторых домах уже после того, как улица была занята нашими бойцами. Уличные бои за Белград в разгаре.

Югославские генералы уходят, взяв с нас обещание навестить их штаб на Румынской, 15.

— А вы видели весь Белград? — обращается к нам Владимир Иванович с веселой искоркой в глазах.— Пойдемте, покажу...

Поднимаемся вместе на его наблюдательный пункт. Отсюда, с крыши высокого здания, виден весь город, раскинувшийся на холмах. Кварталы белых домов то поднимаются на высокие придунайские кручи, то спускаются к самой реке. Он напоминает мне Киев. Красавец Белград, мученическая столица Югославии! Сколько страданий и горя вынес он за годы немецкой оккупации! И сейчас еще белградцы не могут без ужаса вспомнить черные дни хозяйничанья немцев, чудовищную кровавую вакханалию, массовые аресты и расстрелы.

Марко Четич, житель белградского предместья, которого мы встретили при въезде в столицу, показал нам огромный котлован за городом, служивший раньше местом для учебных стрельб. Немцы превратили его в место массовых казней.

— И днем и ночью можно было видеть, как сюда везли на машинах или просто гнали пешком несчастных белградцев,— рассказывал Марко Четич, и голос его дрожал.— Несколько десятков тысяч людей расстреляли здесь гитлеровцы. Потом они начали сжигать трупы своих жертв. Складывали их в огромные кучи, обливали бензином и зажигали. Люди, оцепе-

нев от ужаса, наблюдали эти страшные костры из человеческих тел.

В военных казармах, где немцы устроили концлагерь, за колючей проволокой томились тысячи мирных жителей Белграда. Темная, казалось, беспросветная ночь опустилась над городом...

Но белградцы верили, что ночь не вечна, что должно наступить утро. И вот Белград услышал могучую поступь своих освободителей. Сейчас, когда значительная часть города очищена от гитлеровцев, в полной мере выясняется, с каким упорством готовился оборонять его противник. Он понастроил по всему городу мощные бетонные доты, позволяющие перекрывать огнем одновременно несколько улиц. Когда наступающие части Советской Армии начали приближаться к Белграду, противник еще больше усилил эти доты огневыми средствами, подготовил к обороне отдельные дома и целые кварталы. Город стал крепостью. Это грозило большими разрушениями столицы, значительными жертвами среди ее населения. И советское командование сделало все для того, чтобы основные силы отступавших к Белграду гитлеровских войск были разбиты еще на подступах к городу. Гвардейский корпус Жданова блестяще выполнил задачу: в течение двух дней он преодолел труднопроходимые горы Восточной Сербии и рассек вражескую группировку на две изолированные части. Вторым броском наши герои-гвардейцы, смяв танковые заслоны немцев, вышли к Белграду.

Позднее югославский журналист писал об этом: «Сожженные русские танки на улицах Белграда свидетельствуют о геройстве танкистов, не щадивших своей жизни для того, чтобы Белград был освобожден с наименьшими разрушениями. Русские герои проливали свою кровь и за то, чтобы в борьбе при освобождении города как можно меньше погибло детей и женщин».

К вечеру 13 октября советские танки появились у горы Авала, менее чем в 20 километрах южнее югославской столицы. Здесь они соединились с частями Народно-освободительной армии Югославии. Вот тогда в Белграде началась настоящая паника

среди фашистов, а «правительство» Недича, наспех уложив чемоданы, бежало в Вену.

Ночью у города, прорезая мрак огнем многочисленных фар, внезапно появилась целая армада танков, самоходных пушек, автомашин с пехотой. Ударили тысячи пушек и гвардейских минометов. А когда гитлеровские позиции на Авале, прикрывавшие Белград с юга, были смяты, волна наступления подкатилась к самой столице. Генерал Жданов приказал своим гвардейцам посадить на танки десанты воинов НОАЮ. Так две братские армии ворвались в Белград. Страшной силы удар по району королевского дворца вконец расстроил оборону противника. Еще до рассвета весь район, расположенный на самом высоком месте в городе, был занят наступавшими. Гитлеровцы потеряли одну из наиболее выгодных позиций, наши и югославские части все глубже проникали в город.

— Слышите, как долбят гаубицы,— говорит генерал.— Это гаубичные батареи майора Родионова ведут огонь по району консерватории. Там очень сильный очаг сопротивления, засело до полутора тысяч немцев.

К гаубицам присоединяются «катюши», установленные рядом с клиникой. Сверкающие струи эресов несутся над нашими головами. Они сразу же обращают на себя внимание гитлеровцев, и вскоре первый снаряд попадает в соседний дом слева, второй — в соседний дом справа. Немецкие артиллеристы явно берут клинику в вилку. На крышу поднимается подполковник, командующий артиллерией корпуса.

— Товарищ генерал, стоять здесь небезопасно, да и не вызывается это никакой надобностью...

Жданов оглядывается на него, потом неохотно поворачивается и медленно идет по плоской крыше. Спускаемся вниз и мы. На веранде генерала уже ожидает только что прибывший капитан Григорий Митичан. Небольшого роста, обветренное лицо, из-под козырька фуражки выбивается непокорный черный чуб.

— Здание немецкого посольства очищено от противника!

В этом доме засела большая группа эсэсовцев. Они вели непрестанный огонь из окон. Бойцы штур-

мовой группы, которой командовали капитаны Митичан и Андриенко, получив от генерала приказ не выпустить оттуда ни одного человека, обложили здание со всех сторон и затем штурмом овладели им.

— Молодцы! — Генерал пожимает Митичану руку.

Двое автоматчиков подводят в это время к крыльцу группу пленных эсэсовцев, взятых в посольстве. Впереди высокий тип в форме немецких войск СС и в берете. Он старается обратить на себя внимание.

— Кто такой? — спрашивает его Жданов.

— Я русский, господин генерал,— отвечает тот на чистом русском языке.

— Русский? Ты?!.

Митичан тихо сообщает генералу, что этот бывший белогвардеец оказывал в посольстве особенно яростное сопротивление. Раньше он был здесь комендантом этапа и, по рассказам местных жителей, с необычайной жестокостью обращался с пленными.

— Да, да, русский. Я с нетерпением ждал этой минуты. Хотел встретиться с русскими войсками...— торопится убедить Жданова белогвардеец.

— Уведите его! — приказывает разгневанный генерал.

Через несколько минут является другой офицер и докладывает о ликвидации еще одного сильного очага сопротивления — в районе консерватории. Так шаг за шагом наши и югославские части продвигаются вперед, очищая от противника один квартал за другим. С боем приходится брать каждый дом. Прибывают связные офицеры из полков и подразделений и докладывают генералу обстановку. Жданов выслушивает, задает два-три вопроса и сразу же отдает приказания.

Особенно упорное сопротивление оказывают немцы на подступах к мосту. Целая цепь дотов, созданных противником в этом районе, ведет непрестанный огонь. Генерал Жданов приказывает бросить против них артиллерийское подразделение, которое только что появилось в Белграде, проделав тяжелый горный переход. Артиллеристы с ходу развертывают свои грозные пушки в обширном сквере. Звучит команда:

— По дотам прямой наводкой, огонь!

Залпы следуют один за другим. А где-то рядом гремит бой за вокзал. Наши пехотные подразделения вместе с югославскими частями прижимают противника к реке, загоняют его в угол между Дунаем и Савой, где расположена старинная белградская крепость.

Генерал подзывает подполковника Толубко.

— Пишите боевое донесение во фронт, маршалу Толбухину: организованное сопротивление противника сломлено, идет ликвидация отдельных очагов и очищение Белграда от немцев...

На исходе был третий день боев в югославской столице. В грохоте упорной битвы прошла ночь и еще один день. Мы уже успели побывать во многих частях и в штабе югославского корпуса, на Румынской, 15. Он разместился в одном из роскошных аристократических особняков на тихой зеленой улице. Высокий шатен с полковничьими звездочками рассказал нам, как создавалась и крепла в боях Народно-освободительная армия Югославии.

И вот она появилась у стен своей столицы. Первыми ворвались в родной город солдаты Первой пролетарской бригады. Уже когда бои передвинулись в центр города, нам удалось найти ее командира Ягоша Жарича. Под грохот рвущихся снарядов и назойливый треск пулеметов он поведал мне историю своей бригады. Она была сформирована в декабре 1941 года в городе Рудо, положив начало Народно-освободительной армии Югославии. С боями прошла бригада по всей стране, постепенно пополняясь представителями всех народностей Югославии. Теперь в ее рядах и сербы, и хорваты, и черногорцы, и словенцы, и боснийцы.

— Наша бригада должна быть примером братства и содружества всех народов Югославии,— говорит майор Ягош Жарич. Стряхнув штукатурку, посыпавшуюся с потолка после очередного удара вражеского снаряда, он добавляет:

— Мы гордимся высоким правом носить звездочки с серпом и молотом. Это право имеют немногие, самые старые части нашей армии, и наши бойцы сейчас героически сражаются на улицах Белграда, чтобы быть достойными такой высокой чести.

На улицах югославской столицы в жестоких боях с общим врагом крепла дружба югославских и советских воинов. В той же Первой бригаде я был свидетелем волнующего эпизода. Один советский боец получил тяжелое ранение. Подступы к дому, на пороге которого он лежал, обстреливались таким ураганным огнем, что первый же югослав, бросившийся, чтобы вытащить раненого, упал, сраженный пулей. Тогда пополз второй, но и ему не удалось добраться до раненого. Он погиб. И все же нашелся третий смельчак, серб Паун Пикирович. Он прорвался сквозь завесу смертоносного огня, вытащил раненого русского и доставил его на перевязочный пункт.

А в другой части города совершил бессмертный подвиг лейтенант Николай Кравцов, молодой парень из украинского города Чугуева. Произошло это на улице Краля Александра. Штурмовая группа майора Черевиченко, получившая задачу овладеть зданием почтамта, где засели гитлеровцы, натолкнулась на сильный огонь противника. Немецкий пулемет бил из дота, расположенного на углу. Николай Кравцов пополз к доту. В нескольких шагах от цели пуля ударила его в правую руку. Кравцов левой рукой метнул гранату, но не попал в амбразуру. Тогда он выскочил из-за камня и повис на пулеметном стволе, закрыв его своим телом. Пулемет захлебнулся...

Кравцов был еще жив, когда двое его товарищей, уложив героя на плащ-палатку, понесли его на перевязочный пункт. В это время остальные ворвались в здание почтамта.

Через полчаса майор Черевиченко докладывал генералу Жданову:

— Здание почтамта очищено от фашистов. Пятерых из них, которые минировали почтамт, я заставил самих разминировать его. Телеграф и телефон целы...

Наступило 20 октября 1944 года. К исходу дня пала последняя цитадель фашистских захватчиков в Белграде — крепость Калемегдан. Над ней взвилось опаленное боями знамя победы. Здесь, в Калемегдане, встретились и по-братски обнялись два генерала, те, что вместе сражались за освобождение прекрасной столицы Югославии. Это были командир 4-го гвардейского механизированного корпуса генерал-лейте-

нант Владимир Жданов и командир Первого пролетарского корпуса НОАЮ генерал-лейтенант Пеко Дапчевич...

Я в это время уже был далеко от Белграда, в штабе фронта в Видине: отсюда самая уверенная связь с Москвой по военному телеграфу.

Когда корреспонденция была уже готова, адъютант командующего фронтом сообщил по телефону, что маршал Толбухин может нас сейчас принять. Быстро свертываем свои рукописи и идем в домик маршала.

— Я вас слушаю.

Рассказываем о всем виденном по пути в Белград и в самой столице. Маршал внимательно слушает, приложив ладонь к правой щеке, как бы защищая глаз от резкого света, и следит по карте, разложенной на столе, на ходу уточняя отдельные места нашего рассказа. Свежая информация очевидцев о героических действиях наших и югославских частей его радует.

Задаем несколько вопросов, чтобы уточнить некоторые моменты Белградской операции в ее связи с общим наступлением наших войск в Югославии, и прощаемся с маршалом. Спешим на телеграф и уже там, примостившись на ступеньках крыльца во дворе, где разместился узел связи, дополняем свои корреспонденции замечаниями маршала.

Ночью в политуправлении дежурим у радиоприемника. Будет сегодня приказ по Белграду или нет? Прерывается московская передача, и раздается знакомое: «Сегодня будет передано важное правительственное сообщение». Потом позывные. Белград или не Белград?

— Приказ Верховного главнокомандующего,— читает Ю. Левитан.— Маршалу Советского Союза Толбухину. Войска 3-го Украинского фронта совместно с войсками Народно-освободительной армии Югославии в результате упорных боев завершили уничтожение немецкого гарнизона в городе Белграде и сегодня, 20 октября, освободили столицу союзной нам Югославии от немецких захватчиков...

ГЛАВА V

ЧЕРЕЗ КАРПАТЫ

Снова в Бухаресте

В болгарской столице, куда я вернулся после окончания боев за Белград, глубокая осень. Каштаны на бульваре Царя Освободителя[1] теряют свой золотой наряд. В густых осенних туманах, особенно по утрам, мягко вырисовываются очертания горы Витош. И город от этого кажется раскинувшимся на фоне какого-то сказочного панно. Под ногами шуршат желтые листья, напоминая о родном и далеком. Вспоминаются каштаны Одессы и Киева, парки Харькова и живописные пригороды Москвы. Далеко от родной земли зашел советский воин...

В первых числах ноября пришла телеграмма из Москвы: редакция предписывала мне срочно выехать на Будапештское направление, где вели активные наступательные бои войска 2-го Украинского фронта. Но в это время в моей машине вышла из строя коробка скоростей. И ни в одной автомастерской Софии не нашлось запасных частей к американскому автомобилю.

— У нас все последние годы были только немецкие машины, в этом все дело,— сказал мне хозяин одной мастерской.— Экономическая ориентация, так сказать. А если хотите приобрести коробку скоростей

[1] После освобождения переименован в Русский бульвар.

к своему «крейслеру», поезжайте в Бухарест, там наверняка найдете.

— Но ведь там была та же «экономическая ориентация», как вы изволили выразиться.

— Это верно. Но не совсем. Там и англо-американский капитал сотрудничал с немецко-румынским. Впрочем, поезжайте, сами увидите...

Действительно, на одной из окраинных улиц румынской столицы, указанных болгарином, на протяжении нескольких кварталов тянулись склады, набитые всевозможными деталями к автомашинам различных американских и английских марок. Нашлась и нужная мне коробка скоростей для «крейслера».

Монополии США и Великобритании пустили в Румынии довольно глубокие корни, уживаясь с немецкими еще с тех далеких времен, когда на румынский трон был возведен один из потомков прусского капрала Гогенцоллерна. И не только в экономике. «Румыния остается острым кинжалом в руках западной цивилизации, готовым и способным в любой момент услужить старому континенту»,— писал в начале 30-х годов Юлиу Маниу, главарь так называемой национал-царанистской партии, один из тех, кто постоянно толкал Румынию в пропасть фашизма, не порывая в то же время со своими старыми американскими хозяевами. В Бухаресте мне назвали убедительную цифру: общество «Ромына-Американа» только в 1943 году нажило на войне Гитлера против Советского Союза 726 миллионов лей! С начала войны в сейфы Нью-Йорка и Лондона не переставали поступать из Румынии колоссальные барыши. А когда война стала неумолимо приближаться к румынскому порогу, Маниу заявил в беседе с одним из своих единомышленников, что Англия не допустит освобождения Румынии советскими войсками потому, что она, мол, «заинтересована в устьях Дуная, заинтересована в том, чтобы остановить русских».

— Как вы знаете, расчеты господина Маниу и его единомышленника Братиану, лидера другой «исторической» партии — национал-либеральной,— не оправдались,— сказали мне румынские друзья в Бухаресте.— Обстоятельства вынудили их дать согласие на участие в блоке всех антифашистских сил.

Но... Как это говорят у вас, в России, черного кобеля не отмоешь добела,— закончил с улыбкой один из моих собеседников.

Что же произошло в Румынии за первые два с лишним месяца после 23 августа? Еще в Софии я читал в газетах сообщение о подписании 12 сентября 1944 года в Москве правительствами СССР, Англии и США соглашения о перемирии с Румынией. Оно предусматривало демократизацию политической жизни страны, роспуск фашистских организаций, освобождение из тюрем антифашистов, арест и предание суду военных преступников и т. д.

Экономические статьи соглашения не были обременительны для Румынии. Уже тогда Советский Союз показал свою доброжелательность к соседнему государству, стремление помочь его прогрессивным силам во главе с компартией перестроить всю жизнь в стране на новых основах. «Румынский народ,— писала тогда даже английская газета «Йоркшир пост», которую никак нельзя было заподозрить в симпатиях к Советскому Союзу,—не может пожаловаться на тяжесть условий перемирия. В этих условиях нет никаких элементов мстительности. Советское правительство показало, что оно руководствуется задачей безопасности границ России и восстановления ее экономического благополучия, а не карательными задачами. Есть основание полагать, что решение вопроса является прочным».

Иначе расценивала условия перемирия румынская реакция. Подписанное в Москве соглашение нанесло сокрушительный удар по ее планам сохранить в стране остатки фашизма для использования их в борьбе против демократических сил. Она не желала мириться с поражением.

— Ты знаешь,— сказал мне один из моих московских коллег по ТАСС, с которым я неожиданно встретился на улице в Бухаресте,— на днях вернулся сюда Макс Аушнит. До войны он был одним из воротил в румынской экономике, «королем железа», как его тут называли. Когда грянули пушки, он уехал в США и там преуспевал, нажил на военных поставках огромные деньги, а сейчас примчался сюда. Зачем? Плетет заговор против народной революции вместе

с западными дипломатами. Есть данные, что участвует сам король Михай. Они, собственно, и руководят правительством генерала Санатеску, вернее, его реакционным большинством...

С моим другом нельзя было не согласиться. В государственном аппарате и армии, несмотря на некоторые перемены, которые там произошли после 23 августа, продолжали верховодить ставленники реакции. Свободно действовали прогитлеровские организации, разгуливали на свободе военные преступники. Крупные и мелкие капиталисты оставались хозяевами своих предприятий. «Как видно, нынешнее румынское правительство не торопится с выполнением соглашения от 12 сентября»,— прочитал я в сообщении корреспондента ТАСС из Бухареста, опубликованном в печати как раз накануне этого моего приезда в Румынию. Одновременно сообщалось, что Союзная контрольная комиссия передала генералу Санатеску меморандум, в котором констатируется неудовлетворительное выполнение румынскими органами некоторых условий соглашения о перемирии. В меморандуме указывалось на невыполнение румынскими органами ст. 2 соглашения, касающейся интернирования гитлеровцев, проживающих на территории Румынии, ст. 8 соглашения, направленной на предупреждение возможности бесконтрольно отчуждать имущество и ценности, принадлежащие Германии и Венгрии или их гражданам, проживающим на территории Румынии, и ст. 11 соглашения — о возмещении Румынией убытков, причиненных Советскому Союзу. В меморандуме также указывалось на неудовлетворительную работу румынских органов по возвращению советского имущества, вывезенного из СССР в период оккупации. Союзная контрольная комиссия в этом меморандуме настаивала на необходимости быстрого и добросовестного выполнения румынскими органами всех условий перемирия.

4 ноября этот меморандум был опубликован во всех бухарестских газетах.

И в этот же день пало первое правительство генерала Санатеску. Одновременно население страны узнало о сформировании нового правительства того

же Санатеску. В его составе значительно больше постов было предоставлено левым партиям, входившим в Национально-демократический фронт, созданный по инициативе коммунистов, несмотря на сильное сопротивление правых партий. Заместителем премьера стал широко известный в стране прогрессивный политический деятель Петру Гроза, министерство путей сообщения возглавил Г. Георгиу-Деж. Это была большая победа Коммунистической партии Румынии, которая руководила борьбой народных масс за развертывание народно-демократической революции.

Однако и после этого руководящая роль в правительстве оставалась в руках реакционных партий. Достаточно сказать, что одни лишь приверженцы Маниу контролировали пять министерств. Сам Санатеску продолжал, по существу, политику своего первого правительства. «И сейчас продолжается то, что было при старом правительстве...» — прочитал я в «Скынтейе», уже вернувшись из Бухареста в Софию.

Прощай, София! В сырое, мглистое утро начала ноября прощаюсь с Софией. Ночью выпал снег, и теперь он тает, образуя грязные лужи на мостовой и тротуарах. «Крейслер» уже стоит на платформе, специально для этой цели прицепленной любезным комендантом станции к пассажирскому поезду.

Поезд идет на Видин; на нем думаю проехать самый тяжелый для автомобиля гористый участок пути.

Перед отъездом из Софии — это было сразу после моего возвращения из Бухареста — присутствовал на большом народном митинге, организованном областным комитетом Отечественного фронта в связи с торжественным захоронением останков жертв фашистского террора. Тысячи жителей столицы и ее пригородов заполнили площадь Александра Невского. Страстные речи ораторов звучали как обвинение кровавым палачам. Народ требовал сурового наказания, и его волю выполнит народный суд. Ни у кого не было на этот счет никаких сомнений: уже за несколько дней до митинга все болгарские газеты обошло сообщение БТА о том, что народный трибунал

Софии будет судить 659 фашистских преступников, совершивших злодеяния в период диктаторских режимов. Среди обвиняемых назывались 19 бывших министров, 107 депутатов парламента и т. д.

А через два дня софийское радио сообщало о посещении министра юстиции Нейчева двумя делегациями матерей и дочерей убитых партизан из Софии и города Стара-Загора, которые потребовали быстрейшего наказания виновников этого злодеяния и тех, кто вовлек Болгарию в войну на стороне гитлеровской Германии. Министр заверил обе делегации, что их справедливое требование будет выполнено, виновные скоро предстанут перед народным судом и понесут заслуженную кару.

Да, революция в Болгарии сразу и решительно расправлялась с виновниками народных бедствий, горя и страданий тысяч людей!

В один из первых дней ноября София встречала правительственную делегацию, вернувшуюся из Москвы после заключения соглашения о перемирии. Среди встречавших на вокзале были премьер-министр Кимон Георгиев, представители регентского совета, Национального комитета Отечественного фронта и всех политических партий, входивших в ОФ, много жителей столицы. На площади перед вокзалом состоялся короткий митинг, участники которого в речах и бурной овацией, как передавало радио Софии, «выразили свое удовлетворение по случаю заключения соглашения о перемирии».

— Соглашение о перемирии, как и всякий аналогичный документ,— заявил Кимон Георгиев,— содержит ряд обязательств, которые Болгария принимает к исполнению. Каждый, кто их читает без предубеждения, не может не отметить умеренности и трезвости, которую союзники стремились проявить по отношению к новой Болгарии. Нельзя отрицать, что в данном случае мы имеем очень хорошее доказательство того, что предпринятые до сего времени усилия правительства Отечественного фронта правильно и хорошо оценены. В этом отношении краткий отчет, который министр иностранных дел профессор Петко Стайнов прислал нам в своей телеграмме из Москвы о заседании, происходившем 27 октября, наилучшим

образом свидетельствует о благоприятной атмосфере, господствовавшей во время заседания по перемирию. Это вдохновляет нас на то, чтобы твердо и решительно следовать по начертанному пути. Я убежден, что мы в скором времени займем среди демократических наций то место, которое не только полностью совпадает с демократическими стремлениями нашего народа, но и всецело отвечает его чувствам и интересам.

Еще одно интересное и, пожалуй, характерное для быстрого процесса становления новой жизни в Болгарии явление, которое нельзя было не заметить в последние дни перед моим отъездом из Софии. Я имею в виду усилия нового правительства по налаживанию отношений со своими соседями. Уже во второй половине октября, сразу же после освобождения Белграда, Болгария направила в столицу Югославии делегацию в составе командующего болгарским корпусом генерал-майора Благоя Иванова и политического представителя Болгарии при маршале Тито Петра Тодорова. Болгарские делегаты выступили с речами в Скупщине. В газете болгарских коммунистов «Работническо дело» я читал заявление маршала Тито, сделанное им представителю этой газеты во время пребывания болгарской делегации в Белграде. В связи с тем что борьба за освобождение югославской территории подходила к концу, болгарский корреспондент спросил маршала, каков будет путь новой Югославии.

«Новая Югославия,— сказал Тито,— приложит все силы для установления тесного сотрудничества и сближения со своими балканскими соседями, и в первую очередь с братской Болгарией. Это сотрудничество и сближение будут гарантией, что больше никогда не повторятся старые распри на Балканах. Такое сотрудничество вполне возможно — с одной стороны, благодаря тому, что сами народы Югославии, Болгарии и других балканских стран имеют непреодолимое стремление к нему, а с другой стороны, потому, что Югославия, Болгария и другие страны создали условия для этого, отстранив от власти старые антинародные режимы, вместо которых пришли к власти истинные представители народа. Огромная, можно сказать, историческая ответственность за правильное развитие этих отношений лежит на тех, кто находится во главе своих народов на Балканах».

Впереди — Венгрия Далеко позади осталась София, поезд приближается к Видину, где я намерен оставить платформу, чтобы продолжать путь на машине. Впереди — неизвестная мне Венгрия...

Включаю радиоприемник — на «Клейслере» он довольно мощный — и поворачиваю рычажок в поисках московской волны. Вот родной голос Москвы. Передается сводка Советского Информбюро. Наиболее активным стал сейчас 2-й Украинский фронт, куда я и еду. Войска этого фронта продолжают развивать наступление на большом пространстве между Дунаем и его притоком Тисой, распространяясь на север и на запад. Главное острие удара направлено на венгерскую столицу Будапешт. С каждым днем все ближе подходят к ней танкисты генерала Жданова, кубанские и донские казачьи корпуса генералов Горшкова и Плиева.

А вот еще одно сообщение: о перелете на нашу сторону начальника штаба 7-го венгерского корпуса. Этот полковник заявил, что многие высшие офицеры венгерской армии убедились в проигрыше Германией этой войны. Считают, что, если Венгрия не порвет немедленно с Германией, последняя увлечет ее за собой в пропасть.

Утром в Видине оставляю поезд и, не задерживаясь в городе ни на одну минуту, еду дальше на машине. Переправа через Дунай, низкий румынский берег...

Километрах в двадцати от Турну-Северина дорога вплотную подходит к восточному берегу Дуная и тянется так многие десятки километров. Не раз видел я, как мчались по широкой реке, стремительно рассекая воду, советские военные корабли, те самые, что совсем еще недавно громили врага в устье Дуная, у Измаила, возле Радуеваца. Теперь они шли на Будапешт, и грозный гул их моторов ликующей радостью отзывался в сердцах людей на берегу: корабли шли освобождать из гитлеровской неволи новые города и села Европы...

Восточнее и севернее Дуная развивали наступление на запад сухопутные армии. Еще в сентябрьские дни, когда наша корреспондентская машина мчалась

по горным дорогам на Софию, войска маршала Малиновского преодолели с боями последние горные хребты Карпат. Наступали они со стороны Румынии. Плечом к плечу с Советской Армией уже дрались полки и дивизии румынской армии, вместе они сокрушали оборону противника в Северной Трансильвании. И в этих боях против гитлеровских захватчиков крепло и цементировалось совместно пролитой кровью советских и румынских воинов нерушимое братство наших народов.

Трудно преувеличить значение, которое придавало гитлеровское командование своим горным рубежам. Карпатский хребет представлялся им непреодолимым барьером на пути наступавших. И противник сделал все, чтобы он стал таковым. Оборона в горных проходах Южных Карпат была построена по всем правилам современного военного искусства. Здесь были и противотанковые рвы, и железобетонные надолбы, и стальные колпаки, и минные поля, и артплощадки с железобетонными укрытиями, и другие сооружения. При этом оборона была многослойной, глубоко эшелонированной. Достаточно сказать, что армии генерала Жмаченко пришлось преодолеть до сорока полос такого рода укреплений и 50 проволочных заграждений, усиленных минными полями.

Когда-нибудь историки и литераторы опишут этот беспримерный карпатский поход Советской Армии. Изнурительные горные переходы в нем чередовались с ожесточенными кровопролитными схватками. Усталые, продрогшие люди падали на грязный холодный камень и сразу же засыпали мертвым сном, чтобы после двух-трехчасового отдыха снова ринуться в бой. И в самые тяжелые дни никто не говорил об усталости. Солдат никогда не покидало чувство юмора. Участник этого карпатского похода мой харьковский друг Герой Советского Союза журналист Сергей Борзенко рассказывал мне, как на самом высоком перевале, взятие которого стоило невероятных усилий, усатые пехотинцы шутили:

— Мы теперь вроде как авиация, выше облаков ходим.

В эти дни часто появлялся в горах среди солдат сам маршал. Его видели то на одном, то на другом

перевале. Маршал интересовался не только боем, но и тем, как накормили солдат, и трудно приходилось тому из командиров, кто не смог ответить на этот вопрос.

Перевалив через карпатские хребты, наступавшие войска, подобно бурному весеннему потоку, устремились вниз, к равнине, ломая последние укрепления, созданные противником в предгорьях, опрокидывая выставленные здесь вражеские заслоны. Стояла сухая осень. В одном из домиков небольшого румынского города, где расположилась фронтовая штаб-квартира, подполковник из оперативного отдела по шифровкам, непрерывно поступавшим из армий, наносил на карту боевую обстановку. Извилистая линия фронта двойной красно-синей чертой тянулась по отрогам карпатской гряды. С каждым днем она спускалась все ниже, быстро приближаясь к румыно-венгерской границе.

А на переднем крае, откуда шли боевые донесения, завершались последние карпатские бои. В жестоком многодневном сражении советские воины, преодолев труднопроходимые лесные чащи и отвесные скалы, громили выставленные в предгорьях вражеские заслоны. Позади остались синие громады Карпат. Внизу простирались сады, кудрявились уже подернутые желтизной виноградники, а за ними уходили вдаль все еще зеленые луга...

Войска стремительно двигались вниз, к Большой Венгерской низменности, с северо-востока на юго-запад рассеченной полноводной Тисой на две примерно равные части. Здесь, в долине Тисы, и дальше на запад — между Тисой и Дунаем — с новой силой разгорелась грандиозная битва за Венгрию, за ее освобождение от немецко-фашистского ига. Удары переносились с одного направления на другое без пауз и с такой быстротой, что противник не успевал сосредоточивать силы, чтобы их парировать. Один за другим пали крупнейшие узлы сопротивления гитлеровцев. Повернувшись фронтом на север, войска маршала Малиновского двинулись к Будапешту.

Почти одновременно на юге Венгрии начали наступление с задунайского плацдарма войска маршала Толбухина.

Об этом мне сообщили в югославском городе Вршац, куда я наконец прибыл и где уже находился штаб Толбухина.

— Это, если хочешь, звенья единого плана,— сказал мне майор из оперативного отдела.— Так наращивается сила девятого удара Советской Армии, который имеет целью сокрушить венгерский фронт Гитлера, вывести Венгрию из войны и повернуть ее против гитлеровской Германии...

1945 г.

АПРЕЛЬ

4

СРЕДА

4 апреля 1945 года явилось самым решающим поворотом в тысячелетней истории Венгрии.

Из основного закона ВНР

ГЛАВА VI

ВЕНГЕРСКИЙ АПРЕЛЬ

Будайский фарс

В сгустившихся сумерках осеннего вечера крепость Буды казалась безлюдной. Но безмолвная тишина на высоком правом берегу Дуная была обманчива. К воротам королевского дворца, или дворца Хорти, как его часто называли в этом «королевстве без короля», и к подъезду дворца Шандора, резиденции премьер-министра, то и дело бесшумно подкатывали лимузины с затемненными фарами. У входа еле мерцали подслеповатые лампочки, и люди в серой униформе сопровождали прибывавших господ, пользуясь карманными фонариками.

Дунайская крепость переживала тревожные дни. И хотя возле ее казарм по воскресеньям, как и прежде, браво маршировали королевские гвардейцы с алебардами, во всем чувствовалось приближение неотвратимого краха. Все острее чувствовали это и сам Хорти и его новый премьер-министр генерал Геза Лакатош, назначенный в надежде, что ему удастся сохранить хорошие отношения с гитлеровцами и одновременно достичь соглашения с западными державами. Еще в августе, после разгрома ясско-кишиневской группировки немцев и разрыва Румынии с гитлеровской Германией, даже в начале сентября, после вступления советских войск в охваченную всенародным восстанием Болгарию, хортист-

ская клика питала надежды на благополучный выход из войны благодаря контактам с англо-американцами, которые она начала устанавливать уже в сорок третьем году после высадки союзников в Италии. Тогда в Турции между Англией и США, с одной стороны, и представителем Хорти, прибывшим туда якобы на Смирненскую ярмарку, даже было заключено предварительное соглашение, по которому хортисты обязались сложить оружие, как только англо-американские войска подойдут к границам Венгрии.

Видимо, это имел в виду Уинстон Черчилль, британский премьер, когда писал в сентябре сорок четвертого года американскому президенту Рузвельту: «В настоящее время необходимо приложить все возможные усилия, чтобы организовать наступление на немцев по всему Балканскому полуострову, наладить доставку туда агентов, оружия...»

После войны в своих мемуарах он уже открыто признавался: «Я очень хотел, чтобы мы опередили русских... Венгры, например, выразили намерение оказать сопротивление советскому продвижению, но они капитулировали бы перед английскими войсками, если бы последние могли подойти вовремя».

События, однако, развивались совсем по-иному. Уже в ноябре сорок третьего года Тегеранская конференция отклонила «балканский вариант» второго фронта, приняв решение о высадке союзных войск во Франции. И все же хортисты не хотели расставаться со своей идеей. Она, казалось, витала в воздухе на чрезвычайном заседании венгерского правительства, собравшемся на третий день после свержения режима Антонеску в Румынии. Попавший в наши руки протокол заседания от 25 августа 1944 г. в этом смысле убедителен. Высказанная кем-то из участников заседания точка зрения «иностранных кругов», согласно которой «венгерские войска должны держать фронт против русских, а против англичан они сражаться не станут», была, по существу, точкой зрения самих хортистов.

— Это факт, что англосаксы не хотят, чтобы русские оккупировали Венгрию,— заявил на этом

заседании заместитель министра иностранных дел Юнгерт-Арнот.— Англосаксы хотели бы, чтобы венгры задерживали русских до тех пор, пока сами англосаксы смогут оккупировать Венгрию...

Еще более откровенно и определенно говорили на эту тему члены хортистского правительства две недели спустя на чрезвычайном заседании, собравшемся 8 сентября, в день, когда наши войска уже вступили в Болгарию. Характерно, что именно в те дни Черчилль снова активизировал свои усилия для проникновения англосаксов в страны Восточной Европы. «Он был готов,— пишет хорошо информированный английский журналист Александр Верт, автор известной книги «Россия в войне 1941—1945»,— списать со счета Румынию и Болгарию, как страны, вошедшие в «советскую сферу влияния», но отнюдь не намеревался поступить подобным образом в отношении Югославии, Венгрии, а главное, Греции. Греческий и югославский короли искали у Англии поддержки, и, хотя советские войска ежедневно теряли в тяжелых боях в Венгрии тысячи людей, Черчилль считал, что Венгрия, как и Югославия, должна стать по меньшей мере предметом компромисса между Востоком и Западом».

Какие планы в отношении послевоенного устройства Венгрии вынашивал Черчилль, можно судить по его действиям в Греции. Но вернемся на чрезвычайное заседание венгерского правительства. Вел его генерал-полковник Геза Лакатош, который всего лишь за две недели до этого[1] занял кресло премьер-министра. Открывая заседание, Лакатош указал на опасность, грозящую Венгрии в связи с наметившимся прорывом крупных танковых сил Советской Армии на северо-востоке страны и одновременным наступлением советских войск с юга, востока и с севера, с Дуклинского перевала. В результате, подчеркнул премьер-министр, могут образоваться гигантские клещи, которые отрежут главные силы венгерской армии, сражающиеся в Восточных Карпатах.

Затем информацию о положении на фронте сделал начальник генерального штаба генерал-полков-

[1] 24 августа 1944 г.

ник Янош Вёрёш. С этим хортистским генералом мы еще будем встречаться неоднократно: не пройдет и двух месяцев, как он перейдет на нашу сторону, а позже войдет в состав Временного национального правительства Венгрии в качестве министра обороны, продолжая оставаться убежденным хортистом и врагом демократии. На этом сентябрьском чрезвычайном заседании правительства, как и на предыдущем — в августе, Вёрёш явно вел линию на выход из войны путем установления контактов с англо-американцами. Накануне Хорти имел доверительную беседу с этими двумя генерал-полковниками, в ходе которой все трое пришли к единому мнению: продолжать войну невозможно, если немцы не пришлют немедленно достаточной помощи, которая бы позволила Венгрии сопротивляться Советской Армии до прихода англосаксов.

Сейчас Вёрёш подтвердил опасения, высказанные премьером, и в заключение заявил:

— Положение характеризуется полной неопределенностью... Население территорий, занятых русскими, большевизируется... Если бы немцы прислали мотомехчасти, то мы смогли бы задержать наступление русских, но совершенно остановить их вряд ли удастся.

— Русским необходимо оказать сопротивление,— высказал свое мнение министр обороны.— Если бы войска англосаксов по крайней мере символически оккупировали часть страны, то это было бы наилучшим исходом как для немцев, так и для нас. Против этого немцы не смогут возражать, так как в случае краха они сами сдадут Западный фронт, но ни в коем случае не сдадут Восточный фронт... Мы за англо-американскую оккупацию, хотя бы символическую, но мы боремся против большевизма.

— Русские не будут считаться с символической англосаксонской оккупацией,— бросает реплику министр финансов.

— В нужный момент необходимо запросить перемирие, не складывая при этом оружия,— говорит министр торговли и транспорта.— Правительство должно проявить максимум усилий в отношении англосаксов...

Премьер оглядел сидевших за столом. Большинство собравшихся составляли военные. Но это уже не были те самоуверенные генералы и полковники, которые еще не так давно беззаботно отправляли на фронт венгерские полки и дивизии. Да и премьер не тот. Хорошо было Каллаи говорить в апреле 1942 года: «На такую войну, которая не в интересах Венгрии, не мог бы пустить наших сынов ни я, ни кто-либо иной». Сегодня всем ясно, что эта война «не в интересах Венгрии», и все же...

— Следует, господа министры, избегать опрометчивых действий,— сказал Лакатош, продолжая механически перекладывать бумаги, лежавшие на его массивном столе.— Если судьба Германской империи решится и она потерпит полный крах, то для Венгрии будет большим минусом тот факт, что она до конца была стойким союзником Германии... Но наше географическое положение привязывает нас к Германии. Кроме того, мы не должны сбрасывать со счетов и моральную обязанность Германии по отношению к венграм...

— Англосаксы не являются хозяевами положения,— наконец решается сформулировать свою мысль министр иностранных дел,— русские в результате своего военного превосходства имеют возможность диктовать условия. Поэтому перемирие можно просить лишь у всех трех союзников, причем одновременно...

Министр земледелия, известный своими связями с гитлеровскими кругами в Венгрии, и в частности с посланником Эдмундом Везенмайером, пытается повлиять на ход дискуссии, в осторожной форме припугнув членов кабинета призраком большевизма и одновременно вероятным недовольством немцев.

— Сегодня,— говорит он,— страна уже «заминирована» большевиками. Если общественное мнение узнает, что мы намерены заключить перемирие, то мы потеряем и армию и массы, поддерживающие правые партии. Если мы капитулируем перед русскими, то уже ничего не добьемся. В другом случае у нас будет передышка, а тем временем среди союзников могут произойти изменения и повороты,— закончил министр многозначительно и, сделав

паузу, добавил не то обнадеживающе, не то с угрозой:

— В интересах защиты родины я сделаю все для того, чтобы, используя свои немецкие связи, повлиять соответствующим образом на Везенмайера...

Министр иностранных дел, досадуя на свою столь неосторожную реплику, спешит заявить, что и он «на все сто процентов выступает за сотрудничество с немцами».

В это время в зале заседаний бесшумно появляется секретарь и, согнувшись у председательского кресла, что-то говорит шепотом Лакатошу. Председатель быстро поднимается и на короткое время покидает заседание. Вернувшись, он сообщает министрам о только что состоявшейся встрече с германским посланником. Последний от имени Риббентропа заявил ему, что Германия рассматривает Венгрию как страну, непосредственно входящую в сферу ее интересов, а потому не может пойти на сдачу Венгрии. Что касается возможного внутреннего переворота в Венгрии, то они, немцы, непременно воспротивятся этому и с помощью войск из Вены и полицейских формирований подавят любую попытку переворота. Если же Венгрия выйдет из войны, ее постигнет громадная катастрофа...

Однако события принимали все более угрожающий для последнего гитлеровского сателлита характер, и вскоре в Неаполе появился венгерский генерал Иштван Надаи, прибывший туда по поручению Хорти. Он имел задание выяснить в англо-американской ставке возможность заключения перемирия за спиной Советского Союза. Но в это время советские войска уже вступали на территорию Венгрии, и англо-американское командование не могло дать положительный ответ посланцу Хорти. Решение вопроса теперь зависело не от него, и генералу Надаи сказали: «Венгрия должна обратиться к русским». Только после этого Хорти понял неизбежность непосредственных переговоров с правительством СССР. В глубокой тайне от гитлеровцев в Москву была направлена венгерская делегация. Возглавлял ее генерал хортистской жандармерии Габор Фараго, который до войны был военным атташе венгерской

миссии в Москве. Позднее он, как и Вёрёш, войдет в состав Временного правительства, продолжая оставаться врагом народной Венгрии.

Прибыв в Москву 2 октября 1944 года, делегация Фараго 11 октября подписала предварительное соглашение о перемирии, по которому венгерская армия должна была повернуть оружие против немецко-фашистских вооруженных сил.

Советская Армия даже приостановила свое наступление в районе города Мако, чтобы дать венгерскому правительству необходимое время для осуществления намеченных действий. Но Хорти не выполнил принятые им самим условия. Опасаясь за судьбу своего режима, он не решался опереться на патриотические силы страны; его пугала перспектива роста их авторитета в результате разгрома гитлеровских армий и освобождения Венгрии Советской Армией. Он даже не подтвердил в течение трех дней подписанное Фараго соглашение, как того требовало одно из условий этого соглашения. Отказавшись от советской военной помощи в овладении Будапештом, заявив, что гитлеровский гарнизон столицы будет разгромлен венгерскими войсками, стянутыми для этой цели к Будапешту, Хорти и здесь действовал крайне трусливо и нерешительно.

Тем временем гитлеровцы, кое-что узнав о попытках венгерского регента выйти из войны путем непосредственных переговоров с Советским правительством, немедленно предприняли решительные меры. Они отнюдь не были склонны допустить повторение «того, что произошло в Румынии». К Будапешту в срочном порядке были стянуты немецкие войска, и в город вошли парашютные части СС Отто Скорцени, имевшие задачу совершить военный переворот.

Следует сказать, что Отто Скорцени, фашистский диверсант особого назначения, к тому времени уже имел солидный опыт в таких делах. В его послужном списке числились фашистский путч в Вене в марте 1938 года, зверские расправы с мирными жителями Югославии, похищение арестованного итальянскими карабинерами Муссолини, наконец, истребление участников заговора против Гитлера в июле 1944 года.

Спустя два месяца Скорцени снова вызвали в ставку Гитлера; там уже были Гиммлер и Риббентроп. За обитыми войлоком дверями обсуждали последние донесения из Будапешта. Риббентроп требовал применения самых жестоких мер с угрозой ввести в дело германские дивизии и бомбардировщики... «Я твердо убежден г том, доносил из Будапешта Везенмайер, что регент Хорти без всякого промедления согласится с любой кандидатурой премьер-министра, которую пожелает предложить фюрер. Он это сделает хотя бы ради того, чтобы спасти себя и свою семью».

Гитлеровскому послу нельзя было отказать в наблюдательности. Хорти, действительно, не был способен на какие-либо жертвы в интересах нации. Этому воспитаннику австрийского пажеского корпуса в Фиуме, а затем верному слуге Габсбургов, флигель-адъютанту австрийского императора Франца-Иосифа по самой природе чужда была мысль о благе венгерской нации, народа. Мне рассказывали, что в 1919 году, когда Хорти появился в Сегеде, где тогда собирались силы контрреволюции, он еле говорил по-венгерски. Его назначение министром контрреволюционного правительства вызвало тогда протест со стороны французов, которые опасались, что он попытается снова посадить на венгерский трон Габсбургов. Французский генерал де Лоби спросил, был ли хоть один случай, когда Хорти выступил в защиту национальных интересов Венгрии. И сколько ни ломали себе голову приверженцы Хорти, они не смогли припомнить такого случая...

Надо ли удивляться тому, что этот «адмирал без флота» с такой легкостью привел страну на грань национальной катастрофы?

...Скорцени ушел из ставки, снабженный письменным приказом с широкими полномочиями и устным напутствием самого фюрера: «Вы, Скорцени, на случай, если регент нарушит свои союзнические обязательства, подготовите захват городской крепости». Вскоре он появился в столице Венгрии под именем доктора Вольфа. На окраине города его уже ожидали в полной боевой готовности три батальона отпетых головорезов, одетых, как и сам Скорцени, в штатское.

Первой их акцией в Будапеште было похищение младшего сына регента — Миклоша. После того как его старший сын, Иштван, избранный весной 1942 года заместителем регента и кандидатом на королевский трон, погиб на советско-венгерском фронте, престарелый диктатор Венгрии все свои фамильные честолюбивые планы связывал с карьерой младшего сына. На этом, а также на распространенной самим Хорти-младшим версии о его мнимом участии в Сопротивлении и был построен ловкий план гестаповцев: заманить сына регента в ловушку, а затем обвинить в «предательстве». Поскольку тень падала бы на семью Хорти и на самого регента, гитлеровцы, зная его трусливый характер, даже не сомневались, что добьются выполнения всех своих условий «мирным путем». Дальнейшие события показали, что они не ошиблись в своих расчетах.

Утром 15 октября сын регента был взят в здании на Дунайской набережной, куда его пригласил агент гестапо якобы по поручению директора венгерской речной компании Феликса Борнемисса, близкого друга Хорти-младшего. В это здание заранее пробрались три эсэсовца, которые должны были схватить молодого Хорти. Однако неожиданно для них он прибыл в сопровождении роты лейб-гвардейцев, которые сразу же оцепили весь район набережной Дуная, где находилась контора пароходства «Феликс Борнемисса». Тем не менее гестаповцы ворвались в кабинет директора, схватили хозяина и его гостя, надели на них наручники, затем закатали их в большие ковры и вынесли из здания. Охранявшие здание лейб-гвардейцы обратили внимание на необычные тюки и, заподозрив неладное, открыли огонь. Тогда против регентской охраны Отто Скорцени бросил своих парашютистов, которые ждали, притаившись здесь же, на Дунайской набережной. С помощью бесшумных пистолетов и ручных гранат они обратили в бегство лейб-гвардейцев Хорти-младшего, а его самого бросили в автомобиль и быстро скрылись.

В это время в Будайской крепости шло заседание коронного совета. Хорти назначил его, уже зная о готовившемся гитлеровцами перевороте; для него это заседание было не более как маневр, предназна-

чавшийся и для союзников, и для гитлеровцев. Первым он хотел продемонстрировать свое «искреннее» намерение выйти из войны, вторым — доказать, что у него не было и в мыслях воевать против них.

Разыгрывался последний акт будайского фарса...

В полдень Хорти, уже располагавший полной информацией об обстоятельствах похищения сына, прервал заседание коронного совета, чтобы принять явившегося к нему Везенмайера. Обвинив гитлеровского полномочного представителя в похищении молодого Хорти, он тут же показал ему стреляные гильзы немецкого производства, собранные на Дунайской набережной, в том месте, где утром произошла перепалка между парашютистами Скорцени и лейб-гвардейцами. Везенмайер заявил, что принятые меры были вызваны опасными действиями Хорти-младшего, который-де «связался с противником». Вспыливший регент в ответ заявил, что он сам намерен «запросить об условиях перемирия», умолчав, однако, что соглашение о перемирии уже подписано.

Почти одновременно по радио было передано воззвание Хорти, которое явилось достойным завершением всей его антинациональной двойственной политики. Заявив о выходе Венгрии из войны, регент в то же время почти ничего не сделал, чтобы обеспечить реализацию этого намерения в стране, оккупированной Гитлером. Это выступление по радио скорее было похоже на сигнал для гитлеровцев, и они не замедлили им воспользоваться. В течение нескольких часов радио, телеграф, другие важнейшие центры Будапешта были захвачены эсэсовцами и отрядами нилашистов [1], части венгерской армии, сконцентрированные в столице, а также на фронте, оказались под контролем гитлеровских высших офицеров и тех же нилашистов. Хорти было предъявлено требование подать в отставку, а когда тот для виду не согласился, парашютисты Скорцени вместе с нилашистами ворвались в крепость. Раздались первые выстрелы. Рассказывают, что перепуганный регент спрятался в своей туалетной комнате. Здесь его настигли нилашисты, новые хозяева крепости, одетые

[1] «Нилашисты» — венгерские фашисты.

в зеленые рубашки, с полосатыми повязками на руках. И здесь же «высокий правитель», сидя на унитазе, подписал заранее заготовленный документ, в котором он слагал полномочия регента в пользу главаря нилашистов Салаши, который тут же сообщил по радио всему миру о захвате власти и о намерении продолжать войну вместе с Гитлером до победного конца.

Наутро 16 сентября стали известны два последних подписанных Хорти документа, которые подвели черту под всей его деятельностью, от начала до конца направленной против интересов венгерского народа. Первым он аннулировал свое вчерашнее воззвание к венгерской нации и подтверждал приказ по войскам о решительном продолжении борьбы. Второй документ гласил: «В интересах успешного осуществления военного руководства, а также обеспечения внутреннего единства и сплочения нации я слагаю с себя обязанности регента и отказываюсь от всех законных прав, связанных с прерогативами регента. Одновременно поручаю Ференцу Салаши формирование правительства национального сплочения».

Сам Хорти попросил убежища в Германии, и вскоре специальным поездом вместе со своей семьей выехал в Баварию, навсегда покинув страну, которой он правил как диктатор на протяжении 25 лет, но которая никогда не была для него родиной[1].

На Будапешт! «Не как завоевательница, а как освободительница венгерского народа от немецко-фашистского ига вошла в Венгрию Советская Армия. Она не имеет других целей, кроме разгрома германских армий и уничтожения господства гитлеровской Германии в порабощенных ею странах». Так говорилось в воззвании, с которым обратилось командование 2-го Украинского фронта к населению Венгрии, едва Советская Армия вступила на венгерскую землю. Советское командование призывало венгерское крестьянство продолжать сельскохозяйственные работы, рабочих и ремесленников — идти к своим станкам, на заводы и в мастер-

[1] После разгрома фашистской Германии Хорти нашел приют у фашистского диктатора Португалии Салазара; умер в 1957 г. в Лиссабоне.

ские, торговцев и предпринимателей — заниматься своим делом, чиновников — обеспечивать нормальную работу учреждений и органов самоуправления.

Советская Армия осталась верной традициям ленинской внешней политики. «У нас нет и не может быть таких целей войны, как навязывание своей воли и своего режима славянским и другим порабощенным народам Европы, ждущим от нас помощи»,— заявило Советское правительство.

...Люди высокого интернационального долга, советские люди, сражались в Венгрии, не щадя самой жизни. Мне особенно запомнился подвиг артиллерийского капитана Демьянова.

Вот как это было.

Домик, где расположился командный пункт артиллерийского дивизиона, стоял у самого шоссе, которое, выскочив из-за поворота, серой лентой вытянулось в сторону Будапешта. Небольшое одноэтажное строение под островерхой черепичной крышей, с высоким крыльцом. Командир дивизиона капитан Демьянов, сидя рядом с радистом, непрерывно связывался то с одной, то с другой батареей. За столом склонился над картой лейтенант Аникин.

Когда в паузах между залпами пушек там на холмах недалеко от домика наступала тишина, было слышно, как шумит, вырываясь из тесного горного ущелья в долину, речка. Скрипнула дверь, и в комнату вбежал часовой.

— Товарищ капитан,— крикнул он на ходу,— танки!

— Какие танки, откуда?

— Немецкие!

Демьянов подбежал к окну и все понял. Из-за горы по шоссе двигались пять самоходных орудий «фердинанд». Первое уже разворачивалось почти у самого домика, остальные собирались сделать то же. Эта группа немецких самоходок, видимо, прорвалась где-то с гор и теперь готовилась ударить по нашим огневым позициям с тыла.

Здесь, как и в других местах на дальних подступах к Будапешту, гитлеровцы предпринимали отчаянные усилия, чтобы сорвать наступление советских войск, удержать в своих руках истекающую

кровью венгерскую столицу, где свирепствовали банда Салаши и эсэсовцы. Зная об этом от пленных немецких солдат, советские воины стремились поскорее освободить столицу и ее население от фашистской неволи. У Демьянова быстро созрело решение.

— Вызвать лейтенанта Гранкина, быстро,— скомандовал он радисту и, когда тот доложил, что командир батареи слушает, приказал: — Огонь по квадрату 120, всей батареей!

На батарее, видимо, усомнились. Не перепутаны ли координаты?

— Лейтенант Гранкин спрашивает, не ошиблись ли вы, товарищ капитан,— сказал через две секунды радист,— квадрат 120 — это наш домик.

— А под домиком немцы,— раздраженно крикнул Демьянов.— Повторите мой приказ: огонь на меня, немедленно, всей батареей!

— Слушаюсь!

На минуту воцарилась тишина, а затем все потонуло в орудийном залпе. Крепкий бревенчатый дом затрясся от взрывной волны. Все, кроме радиста, кинулись к окнам. Одна самоходка вспыхнула ярким пламенем, а затем исчезла в клубах черного дыма. Снаряд, очевидно, попал ей в бензобак.

— Молодцы! — крикнул Демьянов, — передайте на батарею мой приказ повторить налет. Координаты те же.

Снова грохнули пушки, и еще один «фердинанд» вышел из строя. Снаряд, будто лезвие бритвы, обрезал ему длинный хобот ствола. В домике обвалился потолок и раздавил рацию. Четверо артиллеристов, отрезанные от наших подразделений, теперь лишились и связи. Между тем уцелевшие самоходки начали поспешно уходить из-под огня, прячась за выступ горы, но соскочившие с них автоматчики рассыпались вокруг дома, охватывая его кольцом. Гитлеровский офицер на ломаном русском языке крикнул:

— Рус, сдавайся!

Демьянов ответил выстрелом и наповал сразил немецкого офицера. А из соседних окон уже строчили из автоматов лейтенант Аникин, рядовые Савельев и Анисимов.

Семь часов держались четверо отважных артиллеристов в полном окружении. Их выручила подоспевшая на помощь группа наших разведчиков. Возле подбитых самоходок, у домика валялось сорок трупов гитлеровских солдат и офицеров.

Под Будапештом, почти у самых его стен, я встретился со старым знакомым — генералом Ждановым; его танки стремительным ударом со стороны Кечкемета глубоко вклинились в оборону гитлеровцев. Кажется, совсем недавно я расстался с ним в Белграде, а за это время его гвардейцы на машинах форсировали Тису и, двигаясь с боями на север, освободили многие города и села междуречья Тисы и Дуная.

Глубокий клин ждановских танкистов подрезал правое крыло будапештской обороны противника, и она, лишенная опоры, начала разваливаться под ударами советских частей, наступавших с востока. Бои на подступах к Будапешту принимали все более ожесточенный характер.

К этому времени наша разведка уже располагала точными данными о расположении и характере обороны венгерской столицы. Возведенные гитлеровцами укрепления охватывали город плотным полукольцом, упираясь флангами в Дунай севернее и южнее Будапешта. Когда создалась угроза прорыва нашими войсками этого оборонительного пояса, гитлеровцы спешно приступили к сооружению дополнительных рубежей, мобилизовав для этой цели население столицы и свои тыловые части. Более 25 тысяч будапештцев выгнали они на строительство полевых укреплений. Перебежчики из венгерской столицы рассказывали, что ее окрестности, улицы, перекрестки покрываются густой сетью различного рода препятствий и укреплений, дома и целые кварталы подготавливаются к длительной обороне. Пленные немецкие солдаты и офицеры показывали, что они имеют приказ «любой ценой» держать Будапешт.

Было ясно, что фронтальный удар сопряжен с большими человеческими жертвами и приведет к разрушению чудесной венгерской столицы. Советские войска предприняли маневр, имевший задачу

вынудить немецкое командование оттянуть свои части из Будапешта. С этой целью советские войска осуществили широкое охватывающее движение севернее и южнее города. Одной из труднейших операций было форсирование Дуная.

Сначала надо было занять остров Чепель. Овладев им, советские части превратили его в плацдарм для подготовки к прыжку через Дунай. Сюда по ночам, чтобы не обнаружили гитлеровцы, переправлялись пехота, пушки, машины с боеприпасами, самоходные орудия, танки. В полночь на 5 декабря сразу в нескольких местах отчалили первые понтоны, мотоботы, обычные рыбачьи лодки. Они держали курс строго на запад, преодолевая быстрое течение разлившегося Дуная. В настороженной тишине ночи были слышны только размеренные тихие удары весел да скрип уключин. И все же с правого берега заметили десант. По нему открыли огонь из пулеметов и автоматов. Тогда заговорили пушки с Чепеля. Сотни стволов ударили по западному берегу. Целый час бушевала над Дунаем южнее Будапешта гроза артиллерийского наступления. Под ее прикрытием советские части форсировали Дунай. Мне запомнился командир понтонного взвода лейтенант Военков. Пять рейсов совершили той ночью его понтоны через разлившийся на два километра Дунай, буквально вскипавший от вражеского огня. Пять рейсов, каждый из которых был равен подвигу...

Фронт наших войск все больше принимал форму огромной подковы, в центре которой находился Будапешт. С каждым днем уменьшалось расстояние между концами этой подковы, выдвинувшимися за Дунай южнее и севернее венгерской столицы. Могучий вал наступления все ближе подкатывался к стенам Будапешта.

В те дни мне довелось беседовать с известным венгерским писателем-коммунистом, которого я встретил на фронте в форме майора Советской Армии. Это был Бела Иллеш, который в те дни редактировал газету Советской Армии на венгерском языке. Его роман «Тиса горит» я читал еще за несколько лет до войны, а теперь, впервые встретив-

шись с писателем и близко узнав его лично, сразу был покорен его эрудицией, общительностью характера, любовью к своей родине. Он помог мне многое узнать об этой интересной стране, полюбившейся потом и мне, о революционных традициях и патриотизме венгров.

— А Салаши и его нилашисты,— сказал он, когда речь зашла на эту тему,— это не венгры, это подонки, всплывшие на поверхность, чтобы служить фашизму в его наиболее уродливой форме.

К тому времени уже были известны многие подробности «деятельности» Ференца Салаши, давнего гитлеровского агента, провозгласившего себя после октябрьского путча «вождем нации». Кстати, этот титул в первых числах ноября был «узаконен» решением венгерского парламента. Правда, для голосования нилашистам удалось согнать менее одной трети депутатов, но это не смутило ни самого Салаши, ни его сподвижников. Сразу после захвата власти «вождь нации» отблагодарил своих покровителей, торжественно вручив награды Везенмайеру и другим представителям оккупантов, а затем направил благодарственную телеграмму Гитлеру. В ней он верноподданнически поклялся своему фюреру «поставить венгерскую армию до последнего человека» против наступавшей Советской Армии.

Чтобы выполнить это обещание, нилашисты прибегли к тотальной мобилизации: все венгры в возрасте от 12 до 70 лет были объявлены мобилизованными либо в армию, либо на принудительные работы — в рабочие батальоны. Полтора миллиона венгерских солдат — почти столько же, сколько уже находилось под ружьем в венгерской армии,— обещал Гитлеру новоиспеченный «вождь венгерской нации». Он же издал распоряжение о вывозе в Германию всего заводского оборудования, поголовья скота, железнодорожного подвижного состава, золотого запаса Национального банка. Немедленно должно было эвакуироваться все население с территорий, на которых велись военные действия.

Впрочем, нилашистам нелегко было осуществить эти меры ввиду сильного противодействия народных масс. Об этом свидетельствовали истерические

призывы к народу и армии не покидать германского «союзника» Венгрии, свирепые угрозы по адресу «трусов и малодушных», ежедневно и по многу раз передававшиеся будапештской радиостанцией. Новый министр обороны генерал Карой Берегфи в переданном по радио приказе угрожающе предупреждал, что венгры, которые откажутся от участия в борьбе на стороне Германии, будут рассматриваться как лица, «лишенные национального чувства», и будут «изгнаны из рядов нации», то есть истреблены. Другой министр — Райниш — в обращении к населению недвусмысленно заявил, что представляемое им «правительство сумеет обеспечить твердый порядок всеми имеющимися в его распоряжении средствами» и что оно не допустит, чтобы «кто-либо нападал из-за угла на тех, кто согласен продолжать борьбу и остается верен Германии». Выступивший в тот день по будапештскому радио министр внутренних дел Габор Вайна решительно потребовал, чтобы каждый венгр оставался на своем посту, ибо «тот, кто не отдает все силы работе, будет считаться саботажником», а саботажники, угрожающе заявил Вайна, «подвергнутся высшей мере наказания».

На следующий день будапештское радио передало приказ начальника венгерского генштаба, из которого мы узнали, что многие венгерские солдаты самовольно покинули свои части. Они предупреждались, что будут предаваться полевому суду и караться смертной казнью. Это не помогло, как не помогали и многочисленные приказы о мобилизации оставшихся мужчин в армию и рабочие батальоны. Будапештцы всячески старались избежать тотальной мобилизации.

В частях, наступавших на Будапешт, я уже не раз слышал высказывания наших солдат о том, что, мол, «венгры — не только солдаты, но и офицеры — уже стали не те». На одном из участков фронта на нашу сторону перешла целая рота 2-го батальона, 12-й пехотной дивизии во главе с командиром.

На допросе он рассказал о настроениях в дивизии.

— Даже офицеры стали неохотно выполнять приказы командования, зная, что они исходят от немцев и идут во вред Венгрии. При малейшей возможности солдаты разбегаются, переодеваются в гражданское платье и прячутся по деревням. К тому же все утомлены войной, которую затеяла гитлеровская Германия...

Его слова подтвердил взятый в плен примерно в эти же дни немецкий капитан:

— Теперь мы особенно ощутили враждебность к нам венгров. Это перестали скрывать даже венгерские офицеры.

Традиции дружбы

...Но были и другие причины нежелания венгров воевать против Советской Армии.

Глубокий след оставила в судьбах венгерского народа Великая Октябрьская социалистическая революция в России. Полмиллиона венгров, оказавшихся к концу первой мировой войны в русском плену, были свидетелями рождения первого в мире социалистического государства, около 100 тысяч из них принимали активное участие в боях за победу Октября.

Полвека спустя представитель младшего поколения венгерских революционеров Янош Кадар скажет при вручении советских орденов гражданам ВНР, награжденным по случаю 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции: «Нам безгранично дорого, что из всех советских правительственных наград, которых удостоены зарубежные интернационалисты, более трети получили венгерские трудящиеся».

В этом широком и активном участии венгров в Октябрьской революции проявился их пролетарский интернационализм, их глубокое понимание справедливости революционной борьбы трудящихся России.

Не случайно с таким глубоким интересом следили трудящиеся Венгрии за событиями в России. «...Настоящее красное солнце взошло уже над Россией,— писал в те дни революционный венгерский поэт Эндре Ади.— Свет его дойдет и сюда». О венгерских интернационалистах, сражавшихся в России за победу революции, как явствует из воспоми-

наний жены одного из них, Ирен Кун, в начале 1918 года, стали доходить в Венгрию волнующие, как легенда, слухи. Говорили, что Бела Кун во главе 100 тысяч венгерских интернационалистов уже направился в Венгрию, чтобы защитить интересы венгерских рабочих и крестьян, создать свободное государство трудящихся, как учил Ленин. Тридцатитрехлетний Бела Кун был в то время известен и в России. В 1916 году он попал в плен, в том же году установил связь с большевистской организацией в Томске и был принят в члены партии. После Великой Октябрьской социалистической революции Бела Кун вступил в ряды Красной гвардии, как командир отряда венгров-интернационалистов участвовал в подавлении восстания эсеров в Москве, а также в боях под Нарвой. В начале ноября 1918 года Бела Кун выехал на родину.

Уже в томском лагере военнопленных Бела Кун познакомился с произведениями В. И. Ленина и в них нашел ответ на многие вопросы, волновавшие его давно. А в конце 1917 года он уехал в Петроград, где произошла его первая встреча с Лениным и где окончательно сформировалось его революционное мировоззрение.

— Товарищ Бела Кун хорошо знаком был мне еще тогда, когда он был военнопленным в России и не раз приходил ко мне беседовать на темы о коммунизме и коммунистической революции,— говорил В. И. Ленин в речи, записанной на грампластинку в конце марта 1919 года.

В те огневые годы в России не только Бела Кун — многие тысячи венгров прошли великую школу пролетарской революции. Вернувшись к себе на родину, они принесли сюда теорию и опыт революционной борьбы. Изучение трудов К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина помогло им понять закономерности общественного развития, неизбежность гибели капитализма в результате социалистической революции. Октябрьская революция указала пути, открыла формы и методы революционного преобразования.

В ноябре 1918 года в Венгрии была создана коммунистическая партия, под руководством которой

венгерский народ, по примеру народов России, совершил пролетарскую революцию и в марте 1919 года установил Советскую власть. Это Венгрию, прежде всего, имел в виду Ленин, когда говорил, что «семя, посеянное русской революцией, всходит в Европе».

Вскоре весь мир узнал имена руководителей венгерской революции — Бела Куна и его ближайших соратников. Они стремились осуществить в Венгрии то, что совершилось в дни Октября в России. Встретившись со своими друзьями в Будапеште по возвращении из России, Бела Кун говорил им, указывая на живописные кварталы Буды: «Видите эти прекрасные виллы, сады? Все это мы отдадим трудящимся и их детям, так же как это сделал в Петрограде Ленин». Позже в своих письмах В. И. Ленину, перечисляя, какие преобразования осуществила Венгерская советская республика, он с гордостью назовет себя «одним из самых усердных ваших учеников». Бела Кун и его соратники первыми в Венгрии поняли, что с победой Великого Октября их родина обрела в лице советского народа, как писал один из соратников Куна, боец-интернационалист Ференц Мюнних, «сильного, верного и бескорыстного союзника».

Эта идея проникала в сознание все более широких кругов венгерского народа, особенно после того, как стало известно об историческом разговоре между руководителями венгерской революции и Лениным, который произошел в ночь с 22 на 23 марта 1919 года, на второй день после провозглашения Венгерской советской республики. В. И. Ленин попросил к радиоаппарату Бела Куна. Ввиду его отсутствия, ответил Эрнё Пор. Он сказал:

— Вчера ночью венгерский пролетариат завоевал государственную власть, установил диктатуру пролетариата и приветствует вас как вождя мирового пролетариата. Передайте наш привет и выражение нашей революционной солидарности русскому революционному пролетариату... Венгерская советская республика предлагает русскому правительству вооруженный союз против всех врагов пролетариата...

— Здесь Ленин. Искренний привет пролетарскому правительству Венгерской Советской республики и особенно т. Бела Куну. Ваше приветствие я передал съезду Российской коммунистической партии большевиков. Огромный энтузиазм...

Позже в Венгрию пришло приветствие Ленина венгерским рабочим. Его привез из Москвы Тибор Самуэли, ближайший соратник Бела Куна. После поражения Венгерской Советской республики он некоторое время оставался в Венгрии на нелегальном положении. Впоследствии при попытке уехать в Австрию Тибор Самуэли был схвачен на границе и расстрелян. О нем после его гибели «Правда» в августе 1919 года писала, что этот несгибаемый революционер, патриот своей родины «создан был из чистого металла и душа его не знала сомнений». Сохранились и опубликованы в печати некоторые детали одной из последних встреч Самуэли с Лениным в мае 1919 года.

...Последний разговор в кремлевском кабинете. Последние ленинские напутствия. Владимир Ильич достает из письменного стола аккуратно сложенные отпечатанные на машинке листы.

— Я написал то, что обещал. Буду рад, если это окажется полезным. Посылаю это с вами как приветствие венгерским рабочим.

Драгоценное послание бережно спрятано в кармане на груди, под кожаной курткой. Последнее, теплое рукопожатие Владимира Ильича.

— Привет Бела Куну и всем товарищам. Счастливо долететь!

31 мая самолет, не дотянув до Будапешта, сел в Цегледе. На автомобиле Тибор Самуэли поспел на заседание Будапештского совета рабочих депутатов.

— Товарищи! Я привез вам привет от Ленина!.. Товарищ Ленин призывает: никакой капитуляции!

Затаив дыхание, слушали участники совещания ленинское приветствие венгерским рабочим.

...Но не все венгерские интернационалисты уехали в конце 1918 и начале 1919 года на родину; многие из тех, кто находился в рядах Красной Армии, продолжали бороться за дело Октября. С думой о своей любимой родине на Дунае они бесстрашно

сражались против врагов Октябрьской социалистической революции. «Дело интернационалистов,— говорится в книге о венгерских интернационалистах, изданной в ВНР к 50-летию Октября,— было делом по-настоящему любящих свою страну патриотов, которые поняли или почувствовали, что уверенный прогресс венгерского народа может быть осуществлен лишь путем братского сплочения с другими прогрессивными народами, прежде всего с молодой Советской властью...»

Революционные события 1919 года сблизили и породнили венгерский пролетариат с пролетариатом России. И сколько ни старалась венгерская и международная реакция после подавления Венгерской советской республики искоренить революционный дух в венгерском народе, ей этого не удалось добиться. Мне рассказывали, как в мае 1941 года на Будапештской международной ярмарке, где тогда впервые был открыт советский павильон, началось настоящее паломничество простых людей со всех концов этой страны. В этом и в смелых записях, которые многие из них, несмотря на слежку полицейских шпиков, оставляли в книге отзывов советского павильона, проявились истинное отношение венгров к первой стране победившего социализма, их мечты о будущем своей родины. Вот некоторые из этих записей:

«Венгерские пролетарии полны тех же чувств, что и в 1919 году. Мы уже перенесли очень много страданий. Мы многого ждем от будущих времен, готовимся к ним и, как вижу, не напрасно».

«С глубоким впечатлением покидаю я советский павильон. Как представитель группы рабочих из провинции пишу вам эти строки. Мы верим и надеемся на вас, на то, что вы не забываете своих венгерских товарищей, не забываете, что Маркс и Ленин ставили себе целью освобождение пролетариата всего мира. Приходите, наша правда должна победить. До свидания, товарищи!»

«Прогресс изумителен! Да здравствует Советский Союз, да здравствует коммунизм, долой гитлеризм».

«Счастливая страна! Все это возможно лишь в стране, где рабочий живет благополучно. Ждем вас с нетерпением.
С товарищеской любовью».

«Дружески приветствуем вас. Все наши товарищи по работе ждут вас с любовью. До возможно более скорой встречи».

Не без основания беспокоились хортистские правители и их берлинские хозяева по поводу настроений среди венгерского населения. Действительно, страна была, как выразился один из министров на чрезвычайном заседании правительства генерала Лакатоша 8 сентября 1944 года, «заминирована большевизмом». И сейчас с каждым новым шагом советских войск по венгерской земле росла не только слава Советской Армии, но и уважение к ее воинам. Наши солдаты и офицеры хорошо понимали, принимали близко к сердцу горести и нужды освобожденных ими простых людей городов и сел, быстро находили общий с ними язык. А их рассказы о нашем образе жизни, впервые за много лет услышанные слова правды о Советском Союзе открывали венгерским труженикам глаза на то, что так тщательно скрывала от них фашистская пропаганда. Рушилось уродливое здание лжи и клеветы, возведенное за 25 лет господства хортистской реакции [1].

[1] Позже, уже после войны, стали известны яркие примеры, когда венгерские патриоты с риском для жизни помогали советским воинам-освободителям. И в Венгрии, и в Советском Союзе люди узнали о подвиге семьи врача Хорнянски из Секешфехервара, которая скрывала у себя на квартире отважную советскую разведчицу. Советское правительство наградило супругов Хорнянски орденами Отечественной войны.

С благодарностью вспоминают советские люди и подвиг венгерских патриотов супругов Лайоша и Лайошне Сабо, а также Яноша Клейн и его сына Арпада, которые спасли четырех советских летчиков. Осенью сорок четвертого года их самолет был сбит над Венгрией, и раненые летчики попали в

Так складывалась обстановка в Венгрии — на фронте и в тылу — к моменту выхода наших войск на ближние подступы к Будапешту.

Однажды, где-то в середине декабря, из передачи будапештского радио я узнал о казни по приговору военно-полевого суда группы венгерских генералов и офицеров. Две недели спустя был казнен и Эндре Байчи-Жилински, видный буржуазный политический деятель Венгрии, примкнувший к антифашистскому единому фронту, который возглавляли коммунисты. Он прошел длинный и сложный путь, прежде чем преодолел свои классовые предубеждения и стал на сторону рабочего класса и его коммунистической партии, последовательного борца за национальную независимость.

Когда венгерские коммунисты и возглавляемый ими Венгерский фронт создали Повстанческий национально-освободительный комитет, или, как его еще называли, Венгерский комитет освобождения и возглавил его Жигмонд Биро, немногие знали, что это была подпольная кличка Байчи-Жилински. Вместе с ним активное участие в деятельности этого комитета принимали подпольщики коммунисты Дьердь Палфи, Ласло Шойом и Ласло Райк. Кроме компартии в Комитете освобождения были представлены социал-демократы, партия мелких сельских хозяев, национально-крестьянская партия и Общество друзей Советского Союза.

Перед Комитетом освобождения при его создании была поставлена задача поднять вооруженное восстание в Будапеште в момент, когда Советская Армия начнет штурм города. Военное руководство взяла на себя группа офицеров из генерального штаба и центральных ведомств венгерской армии, примкнувших к Венгерскому фронту после захвата власти Салаши. Подготовка к восстанию, несмотря на нерешительность некоторых деятелей политиче-

---

будапештскую тюремную больницу. Лайош Сабо, работавший в больнице регистратором, организовал их побег, а его друзья помогали ему в этом. Такой же подвиг совершила и другая будапештская семья — Иожеф и Иожефне Гула. Они, рискуя жизнью, спасли четырех советских летчиков, бежавших из фашистского плена.

ских партий, представленных в Комитете освобождения, успешно продвигалась вперед: весь город был разделен на четыре военные зоны, причем в каждой действовали боевые группы, все время пополнявшиеся подготовленными людьми. Комитет установил связь с партизанами и командованием 2-го Украинского фронта.

Венгерских патриотов выдал провокатор, видимо проникший в их ряды. По его доносу нилашисты 22 ноября окружили дом, где происходило очередное заседание Комитета освобождения и арестовали часть его членов; в их числе были Байчи-Жилински и почти все военные во главе с генералом Яношем Киш.

Антифашистскому движению в Венгрии был нанесен тяжелый удар. Однако Венгерская компартия, работавшая в необычайно тяжелых условиях подполья, ее видные деятели, такие, как Янош Кадар, Дьюла Каллаи, Лайош Фехер и другие, не прекращали борьбы против гитлеровских оккупантов и нилашистов. В столице и пригородах, в Мишкольце, Диошдьере, других промышленных центрах страны действовали боевые диверсионные группы, умышленно замедлялись темпы производства, крестьяне саботировали сельскохозяйственные поставки. На территории страны уже насчитывалось более десяти партизанских отрядов и соединений. И хотя партизанское движение здесь развернулось с опозданием и не приняло широких масштабов, все же оно заслужило глубокое признание венгерского народа как высшая форма антифашистской борьбы, которую он вел под руководством своей коммунистической партии — за новую жизнь, за народную демократию.

В декабре 1944 года под Будапештом произошло событие, которое потрясло всех честных людей,— вероломное убийство гитлеровцами наших парламентеров. К тому времени войска двух соседних фронтов — 2-го Украинского и 3-го Украинского — уже завершили полное окружение венгерской столицы и завязали бои на ее окраинах. В то же время наши войска, развивая наступление на запад, продвинулись примерно на 60 километров от Будапешта, таким образом полностью лишив противника возмож-

ности пробиться на помощь к своим окруженным войскам.

Во избежание напрасного кровопролития и чтобы спасти от разрушений столицу Венгрии, наше командование, в соответствии с международными правилами, направило окруженной группировке парламентеров с ультиматумом немедленно прекратить военные действия и сложить оружие. Всю ночь мощные репродукторы передавали с передовой линии фронта извещение о предстоящей посылке парламентеров, о маршруте и времени их следования. Утром 29 декабря одновременно с востока, со стороны 2-го Украинского фронта, и с юга, со стороны 3-го Украинского фронта, парламентеры с большими, ясно видимыми белыми флагами направились в сторону Будапешта. Первый был убит гитлеровцами, едва он приблизился к вражеским позициям, второй доставлен в штаб немецких войск, где командование отказалось вести переговоры. Затем на обратном пути он был убит выстрелом в спину.

Это было чудовищное злодеяние. Погибли два молодых советских офицера: у Будаёрша капитан И. А. Остапенко, украинец, на Дебреценском шоссе — капитан Миклош Штейнмец, венгр по национальности, сражавшийся в Испании в бригаде легендарного генерала Лукача, под именем которого выступал венгерский писатель Матэ Залка...

Начался штурм города, тысячами кварталов раскинувшегося по обе стороны Дуная. Битва то бушевала на улицах и площадях, то поднималась вверх по этажам зданий, то уходила под землю по сложным лабиринтам многочисленных подземных ходов. И нередко советским солдатам оказывали помощь будапештцы. Часто с риском для жизни проводили они наших воинов потайными ходами в тыл или в самый центр квартала, занятого немцами...

На сторону Советской Армии начали переходить большие группы венгерских солдат и офицеров. Из них был сформирован Будайский добровольческий полк. Его солдаты и офицеры вместе с советскими войсками бесстрашно штурмовали крепость в Буде.

Глубоко символичен был этот штурм, в результате которого венгерские патриоты, сражаясь плечом

к плечу с советскими воинами, вернули крепость, за несколько месяцев до этого захваченную гитлеровцами и нилашистами. Многие солдаты и офицеры пали в этом тяжелом бою. Совместно пролитая кровь навеки спаяла боевое братство по оружию советских и венгерских воинов, дружбу двух народов.

Дни и люди Дебрецена

В этом городе на востоке Венгрии начался путь венгерской народной демократии. Путь славный, но отнюдь не легкий.

...Телеграмма из Москвы нашла меня в одной из частей, сражавшихся на подступах к Будапешту. «Срочно выезжайте в Дебрецен, свяжитесь с представителем НКИД Пушкиным и переключитесь на освещение внутриполитической жизни».

И вот открытый «виллис» мчит меня по Дебреценскому шоссе на восток. Сквозь свист холодного ветра все слабее доносится гул большой битвы за Будапешт. Голые поля, что раскинулись по обе стороны дороги, кажутся черной пустыней. Комья земли, внезапно схваченные необычайно ранними и сильными для здешних мест морозами, превратились в камень.

— Эх-х,— вздыхает сзади мой спутник,— надь бай, большая беда. Урожая не будет, помяните мое слово. Одно к одному: эта проклятая война, затеянная Хорти... А теперь, если еще неурожай — совсем пропадать...

Он зябко поежился, пряча за пазуху закоченевшую правую руку. Потертое клетчатое пальтишко, видно, слабо защищало его худое тело. Попросился ко мне в машину этот уже не молодой и довольно бедно одетый человек под Монором. Шофер, ворча, затормозил машину.

— Всех не заберешь. Видите, сколько идет их из-под Будапешта на восток, прямо валом валят...

И правда, по всей дороге тянулись беженцы. Некоторые везли свой нехитрый скарб на тележках, другие приспособили для этой цели детские коляски, большинство же плелось по асфальту с котомками за плечами. Все двигались на восток, туда, где освобожденные советскими войсками венгерские города и села налаживали мирную жизнь.

Мой случайный спутник оказался будапештским учителем. Ему, говорит он, повезло: из центральной части Будапешта он вовремя успел перебраться на восточную окраину, к своим родственникам в Кёбанья. Как только туда вступили советские войска, он двинулся на восток.

— Иштенем, иштенем (боже мой, боже мой),— без конца повторял учитель.— Что творится в Будапеште... Немецкие саперы заминировали дома, заводские постройки, дунайские мосты. Если, говорят, русские ворвутся в город, Будапешт взлетит на воздух... По улицам патрулируют танки и проносятся грузовики с нилашистами. Шестнадцати-восемнадцатилетние подростки со «скрещенными стрелами» на рукавах грабят магазины и квартиры. Грабят с отвратительной жадностью, без всякого стеснения... Каждый день расправы на Дунайской набережной... И не только там. По всему городу валяются трупы убитых людей...

Мой спутник на минуту замолчал, стараясь унять дрожь во всем теле, потом продолжал:

— А сейчас, когда падение Будапешта стало явно неизбежным, нилашисты гонят всех из Пешта за Дунай. Но люди не хотят уходить на запад, все стремятся, вот как я, выбраться на эту дебреценскую дорогу или на Сегед. Там, говорят, уже нет войны...

Под вечер мы въезжали в Дебрецен. На улицах этого обычно тихого провинциального города большое оживление. Повсюду много людей — и военных и гражданских, не умолкают уличные громкоговорители, многие здания украшены национальными трехцветными, красно-бело-зелеными, и красными флагами.

Что же происходило в Дебрецене? Но сперва вернемся несколько назад, к моменту вступления наших войск на территорию Венгрии. В эту страну, как и в Румынию, Болгарию, Югославию, Советская Армия вступила с единственной целью — добить фашистского зверя, помочь народам в их освободительной борьбе против гитлеровской тирании.

И по мере освобождения Венгрии ее народ вновь обретал потерянную при Хорти и Салаши свободу и

национальную независимость, ликвидировал фашистские организации, залечивал раны, нанесенные войной. Веками угнетавшийся народ выпрямлял спину, расправлял плечи. Впервые он получил возможность самому определить характер и направление политической жизни в своей родной стране. Под влиянием революционных идей освободительной Советской Армии в Венгрии ожили традиции 1848 года, традиции Лайоша Кошута, который, по словам Карла Маркса, осмелился «поднять во имя своего народа перчатку отчаянной борьбы».

Не случайно мысли народа в эти дни обратились к Дебрецену, городу революционных традиций. Именно здесь сто лет назад Лайоши Кошут провозгласил первую Венгерскую республику. А теперь в огромном желтом здании реформатского колледжа, где в 1849 году прозвучали исторические слова декларации о независимости, в просторном зале на третьем этаже, собралось Временное национальное собрание. И на тех же узких, серых скамьях, на спинках которых вытертые до блеска медные таблички напоминали о тех, кто заседал здесь в исторические дни с 9 января по 21 мая 1849 года, теперь восседали народные уполномоченные. Они прибыли из восточных, северных и южных областей, а также из некоторых городов юга Задунайщины, всего лишь несколько дней назад освобожденных Советской Армией от фашистов. В цитадели венгерской революции 1848 года рождалась ныне подлинная венгерская демократия, закладывались основы новой, демократической государственности...

Вот какие события происходили в Дебрецене в эти холодные декабрьские дни 1944 года. В центре города, у входа в отель под выразительным названием «Арань бика», что в переводе на русский язык означает «Золотой бык», стояло множество автомашин. Поминутно открывались и закрывались двери. Едва я вошел в вестибюль, как навстречу стремительно поднялся явно поджидавший меня советский офицер лет сорока, в кожаном пальто, с подполковничьими погонами.

— Товарищ Лапоногов? — и, пожав руку, представился: — Зусманович Александр Захарович. Мы

вас давно ждем, из Москвы сообщили, что вы как корреспондент ТАСС должны присутствовать на заседаниях Временного национального собрания... Поедем к дипломатам, это недалеко...

Действительно, не успели мы усесться в машине, как она уже подвернула к двухэтажному серому зданию с вычурным фасадом. Но и за эти три минуты очень любезный и общительный подполковник — будущий заместитель коменданта Будапешта по политчасти успел кое-что рассказать о дебреценских делах. На втором этаже, в просторной комнате, я увидел за круглым столом трех человек в штатском.

— Это очень хорошо, что вы прибыли,— сказал один из них, когда я представился.

«Видимо, это и есть представитель НКИД Пушкин»,— подумал я, вспоминая московскую телеграмму. На меня пытливо и как бы изучающе смотрели снизу вверх черные умные глаза. Широкое русское лицо, высокий лоб, зачесанные просто назад темные волосы. Что-то располагающее к себе было во всем его облике. Впоследствии, в годы совместной работы в Венгрии, эта сразу возникшая симпатия перерастет в крепкую дружбу. Постепенно мне стала известна так сказать «дипломатическая карьера» Г. М. Пушкина, который, как писали о нем позже венгерские газеты в связи с его назначением в качестве советского посла в Будапеште, «из крестьян вышел на большой дипломатический пост». Уже в тридцатилетнем возрасте он был посланником в Братиславе. Мне рассказывали, как на одном дипломатическом рауте гитлеровский представитель, высокий, краснощекий громила, спросил стоявшего рядом югославского посланника:

— Кто этот маленький молодой человек?

Тот посмотрел на Г. М. Пушкина, к которому он уже проникся уважением как к умному собеседнику, и сказал, подчеркивая каждое слово:

— Этот «маленький молодой человек» представляет великий Советский Союз...

В конце 1944 года, работая в одном из европейских отделов МИД, Георгий Максимович начал глубже интересоваться венгерскими делами, а по-

том с головой ушел в сложные перипетии обстановки в этой стране, принимая участие в переговорах с венгерскими делегациями, встречаясь с представителями заграничного комитета Венгерской компартии. Попав в Венгрию в роли политического советника Союзной контрольной комиссии, он вскоре завоевал авторитет и доверие политических партий, симпатии широких кругов венгерского населения.

Георгий Максимович, несомненно один из наиболее способных советских дипломатов, обладал еще одним талантом: привлекать к себе молодежь и передавать ей свой богатый опыт. Я не раз замечал, что ему доставляло большое удовольствие делиться с другими своими знаниями и опытом. От него я узнал дипломатические азы, что для меня, впервые попавшего за границу, было крайне необходимо в повседневной работе и жизни. Работа рядом с Г. М. Пушкиным на протяжении трех лет стала большой школой. Школой тем более ценной, что в ней не было поучающего наставника, был старший, более опытный товарищ, который и сам нередко обращается за советом или помощью к своему младшему соратнику.

Уже в дебреценский период, примерно через неделю после моего приезда с фронта, Георгий Максимович как-то пригласил меня в свой кабинет и предложил послушать свое очередное донесение в МИД.

— Вы давно топаете по Венгрии и можете мне кое-что подсказать,— сказал он просто, заметив мое смущение.

Не помню, подсказал ли я тогда ему что-нибудь, но его донесение мне подсказало многое...

На следующий день после моего приезда в Дебрецен я делился с Г. М. Пушкиным своими впечатлениями от первого заседания Временного национального собрания, которое посетил, от встреч с депутатами этого первого народного парламента Венгрии. Наряду с рабочими и крестьянами, составлявшими большинство, в собрании была представлена и та часть буржуазии, духовенства, старого офицерства, которая порвала с гитлеровцами и нилашистами.

— В общем,— подытожил обмен информацией

Георгий Максимович,— Временное национальное собрание как бы олицетворяет демократический союз рабочего класса, крестьянства, городской мелкой буржуазии и антинемецкого крыла буржуазии. Заметьте, коммунисты были инициаторами расширения рамок Венгерского фронта и преобразования его в Венгерский фронт национальной независимости, куда помимо четырех прежних партий (коммунисты, социал-демократы, партия мелких сельских хозяев и национально-крестьянская партия) вошли теперь и буржуазно-демократические партии и профсоюзы. Именно компартия стремится сейчас объединить все демократические, антифашистские силы страны...

А что касается состава депутатов,— закончил он после небольшого раздумья, как бы угадывая мои сомнения на этот счет,— люди это в большинстве своем хорошие, честные. Но не все... Хотите, познакомьтесь с председателем Временного национального собрания, его сегодня избрали. Кстати и мне расскажете, что он за человек...

Вечером я зашел в ресторан «Арань бика». Там царило оживление, все столики были заняты депутатами парламента и министрами сформированного в тот день Временного правительства. За одним из столиков обращал на себя внимание широкоплечий мужчина с крупными чертами лица, с седеющей копной волос.

— Это Бела Жедени, профессор из Мишкольца,— сказал мне журналист из местной газеты «Неплап», с которым я уже успел подружиться.— Любопытный тип. В Мишкольце у него свои виноградники и обширные винные подвалы. Удивляюсь, как он решился оставить их на целую неделю.

В том же ресторане утром следующего дня я беседовал с мишкольцским виноделом. Он был явно польщен обращением к нему представителя московской печати.

— Его превосходительство регента мы все очень любим,— с удовольствием говорил он, может быть полагая, что и я разделяю его симпатии к Хорти.— Когда мы узнали, что его увезли гитлеровцы, все плакали...

Позже мне рассказали любопытный эпизод, который произошел с Жедени по дороге в Дебрецен. В одной машине с ним ехала группа рабочих депутатов. В Эгере они остановились, чтобы немного согреться. Выпили по стакану вина. Кто-то запел, и все подхватили «Интернационал». Жедени с нескрываемой иронией сказал: «Вот, под влиянием красного эгерского вина вырисовывается будущее Венгрии...»

Политические взгляды Жедени в полной мере проявились несколько позже, когда он два года спустя оказался в числе лидеров самой реакционной в Венгрии партии Пфейфера.

...Формирование первого демократического правительства Венгрии Временное национальное собрание поручило генерал-полковнику Бела Миклошу. Об этом пятидесятичетырехлетнем генерале, который в двадцатилетнем возрасте окончил высшую военную академию имени Людовика в Будапеште, участвовал в первой мировой войне, некоторое время находился за границей в качестве военного атташе, а в последнее время командовал 1-й венгерской армией на советско-германском фронте, мне уже приходилось слышать. Говорили, что он первым заявил генштабу венгерской армии, что надо повернуть оружие против гитлеровцев. Впрочем, примерно такой же поступок приписывал себе и другой генерал, также вошедший в правительство,— уже известный нам Янош Вёрёш...

В гостинице «Арань бика» можно было встретить многих деятелей различных политических оттенков; для всех их общим было только одно: они открыто выражали свои антигитлеровские настроения. Видно, не без основания кто-то прозвал «Арань бика», в шутку конечно, ноевым ковчегом. Не знаю, как выдержано было там известное соотношение в смысле «двух пар чистых и двух пар нечистых», но что были и те и другие, притом в достаточном количестве, это несомненно. Сюда приходили все, кто по разным причинам стремился в те дни попасть в эту временную столицу, где только что было сформировано правительство, а теперь создавались правительственные учреждения, где развертывали свою деятельность различные политические партии и где

решались важные государственные, и не только государственные, вопросы.

В залитом ярким светом ресторане всегда было полно народу. За большим круглым столом, накрытым белой скатертью, нередко можно было увидеть и Яноша Вёрёша, всегда в полной парадной форме. Обычно рядом с ним восседали его жена и сын — молодой капитан с несколькими рядами орденских планок, как говорили числившийся адъютантом при отце-генерале. Бела Миклош обычно сидел за другим столиком в обществе полковника с неприятной внешностью, о котором я уже знал, что фамилия его Кери и что он служил в штабе 1-й армии, где командующим был Миклош; вместе они и перешли на нашу сторону.

— А знаете, как это было? — спросил один из наших офицеров, с которым я только что уселся за одним столом, почти рядом с генеральским.

— Произошло это на нашем фронте на участке 38-й армии 17 октября. На рассвете наши разведчики на Верецком перевале заметили плутавшие по лесу автомобили с белыми флагами на радиаторе. В первой открытой машине ехала переводчица, которая, поднявшись во весь рост, махала белым флагом и на ломаном русском языке кричала, чтобы не стреляли. Во второй машине находился генерал Миклош, этот вот полковник и еще один подполковник. Третья машина была вся забита чемоданами и ящиками с личным имуществом офицеров, а в четвертой ехали рядовые, наверное денщики...

Уже в полдень их доставили в штаб фронта. Заметьте, при оружии и со всем их багажом. Там с ними вели переговоры командующий фронтом и член Военного совета. А недели через две Миклош с адъютантом подполковником отправились из Мукачева на персональном самолете командующего в Москву, я их сопровождал...

В Москву Бела Миклош прибыл в полдень великого праздника — 7 ноября. Здесь встретился с генералом Фараго и членами его делегации, а также с генералом Яношем Вёрёш, который прибыл в Москву накануне. После фашистского путча в Будапеште Вёрёш, по его словам, обманув гитлеровцев, бежал

в Кечкемет и там после освобождения города Советской Армией в последний день октября явился к нашему командованию. Вскоре по приезде в Москву Вёрёш опубликовал в «Правде» обращение к венгерским солдатам и народу, в котором выступил как лицо, действующее от имени Хорти и по его поручению. Обращение заканчивалось призывом: «Да здравствует свободная демократическая Венгрия под руководством регента Хорти!»

Прошел ровно месяц. Декабрьским вечером из Москвы с Киевского вокзала отошел специальный поезд, в котором отправились на родину генералы Миклош, Вёрёш и Фараго, а также группа коммунистов-эмигрантов. Через пять дней поезд прибыл в Дебрецен.

...В опубликованном 24 декабря списке министров Временного правительства я увидел знакомую фамилию. За несколько дней до этого я был в Кечкемете, одном из крупных городов на юге страны, и там встретился с корреспондентом «Известий» Петром Никитиным. Он зачем-то заходил к бургомистру и теперь делился со мной впечатлениями, которые у него остались от новых кечкеметских властей. Из названных им местных деятелей мне запомнился Эрик Мольнар, заместитель бургомистра. Теперь он стал министром социального обеспечения.

Коммунист, большой друг Советского Союза, он потом был министром нескольких составов правительства, послом Венгрии в СССР, а позже вернулся к научной деятельности, стал академиком.

Кроме него в составе первого демократического правительства Венгрии было еще два коммуниста: министр земледелия и министр путей сообщения. Социал-демократическая партия была представлена двумя членами правительства — министром юстиции и министром промышленности, партия мелких сельских хозяев также двумя — министром иностранных дел и министром финансов. В состав дебреценского Временного правительства вошли три бывших хортистских генерала, о которых речь уже шла раньше,— премьер, военный министр и министр снабжения, один беспартийный — это был министр культов граф Телеки и один от Национально-крестьянской

партии, ее лидер Ференц Эрдеи, ставший министром внутренних дел.

Несколькими днями позже, 29 декабря, я присутствовал на Дебреценском вокзале при отъезде в Москву венгерской правительственной делегации для заключения перемирия с Советским Союзом и другими союзными державами. В состав делегации входили министр иностранных дел Янош Дьёндьёши, министр обороны генерал Янош Вёрёш и статс-секретарь кабинета министров католический священник из Сегеда Иштван Балог. На полутемном перроне старенького и сильно пострадавшего от войны вокзала в ожидании отхода специального поезда столпились провожающие; министры и представители всех четырех партий, участвовавших в правительстве, офицеры. Стоявший рядом со мной дебреценский журналист, мой знакомый из редакции «Неплап», неопределенно хмыкнул и шепнул мне на ухо:

— Какие разные люди... Я имею в виду их политические устремления, конечно.

Это была правда. Собственно говоря, правительство отражало состав Венгерского национального фронта независимости. Наряду с коммунистами, которые в годы фашизма были душой подпольного освободительного движения, в Национальный фронт вошли мелкобуржуазные партии, лидеры которых отнюдь не были согласны с идеалами Венгерской компартии, ее благородной целью — построить социализм на венгерской земле.

...В один из февральских дней на заснеженных улицах Дебрецена появилась довольно импозантная фигура неизвестного венгерского генерала в полной форме. Держался он весьма независимо и даже высокомерно. Вскоре местные жители распознали в нем генерала Белди, одного из ближайших сподвижников Салаши, руководителя фашистской молодежной организации. До последних дней он настойчиво требовал продолжения войны против Советского Союза, руководил специальными отрядами по борьбе с партизанами. После освобождения Будапешта Белди решил искать защиты у некоторых членов Временного правительства в Дебрецене. И он не ошибся в своих расчетах. В военном министерстве ему сразу же

оформили отставку с сохранением полного оклада жалованья.

Иначе отнеслись к этому трудящиеся Дебрецена. Возмущенные члены местного Национального комитета потребовали от министерства объяснения. В ответ на это один из высших чиновников заявил, что он не видит причин для ареста Белди и предания его суду. Министерство, добавил он, придерживается такого мнения, что людям, которые не могут ужиться с духом демократической армии, надо давать отставку. Только по требованию Национального комитета фашистский генерал был арестован.

Это был весьма характерный эпизод. В Дебрецене реакционеры и даже военные преступники пытались тогда спастись от гнева рабочих Будапешта и нередко находили приют и защиту в некоторых министерствах. Аппарат военного министерства поспешно и по возможности незаметно переводил их в запас, министр финансов Иштван Вашари устанавливал им пенсию, а министр юстиции Агоштон Валентини обеспечивал безнаказанность.

Несколько забегая вперед, скажу, что и Валентини, правый социал-демократ, и Вашари, один из наиболее реакционных лидеров партии мелких сельских хозяев, позже, как и Жедени, в полной мере показали свое реакционное обличье. Но оно проглядывало уже в дебреценский период. Иштван Вашари, министр финансов, и его брат Иожеф Вашари, статссекретарь министерства земледелия, к тому времени были уже достаточно известны. «Братья Вашари» — эти два слова стали синонимом поднимавшей голову венгерской реакции. На митингах трудящихся я нередко слышал возгласы: «Долой братьев Вашари!»

— Знаете, что делает наш министр финансов? — сказал мне как-то один дебреценский коммунист.— Прикрываясь заботой об экономии средств нашей бедной страны, он пытается сорвать финансирование важнейших мероприятий венгерской демократии, то есть, по существу, ее экономическое и политическое укрепление. А в министерстве земледелия ему помогает по мере своих сил братец...

Как-то партия мелких сельских хозяев, в руководство которой входил и один из Вашари, созвала

в Дебрецене митинг. С программной речью предстояло выступить Иштвану Вашари. К тому времени реакционная верхушка партии, оправившись после крушения своих надежд на оккупацию Венгрии англо-американцами, начала энергично собирать вокруг себя антинародные элементы. Такую цель преследовал, в частности, и дебреценский митинг.

Вашари хорошо понял свою задачу и сразу же бросил на стол главный козырь, начав говорить о Тиборе Экхардте. Этого довольно известного венгерского реакционера в свое время Хорти, убедившись в неминуемом поражении Гитлера, направил в Америку. Миссия Экхардта не дала ожидаемых результатов, но сам он, бережно опекаемый американскими империалистами, долгое время продолжал оставаться знаменем венгерской реакции, вокруг которого объединялись антинародные элементы.

Венгерская реакция отдавала себе отчет в том, что наступает решающий этап классовой борьбы за характер государственной власти в стране. И она приложила все усилия, чтобы сохранить у власти как можно больше своих людей, захватить командные высоты, дезорганизовать фронт демократии и вытеснить оттуда коммунистов. И если этого не произошло ни в период Дебрецена, ни позже, то лишь благодаря правильной тактике венгерских коммунистов, сплотивших вокруг себя все подлинно демократические силы страны. Коммунистическая партия, выступив инициатором создания широкой коалиции Национального фронта, показала, что в борьбе против гитлеровских захватчиков, за национальное демократическое возрождение она готова сотрудничать со всеми прогрессивными силами. Вместе с тем партия ни на минуту не ослабляла борьбы за гегемонию рабочего класса, за привлечение на свою сторону большинства венгерского народа.

Всегда многолюдно было в те дни в доме партии на улице Яноша Араня. Каждая комната этого двухэтажного здания была полна кипучей деятельности. Я несколько раз встречался здесь с членами Заграничного комитета Венгерской коммунистической партии, которые по прибытии в Венгрию уже в конце октября создали в Сегеде Центральный комитет для

руководства партийными организациями, возникавшими на освобожденных территориях. В Сегеде по их инициативе 2 декабря был образован Фронт независимости; его программа, разработанная коммунистами, была оглашена на следующий день на массовом митинге трудящихся. После освобождения Пешта, левобережной части венгерской столицы, руководители компартии развернули и здесь большую работу. Еще продолжалась осада Буды, а в Пеште население уже вышло из подвалов, где укрывалось во время боев, и приступило к уборке развалин, к восстановительным работам. В освобожденных кварталах немедленно создавались легальные организации компартии. В те трудные дни в Пеште постоянно находились и вернувшийся из Москвы на родину Эрне Гере, и боровшийся в подполье хортистской Венгрии Янош Кадар, и другие члены Центрального комитета партии. Самоотверженно взялись за работу венгерские коммунисты во всех освобожденных районах страны.

Из Пешта, Сегеда, Мишкольца, из других городов и сел страны шли радостные вести в дом партии на улице Яноша Араня. Для тех дней характерна была стихийная активность демократических сил, которая по мере воссоздания организаций компартии становилась все более целеустремленной, организованной, действенной...

Вскоре мне довелось присутствовать на собрании дебреценского актива компартии, где с первой большой речью по возвращении на родину выступил Матиас Ракоши. Партийный актив собрался в довольно большом зале в той же гостинице «Арань бика». Ракоши был встречен тепло.

...Трудны и внешне противоречивы дни Дебрецена. В горячие дни первых решительных схваток растущие силы демократии сплачивались вокруг Венгерской коммунистической партии, и уже начинавших активизироваться других антифашистских сил. Сколько раз трубила венгерская и международная реакция, что после поражения пролетарской революции 1919 года венгерский народ, мол, навсегда потерял веру в социализм. История жестоко посмеялась над незадачливыми пророками. Через двадцатипяти-

летний период страшного фашистского удушья пронесли трудящиеся Венгрии в своем сердце светлую веру в коммунистическую партию, в ее столь близкие им идеалы.

Это показали уже дебреценские дни. И с этим не могли не считаться другие политические партии страны. В те дни в одном из январских номеров местной газеты сообщалось, что руководство компартии и социал-демократической партии заключили соглашение о совместной борьбе против реакции. «Это совместное выступление,— писала социал-демократическая «Непсава»,— вызвано необходимостью тесного контакта в действиях двух крупнейших демократических партий... Это событие имеет огромное значение в истории венгерского рабочего движения и политической жизни страны... Единство венгерского рабочего класса будет серьезной гарантией усиления демократической Венгрии, возрождения страны».

А несколько дней спустя я присутствовал на созванном социал-демократами массовом митинге. Появление в президиуме рядом с лидерами социал-демократической партии представителя компартии вызвало в зале гул одобрения. В большой программной речи председатель партии Арпад Сакашич, подчеркивая необходимость сотрудничества двух партий, заявил, что оно основывается «не только на чувствах, но и на реальной политике... Взаимодействие двух партий,— сказал он,— единственно прочная основа новой Венгрии».

Примерно в эти же дни и, пожалуй, не без связи с упомянутыми событиями Временное правительство приняло решение о создании народных судов. Для многих это было неожиданностью, как и заявление министра юстиции социал-демократа Валентини, который до той поры отнюдь не отличался стремлением к демократизации судопроизводства и наказанию виновников антинародных преступлений. Валентини заявил корреспонденту «Непсавы», что, «разрабатывая проект этого постановления, мы стремились, чтобы все виновники войны и антинародной деятельности были соответствующим образом наказаны».

Впрочем, практика возглавляемого им министерства не претерпела больших изменений и продол-

жала вызывать справедливое возмущение народа. Да и сам министр, пожалуй, только маневрировал.

Но вопреки сопротивлению реакции венгерская демократия делала все более уверенные шаги. И очень важный из них был сделан 17 марта.

Земельная реформа

В один из первых дней февраля 1945 года к перрону Дебреценского вокзала подошел специальный поезд. Из салон-вагона вышел Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов и крепко, как старому знакомому, пожал руку Беле Миклошу, поздоровался с Белой Жедени и членами Временного правительства, отдал честь выстроенному на перроне почетному караулу...

В жизни Дебрецена, да и всей Венгрии тех дней, это было очень важное событие, ибо маршал Ворошилов прибыл в страну как глава Союзной контрольной комиссии, имевшей задачу контролировать выполнение Венгрией условий перемирия, помогать ей в этом. И вскоре стала ясна огромная роль СКК, ее советской части в ликвидации тяжких последствий войны, налаживании новой жизни на венгерской земле. Как председатель СКК в Венгрии, напишет спустя два года одна из центральных венгерских газет о К. Е. Ворошилове, он неоднократно показывал, что вместе с советским народом является большим другом венгерской демократии. Особенно велика была помощь СКК и ее аппарата в проведении земельной реформы, которая началась уже в те дни, когда Временное правительство еще не распространяло свою власть на всю территорию страны.

Вопрос о земле был, пожалуй, наиболее острым в послевоенной Венгрии. Здесь, больше чем в любой другой стране Европы, законсервировались полуфеодальные аграрные отношения. Это была страна огромных латифундий и карликовых хозяйств, крупнейших землевладельцев и безземельных батраков. Еще В. И. Ленин отмечал, что «в Венгрии существуют крупные латифундии, в Венгрии на больших участках ведется полуфеодальное хозяйство». Такое положение сохранялось вплоть до второй мировой войны. Согласно данным за 1938 год, почти половина — 43 процента — всей обрабатываемой земли при-

надлежала нескольким тысячам помещиков, которые составляли всего лишь 0,2 процента сельского населения; значительные земельные массивы принадлежали кулачеству, и только 12,9 процента земли находилось в руках мелких крестьянских хозяйств. В «стране трех миллионов нищих», как называли довоенную Венгрию, господствовали земельные магнаты.

Владения самого крупного из них — Пала Эстерхази — достигали почти 130 тысяч гектаров.

Вот почему первым шагом молодой венгерской демократии была земельная реформа. И по той же причине этот шаг встретил отчаянное сопротивление тех, кто хотел бы сохранить существовавшее положение. А их оказалось немало: помещики, католическая церковь, которая была самым крупным землевладельцем, наконец, кулаки...

Братья Вашари, появившийся к тому времени в Дебрецене Ференц Надь и их сподвижники не решались открыто выступать против раздела помещичьей земли и передачи ее крестьянам. Но они с пеной у рта доказывали, что раздел земли, дробление, как они говорили, крупных хозяйств лишит страну товарного хлеба, окончательно подорвет ее экономику. Поэтому, мол, земельная реформа еще несвоевременна, надо подождать. Огромную армию безземельного батрачества они пытались убедить, что земля для него будет... тяжкой обузой.

Но венгерское крестьянство не дало себя обмануть. На улицах Дебрецена в те дни часто можно было видеть группы людей в одежде сельского покроя. То были крестьянские ходоки. Чуть ли не ежедневно прибывали они из ближних и дальних сел к министру земледелия с петициями, требовали немедленного раздела помещичьей и церковной земли. Крестьян поддержал профсоюз сельскохозяйственных рабочих. Большинство крупных помещиков бежало на Запад, и их поместья остались без хозяев. Чтобы не оставить страну без хлеба, рабочие сами взялись за обработку покинутых полей, а крестьяне в ряде мест приступили к разделу крупных поместий явочным порядком, не ожидая декрета. Это укрепило позиции компартии, которая вместе с Национально-

крестьянской партией требовала немедленного принятия закона о земельной реформе.

В середине марта в кулуарах «Арань бика» стало известно, что противники реформы в правительственной коалиции — это были, прежде всего, представители партии мелких сельских хозяев и некоторые правые социал-демократы — капитулировали. Один из министров Временного правительства, сообщив мне об этом, обещал дать знать, как только будет принято решение правительства. Действительно, через два дня — это было 17 марта 1945 года — вечером у меня на квартире, куда я переехал из «Арань бика», раздался телефонный звонок. Взяв трубку, я услышал знакомый глухой голос министра земледелия:

— Сообщаю, как обещал, что сейчас правительством принят декрет о земельной реформе. Так что предложенный нашей партией проект «О ликвидации системы крупного землевладения и наделении землей земледельческого народа» стал законом. Принят он единогласно...

Через пять минут, когда я выезжал со двора, чтобы отправить телеграмму в Москву, из трехэтажного здания напротив, где находилась резиденция Временного правительства, выходили министры. Двое остановились на тротуаре, продолжая спор, начатый, видимо, раньше. Я сразу узнал голос Вашари, который несколько раз повторил имя графа Гезы Телеки. Через два или три дня мне рассказали, что этот «беспартийный» министр культов и просвещения, известный своими тесными связями с епископатом католической церкви, не присутствовал на заседании Совета Министров 17 марта. Узнав на второй день о принятом декрете, Телеки заявил письменный протест, считая осуществление такой реформы делом «незаконным»...

После суровых зимних месяцев внезапно, почти без всякого перехода наступили необычайно жаркие дни. В феврале на полях еще лежал снежный покров, а в марте уже курились дороги. Снег быстро исчезал под горячими лучами солнца, не успевая утолить жажду пробудившейся земли.

Венгерские крестьяне, казалось, не замечали этих

тревожных симптомов засухи. Другим были они взволнованы в эту первую свободную весну: из Дебрецена пришла весть о земельной реформе. Большая радость наполнила сердце каждого труженика, ему выпало счастье реализовать вековую мечту многих поколений, жгучую мечту о земле.

Декрет о земельной реформе всколыхнул широкие массы венгерских землеробов. В те мартовские дни я побывал во многих селах восточной части Венгрии на крестьянских митингах. Повсюду решение правительства люди встречали с огромным энтузиазмом и заявляли о своей готовности немедленно приступить к его осуществлению. Глаза их светились радостью. Они обрели веру в свой завтрашний день.

— Немедленно начнем работу на полях! Если надо, лопатой обработаем землю, но не допустим, чтобы она пустовала! Дадим хлеб стране и народу! — такие возгласы раздавались на митингах. В стране начали возникать комитеты нуждавшихся в земле. Один из первых возник в селе Балмазуйварош, в том самом, где крестьяне в 1918 году по примеру русских крестьян прогнали помещика и создали первый венгерский кооператив. Теперь они сразу же замерили 3400 хольдов[1] земли, подлежащей, согласно декрету, разделу, и обязались обработать всю землю, в том числе и брошенную хозяевами, чтобы не пустовал ни один хольд.

Повсеместно начались сельскохозяйственные работы.

— Советские люди освободили нас, теперь мы можем спокойно трудиться,— говорили крестьяне.

Они уже пережили вихрь войны. Фашистские орды разорили их маленькие хозяйства, растащили инвентарь и телеги, угнали лошадей и скот. Но освобождение и реформа творили чудеса, в те мартовские дни на венгерской равнине зарождалась новая жизнь.

Как-то во второй половине марта я узнал, что К. Е. Ворошилов собирается вместе с Г. М. Пушки-

---

[1] Хольд = 0,57 гектара.

ным совершить поездку по южным областям страны. Георгий Максимович предложил и мне присоединиться к ним.

— Тебе это будет вдвойне интересно. Не только посмотришь, что творится сейчас в венгерской деревне, но и напишешь о ходе земельной реформы. Убедил?..

Рано утром мы вдвоем зашли в дом на улице Кошута, где находилась штаб-квартира маршала. Климент Ефремович собирался завтракать и сразу же любезно пригласил нас к столу. Это была моя вторая встреча с Ворошиловым, которого раньше я знал только по книгам и портретам. Впервые я разговаривал с ним примерно за месяц до этого на приеме, который К. Е. Ворошилов устроил в «Арань бика» по случаю Дня Советской Армии.

— Рад познакомиться с корреспондентом ТАСС,— сказал маршал, когда Георгий Максимович представил ему меня.— Проходите к гостям. Разговаривайте, знакомьтесь... И на ус наматывайте,— добавил он с улыбкой, выразительным жестом показав, как это делается.

Теперь за столом шел общий разговор. Я почти не принимал в нем участия, несколько смущенный необычной для меня обстановкой и обществом, в котором случайно оказался. Кроме маршала и Пушкина за столом находилось несколько генералов из аппарата СКК.

Узнав, что я родом с Украины, маршал начал расспрашивать, где я там жил, что делал. Позже во время поездки я наблюдал, как внимательно он относился к своим спутникам. Вначале я пытался уходить куда-нибудь, перед тем как маршал садился за стол, но каждый раз меня разыскивал кто-нибудь из охраны маршала и от его имени приглашал к обеду, ужину или завтраку.

— Товарищ капитан, маршал вас ждет.

Пришлось преодолеть свою стеснительность. И всегда за столом шел непринужденный разговор, причем рамки его были так широки, что каждый мог в него включиться. Внимательность и демократизм К. Е. Ворошилова в отношении всех, кто оказывался рядом с ним, я потом наблюдал много раз.

...После завтрака мы отправились из Дебрецена на юго-запад, в сторону Сегеда. Узкая лента асфальта уводила нас к долине Тисы. Справа и слева раскинулись южные степи Венгрии, ровная как скатерть Большая Венгерская низменность.

Над землей поднимался прозрачный парок.

— Земля паруе,— мечтательно произнес наш шофер, молодой хлебороб с Украины.— Зараз бы тилькы сиять та сиять. Як у нас, тракторамы! А воны, бач, ковыряют малэнькымы плужкамы, аж зэмлю жалко. Ну, звисно, сыл мало, щэ тилькы на ногы стають мадьяры. Помогты им трэба, цэ правильно сказав маршал...

Это был действительно тяжелый период для венгерской деревни. Тягла было мало, горючего для машин совсем не было, многие из крестьян, которые получили землю, пожалуй большинство, не имели даже простейшего инвентаря. Помощь снова пришла с востока: Советское правительство отпустило Венгрии для проведения весеннего сева свыше 10 тысяч тонн бензина. Была приведена в порядок часть тракторов. А советские воинские части помогали крестьянам тех сел, где они были расквартированы, и соседних обрабатывать землю. Более 8 тысяч лошадей и волов, свыше 500 грузовых машин вместе с военными шоферами работали в крестьянских хозяйствах. Часть рабочего скота затем была передана в собственность крестьян.

Все это помогло венгерским крестьянам в первую свободную весну засеять значительную часть пахотной земли.

...Машина свернула с гладкого асфальта магистральной дороги на проселок. Вскоре показалась небольшая роща. Сквозь молодую зелень еще не вполне оперившегося парка белел великолепный особняк.

— Здесь имение графа Паллавичини? — спросили мы группу крестьян, шагавших по дороге.

— Здесь, здесь,— ответил один из них, подходя к машине.

На нем был уже довольно потертый от многолетней носки черный двубортный пиджак и такого же цвета старая грубошерстная шляпа, наглухо застегнутая белая рубашка с отложным воротничком, но

без галстука — традиционная праздничная одежда венгерских крестьян. Я потом часто видел многих из них в Будапеште, в областных и уездных городах; выдвинутые даже на большую руководящую работу, они, как правило, не носили галстуков.

— Как завернете за тот особняк, так и попадете в графский двор,— продолжал объяснять нам старик, оказавшийся на редкость общительным.— Мы тоже идем туда. Будем делить графскую землю!

Золотисто-карие глаза старика заискрились в улыбке, и он доверительно подмигнул нашему шоферу. Потом еще раз окинул взглядом его ладную фигуру, красную звездочку на пилотке, сержантские погоны, медаль «За оборону Сталинграда» на гимнастерке.

— Ми эз? (Что это?) — не удержался старик, потрогав пальцами медаль. И когда ему ответили, воскликнул: — Тудом (Знаю), Сталинград — капут фашиста, ма — сабад Мадьярорсаг, сабад фёльд!

Наш переводчик начал было переводить слова крестьянина, но мы и без этого уже поняли, что он хотел сказать: под Сталинградом были разбиты фашисты и сегодня — свободная Венгрия, свободная земля.

На графской усадьбе собралась огромная толпа крестьян. Большинство из них было в праздничной одежде, слышался радостный гомон, чувствовалось приподнятое, торжественное настроение. С минуты на минуту ожидался приезд министра земледелия, который должен был забить первый колышек при нарезке земельных наделов новым хозяевам графской земли.

— Вы не удивляетесь? — спросил, подходя к нам, давешний знакомый старик крестьянин.— А мне чудно: министр сам заберет у помещика землю и отдаст ее нам, крестьянам! Вот видите каменного рыцаря? Это памятник первому Арпаду. Он, говорят, привел венгров сюда, в долину Дуная, и здесь мы осели. Много сменилось с тех пор у нас королей, а земля уходила от нас все дальше и дальше...

Бесхитростный рассказ старика напомнил нам о героических страницах борьбы венгерского крестьянства за землю на протяжении многих столетий. Кре-

стьянское восстание Дожи, которого называют венгерским Степаном Разиным, в начале XVI века, национально-освободительное движение в XVIII веке, возглавляемое Ракоци, революция 1848 года и, наконец, пролетарская революция 1919 года... Но восстания кончались поражением, и земля по-прежнему оставалась для хлебопашцев лишь мечтой.

— А теперь мечта наша осуществилась,— как бы угадывая мои мысли, сказал старик.— Сегодня мы получаем землю. Сорок лет батрачил я здесь, у графа, батраками были мои три сына, батраками стали бы и внуки. Ну, а теперь графская земля переходит к нам, мы ее новые хозяева!

В порыве воодушевления старик схватил руку нашего сержанта и с благодарностью потряс ее. Затем кивнул в сторону только что прибывшей машины, из которой в это время показалась плотная фигура министра земледелия — коммуниста, и добавил:

— И ему, представителю коммунистической партии, большое спасибо.

В торжественной обстановке начался раздел помещичьей земли. Не только здесь, по всей стране тысячи крестьян получали в этот день земельные наделы. Рушилась феодальная система земледелия, веками оберегавшаяся венгерскими королями и магнатами. 608 тысяч неимущих и бедных венгерских крестьян получили в личную собственность свыше двух с половиной миллионов хольдов земли. Помещичьи пастбища и многие лесные угодья стали общественной собственностью сел. На части помещичьих земель позднее были созданы государственные хозяйства и МТС.

Среди наделенных в ту весну 1945 года безземельных батраков был и двадцатишестилетний Пал Лошонци, рослый энергичный юноша, получивший землю в долине Дравы, недалеко от югославской границы. Но с ним мне не довелось встретиться ни в эту поездку вместе с маршалом, ни позднее, во время моих довольно частых поездок по стране, когда Пал Лошонци создал один из первых в стране земледельческих производственных кооперативов, слава об успехах которого в 50-х годах дошла до Москвы. Впервые мы познакомились лишь в 60-х годах,

когда председатель лучшего венгерского кооператива, вчерашний батрак, стал министром земледелия Венгрии. И не только министром. Но об этом речь впереди.

...Последним пунктом нашей поездки по Венгрии была столица. Отсюда мы взяли курс на Дебрецен. И тут, на Дебреценском шоссе, перед въездом в небольшое местечко Монор с боковой дороги нам навстречу выскочил тяжелый «студебеккер». Машина маршала уже проскочила это место, машину Г. М. Пушкина «студебеккер» слегка задел, а в следовавший за ней «виллис», на котором ехал я, он врезался со всей силой встречной скорости...

Пришел в себя я только на третьи сутки в нашем военном госпитале в Сольноке.

— Шофер умер, а вы три дня находились между жизнью и смертью,— сказал мне пожилой майор медицинской службы, как я узнал потом, начальник госпиталя, присев на табуретку у моей койки.— Так что плохи были ваши дела, молодой человек...

Через несколько дней меня и двух младших офицеров, которые во время аварии находились в одной машине со мной, перевезли в Будапешт, а оттуда на самолете в Москву. Здесь, в госпитале на Арбате, а точнее, в Серебряном переулке я пролежал почти полгода. Однажды, когда уже начал поправляться после операции, в палату быстро вошел начальник отделения, полковник, и, бросив впопыхах: «сейчас приедет маршал», также поспешно скрылся. Вслед за тем в дверях появился Климент Ефремович в сопровождении генералов и полковников с медицинскими эмблемами на погонах под белыми халатами. Маршал своим бодрым шагом кавалериста приблизился ко мне и, поприветствовав, спросил:

— Ну, как себя чувствуете? Приехал вот на сессию Верховного Совета и решил заодно вас проведать. Там Георгий Максимович ждет вашего возвращения. Как, товарищи врачи,— обернулся он к сопровождавшим,— долго вы намерены держать здесь нашего журналиста?

Потом помолчал, разглядывая меня.

— А мы жалели, что вы не смогли использовать свои записи, которые делали во время поездки.

— Да, я тоже жалел, Климент Ефремович.

— Хм... Он жалел. Вы будьте довольны, что живы остались. И выздоравливайте поскорее, там теперь столько дел. Как, Леонид Андреевич? — повернулся маршал к своему адъютанту генералу Щербакову.

— Дел много,— товарищ маршал. Георгий Максимович сказал, когда я забежал к нему перед отъездом: «Вы там Лапоногова захватите. Довольно ему в госпитале лежать».

— Слышали, что Пушкин говорит? — снова обратился ко мне Климент Ефремович.— Так что учтите... И вы, товарищи, учтите,— повернулся он к сопровождавшим. И добавил с улыбкой. — Лечите как следует...

В госпитале дни обычно тянутся тоскливо медленно. Даже праздник Победы — 9 мая был для меня грустным: я уже начал подниматься с койки, но еще не мог выходить на улицу и лишь в окно наблюдал праздничный салют Москвы, радостные толпы людей на улице.

С большим интересом слушал я по радио и читал в газетах сообщения о Венгрии, о том, как шли дела в этой стране, становившейся на новый путь. И конечно, тянуло туда. «Ты вроде как породнился с Венгрией»,— шутили мои друзья по палате. Только в августе завершилось лечение и ТАСС оформил меня корреспондентом в Будапешт.

Горячая купель

Сентябрь 1945 года. Я только что прилетел в столицу Венгрии.

Ровный и широкий красавец проспект Андраши. Огромная толпа народа запрудила его чуть ли не на протяжении целого квартала, а делегации со знаменами все прибывают. С трудом пробираюсь к особняку, возле которого на ступеньках стоят Ворошилов, Пушкин и еще несколько человек.

— Очень рад,— крепко жмет мне руку маршал. И затем, указывая на меня другим, стоящим рядом,— выжил! Могучий русский организм. Вот товарищ Лапоногов буквально на том свете побывал, может и вам рассказать, как там...

— Ты как раз вовремя,— говорит Георгий Максимович.— Знаешь, почему народ собрался?

— Да нет, я ведь только что с самолета.

— Ну, значит, совсем как Чацкий: с корабля на бал. Это трудящиеся предприятий столицы пришли выразить свою признательность за то, что Советское правительство решило установить дипломатические отношения с Венгрией. Наша страна предприняла этот шаг первой среди великих держав, не дожидаясь подписания мирного договора...

На следующий день одна центральная венгерская газета писала по этому поводу: «Этим актом Советский Союз не только помогает Венгрии выйти из дипломатической изоляции, но и способствует укреплению международного положения венгерской демократии». И далее: «Советское правительство устанавливает дипломатические отношения с Венгрией без всяких условий. Мы рассматриваем это как самое важное обстоятельство».

Молодая венгерская демократия переживала в те дни серьезные трудности — и политические, и экономические. Еще в дебреценские дни один местный политический деятель говорил мне: если Дебрецен — купель нашей демократии, то должен сказать, что это соленая купель. И не слишком ли она горяча для младенца... С тех пор положение не улучшилось. Если не сказать больше. Послевоенная инфляция потрясала основы венгерской экономики. Все истинные приверженцы демократии с тревогой задавали себе вопрос: найдет ли Венгрия в себе достаточно сил для преодоления кризиса, не захлестнет ли ее реакция?

Ответ должны были дать первые парламентские выборы, назначенные на 4 ноября 1945 года. Подготовка к ним проходила в обстановке острой политической борьбы сил демократии и реакции. В качестве двух противоположных полюсов выступали коммунистическая партия и партия мелких сельских хозяев. В дебреценский период первую скрипку в этой последней играли уже известные читателю братья Вашари. С переездом в Будапешт руководство все больше забирал в свои руки Ференц Надь, о котором мне было известно, что он родом из южного комитата (области) Баранья, где и теперь жил его отец, имевший крупное кулацкое хозяйство. Сам Ференц Надь начал быстро выдвигаться как ловкий полити-

кан, искусно маскировавший реакционное нутро антигитлеровскими лозунгами, «верностью» интересам венгерского крестьянства. Кроме него в руководящую верхушку партии мелких сельских хозяев входили Золтан Тильди, реформатский священник, Бела Варга, католический священник, и другие рангом пониже. В их числе и прожженный политикан адвокат Золтан Пфейфер, которого иронически называли «мелким хозяином в лаковых туфлях», и еще один католический священник из Сегеда Иштван Балог, и ярый ненавистник народной демократии генеральный секретарь партии Бела Ковач...

Когда началась избирательная кампания, эта группа реакционеров широко распахнула двери своей партии для всяких антинародных элементов. А их было немало: помещики, промышленники, банкиры, хортистские офицеры и чиновники, мечтавшие о возврате старого режима. В партии мелких сельских хозяев все они увидели силу, которая будет проводить и отстаивать их интересы, с ней связали надежды на реставрацию антинародных порядков. Вместе с тем реакционной верхушке партии мелких сельских хозяев демагогическими лозунгами удалось на первых порах удержать под своим влиянием известную часть крестьян-середняков. В силу этого партия вышла на первое место по числу поданных за нее голосов и получила более половины всех депутатских мест в Национальном собрании. Коммунисты оказались на втором месте, социал-демократы — на третьем.

В день выборов я побывал на многих избирательных участках столицы. Затем в небольшом кабинете Г. М. Пушкина, в старом здании советской миссии на Байза-утца, мы сидели до глубокой ночи в ожидании первых данных о результатах голосования. Георгий Максимович проявлял к ним огромный интерес. Итоги, конечно, не могли его обрадовать, но и не смутили.

— Не удивляйся,— говорил он,— моему оптимизму. Других результатов вряд ли можно было сегодня ожидать, народ пока еще не разобрался в реакционном настрое руководящей верхушки партии мелких хозяев. Но это — ее пиррова победа. Мы с тобой еще

будем свидетелями развала этого конгломерата, дай время.

Немного помолчав, Георгий Максимович совсем повеселевшим голосом продолжал:

— А вот что компартия оказалась впереди социал-демократов, это здорово. Окажись наоборот, разве легко было бы левым продолжать линию на объединение с коммунистами, на создание единой рабочей партии? Нет, для них — и для коммунистов, конечно — такие итоги перспективны...

Потом я часто вспоминал этот разговор. Анализ соотношения классовых сил помогал как бы раздвинуть хитросплетения меняющейся политической обстановки в стране и увидеть ее перспективу.

Но пока что итоги выборов повлекли за собой коренные изменения в составе правительства и других органов управления страной: пост премьер-министра и большинство министерских портфелей перешли в руки партии мелких сельских хозяев, председателем парламента стал Ференц Надь.

31 января 1946 года парламент принял закон о провозглашении Венгрии республикой. На следующий день тысячи людей заполнили площадь у парламента. Пришли машиностроители Чепеля и текстильщики Кишпешта, судостроители Уйпешта и крестьяне пригородных сел. Я видел, с каким воодушевлением и радостью приветствовал народ рождавшуюся республику, и тех, кто сделал возможным ее провозглашение: раздавались приветствия в честь Советской Армии — освободительницы, в честь Венгерской компартии, которая настойчивее, чем любая другая партия коалиции, добивалась принятия этого закона.

Некоторое время спустя я присутствовал в зале заседаний СКК, где уже Ференц Надь представлял новое правительство. Сам он стал премьер-министром, прежний премьер Золтан Тильди, как лидер партии большинства, был избран президентом республики. Больше половины министерских портфелей принадлежали людям Надя. Председателем парламента стал Бела Варга.

В дальнейшем события развивались по логике классовой борьбы. Получив на выборах голоса обма-

нутых крестьян, а также реакционных элементов, руководство партии мелких сельских хозяев предало интересы крестьянства и примкнуло к лагерю реакции. Конечно, открыто выступать против интересов крестьян оно не могло без риска окончательной дискредитации и полного провала. Ференц Надь и его клика избрала поэтому путь лицемерной, двуличной политики.

На массовых митингах и в официальных заявлениях Надь распинался в своей «любви» к венгерскому народу, а втайне от него разрабатывал планы возвращения земель помещикам, уничтожения всех демократических завоеваний. С хортистскими последышами он советовался по всем внутриполитическим вопросам, и они вдохновляли его на «твердую политику» в отношении коммунистов, отстаивавших интересы венгерской демократии. Здесь таилась причина «перманентных» внутриполитических кризисов, под знаком которых прошел почти весь 1946 год и которые то и дело отвлекали внимание компартии от насущных вопросов послевоенного восстановления страны. Маскируясь лозунгами о необходимости укрепления правительственной коалиции, клика Ференца Надя втайне готовилась растоптать эту коалицию и создать свое однопартийное правительство.

Все сильнее давал себя знать заговор реакции в экономической области. Инфляция к середине 1946 года достигла невероятных размеров. Стремительное обесценение пенгё заставляло Национальный банк выпускать все новые купюры. Вслед за миллионными денежными знаками появились десятимиллионные, затем стомиллионные. Головокружительный рост цен на промышленные товары и сельскохозяйственные продукты вызывал необходимость частого повышения заработной платы, что в свою очередь каждый раз сопровождалось новым скачком цен. Все это вконец расшатывало основы венгерской экономики. Цены увеличивались ежедневно, а иногда и по два раза в день.

Реакционерам, засевшим в правительстве, инфляция была на руку, она была их козырем против венгерской народной демократии. По этой причине финансовые органы, в которых заправляли ставленники

Ференца Надя (во главе министерства финансов стоял представитель партии мелких сельских хозяев), умышленно не взимали налогов с кулаков и предпринимателей, давая им возможность наживаться на послевоенных трудностях. Кулаки, основные в ту пору держатели товарного хлеба, саботировали поставки государству. Мне рассказывали, что в комитате Шомодь саботаж заготовок возглавил сам губернатор Ференц Видович, член партии мелких сельских хозяев. «Пускай,— говорил он издевательски,— выполняет заготовки вице-губернатор Тёмпе, он коммунист».

Реакционными чиновниками, как руководящими, так и рядовыми, был засорен административный аппарат венгерской провинции. Они усердно проводили линию Ференца Надя на «удушение голодом» пролетарского города. Реакционеры, захватившие ключевые посты в трестах, старые хозяева на предприятиях всячески тормозили восстановление производства и увеличение выпуска товаров на рынок.

Коммунистическая партия решительно и последовательно вскрывала перед народом реакционную суть политики руководящей верхушки партии мелких сельских хозяев. В этом коммунистам помогали левые социал-демократы и Национально-крестьянская партия и даже некоторые представители левого крыла самой партии мелких сельских хозяев. При всей кажущейся на первый взгляд монолитности эта партия отнюдь не была едина; как и предсказывал Г. М. Пушкин, ее уже начали разъедать внутренние противоречия, заложенные в самом составе партии, объединившей представителей антагонистических классов и сословий.

Что общего могло быть, например, между идеологом кулачества Ференцем Надем и потомственным батраком Иштваном Доби, кроме формальной принадлежности к одной политической партии? Кстати, Доби, как и многие другие, вступил в эту партию в ту пору — в 30-е годы, когда она внешне была в оппозиции к режиму Хорти. В годы второй мировой войны Доби был активным участником руководимого коммунистами движения Сопротивления, а после освобождения Венгрии стал видным политиче-

ским и государственным деятелем страны. В партии мелких сельских хозяев он возглавлял левое крыло, которое становилось все более популярным и влиятельным среди подлинно крестьянской части партии. И хотя реакционная клика Надя каждый раз, чтобы показать демократический крестьянский характер своей партии, кивала на Доби, это была хорошая мина при плохой игре. Все знали, что Надь не терпит Доби и его единомышленников в партии, таких, как Дьюла Ортутаи, Шандор Барч, Иожеф Богнар, ставших видными политическими деятелями, верными принципам венгерской народной демократии. По существу, внутри партии мелких сельских хозяев, такой, какой ее создала после войны клика Ференца Надя — разношерстной в классовом отношении и антинародной по своей политической устремленности,— росла подлинно крестьянская партия, близкая к коммунистической партии.

Борьба сил демократии и реакции принимала все более острый характер. Это обострение внутриполитической борьбы в Венгрии находилось в прямой связи с изменениями, происшедшими к тому времени и в международной обстановке,— распадом антифашистской коалиции великих держав, усилением наступления мировой реакции на демократию и социализм. В этих условиях венгерская реакция в лице правых буржуазных сил, для которых коалиция с коммунистами была с самого начала вынужденной, взяла курс на подготовку путча, чтобы таким путем изменить соотношение сил в стране. Отнюдь не последнюю роль при этом играл глава венгерской католической церкви кардинал Миндсенти, постоянно проживавший в живописном придунайском городке Эстергоме, в великолепном дворце, прозванном в народе «черным гнездом на Дунае». Начало реакционной деятельности Миндсенти относится к периоду венгерской пролетарской революции 1919 года, когда он выступал еще под швабской фамилией Пэм. Уже тогда он стяжал себе славу яростного противника интересов народа. При Хорти, Салаши и гитлеровцах будущий глава венгерской католической церкви был смиренной овечкой: он ни разу не выступил ни против преступной войны, ни против грабежей и мас-

совых убийств будапештских жителей, ни против фашистских расистских законов.

Зато после освобождения страны Миндсенти сразу обрел дар речи. Прежде всего он восстал против аграрной реформы, предав анафеме тех, кто осуществил вековую мечту венгерского крестьянства. Вскоре «святой отец» стал духовным вождем венгерской реакции. Удачно сказал как-то по этому поводу Лайош Диньеш, венгерский политический деятель:

— Чем труднее становится в Венгрии проводить открытую антидемократическую деятельность, тем активнее действует эстергомский штаб клерикальной реакции...

Все это сыграло немаловажную роль в церковной карьере Пэма-Миндсенти. В сентябре 1945 года, после смерти старого кардинала Юстиниана Шереди, герцог-примасом, первым князем церкви Венгрии, а через несколько месяцев кардиналом неожиданно для всех Ватикан назначил Миндсенти. С той поры он стал еще более рьяно нападать на венгерскую демократию и ее институты. Показательно, что уже при первой встрече с новоиспеченным кардиналом папа римский, как сообщала печать, высказал ему особое расположение. Всемерную поддержку встретил он и со стороны империалистических кругов западных стран. Когда Миндсенти вскоре был вторично приглашен в Ватикан, он получил в свое распоряжение персональный самолет главы военной миссии США в Будапеште. А небольшая задержка с оформлением выездных документов для Миндсенти вызвала тогда целый поток телеграфных запросов из... Нью-Йорка и Лондона.

В конце 1945 года, когда впервые встал вопрос о провозглашении Венгрии республикой, Миндсенти передал правительству официальный протест, в котором говорилось:

«Мне стало известно, что Национальное собрание в ближайшем будущем намерено поставить на повестку дня конституционные реформы, среди них и закон о провозглашении республики. Если это соответствует действительности, то, пользуясь государственным правом венгерских кардиналов, существо-

вавшим на протяжении 900 лет, я заявляю протест против этих планов».

Впрочем, как выяснилось позже, деятельность кардинала Миндсенти против республики не ограничивалась «декларациями». Именно в ту пору, накануне провозглашения республики, Миндсенти приступил к созданию нелегальной легитимистской организации, которая должна была подготовить и осуществить государственный переворот с целью восстановления в Венгрии монархии. Он мечтал снова возродить Австро-Венгерскую империю Габсбургов, против которой веками боролся венгерский народ, стремясь к национальной независимости.

— Моей целью,— признал впоследствии Миндсенти на процессе по делу созданной им подпольной организации,— было создание центральноевропейского федерального королевства. В этой федерации Австрия и Венгрия должны были быть связаны особым союзом, к которому, возможно, примкнула бы и Бавария. Федерацию должен был возглавить монарх Отто Габсбургский.

Влиятельные круги США поддерживали планы Миндсенти.

— Я надеялся,— показал на суде Миндсенти,— осуществить свои планы свержения Венгерской республики с иностранной, в первую очередь американской, помощью. Поэтому я всегда поддерживал политику США в Венгрии.

Ближайшими сообщниками Миндсенти были крупнейшие земельные магнаты Венгрии граф Паллавичини и герцог Эстерхази, лишенные к тому времени своих колоссальных латифундий, но оставравшиеся в стране. В созданную кардиналом тайную легитимистскую организацию входили и другие представители свергнутого феодально-капиталистического строя. Их объединяла общая ненависть к трудовому народу Венгрии, общее стремление вернуть свои богатства, положение и власть.

Параллельно действовал другой подпольный штаб заговорщиков против республики — так называемый «Комитет семи». Подробности об этом антиреспубликанском заговоре я впервые услышал от Ласло Райка, который в то время был заместителем

генерального секретаря компартии и возглавлял Министерство внутренних дел. Его принципиальная классовая позиция, сочетавшаяся с человечностью и простотой в отношениях с людьми, снискала ему уважение в партии и популярность в народе. Видимо, имело значение и то, что в годы войны Райк, как и Янош Кадар, Дьюла Каллаи, находился на нелегальном положении в Венгрии, являясь одним из наиболее активных участников подпольной борьбы.

Когда из редакции пришла телеграмма с заданием подробно написать о «Комитете семи», я обратился по телефону к Райку с просьбой разрешить мне побеседовать на эту тему с кем-либо из компетентных сотрудников его министерства.

— Приезжайте ко мне, я сам расскажу вам все, что вас заинтересует,— ответил Райк.

Почти три часа длилась эта беседа. Райк подробно посвятил меня в историю возникновения и преступную деятельность «Комитета семи», чтобы, как он сам выразился, «советским товарищам все было ясно».

Этот заговор против республики возник летом 1945 года. Его базой стала тайная фашистская организация «Венгерская общность». Еще до войны ее услугами широко пользовалась английская разведка Интеллидженс сервис. Связь «Венгерской общности» с английской секретной службой не прекращалась в послевоенные годы, вплоть до раскрытия заговора, но характер информации, естественно, изменился в соответствии с новыми требованиями ее хозяев. Члены «Венгерской общности» занимались теперь шпионажем и диверсиями главным образом против советских оккупационных войск.

Конечной целью антиреспубликанского заговора «Комитета семи» было свержение существующего демократического строя путем вооруженного переворота, насильственный захват государственной власти и восстановление в правах регента Хорти. Переворот планировался на весну 1947 года. Его сроки связывались с подписанием мирного договора и уходом из Венгрии советских войск.

За несколько дней до раскрытия заговора один из его руководителей, уже не сомневавшийся в успехе,

сказал: «Рояль настроен, нужно лишь сыграть на нем».

Так над колыбелью Венгерской республики собирались черные силы реакции, готовясь с помощью западных империалистов задушить молодое государство освобожденного народа. Однако благодаря бдительности коммунистической партии, решающему влиянию Советского Союза на положение дел в этой части Европы реакции не удалось осуществить свои замыслы.

Рубикон перейден!

Горячая купель закалила молодую венгерскую демократию, подготовила ее к решительной борьбе против сил реакции. Это показали события 1947—1948 годов, когда самим ходом классовой борьбы был поставлен вопрос об углублении начавшейся революции, о завоевании всей полноты власти рабочим классом под руководством коммунистической партии. К тому времени Венгерский национальный фронт независимости, куда проникли реакционеры, используя партию мелких сельских хозяев, превратился постепенно в коалицию, внутри которой явственно обозначился кризис, препятствовавший развитию венгерской демократии, вызывавший общее беспокойство и недовольство в стране. Многие задавали себе вопрос: куда пойдет венгерская демократия?

— Мы оказались перед альтернативой,— говорили мне в те дни венгерские друзья,— либо смириться с тем, что Венгрия станет заурядной страной буржуазной демократии, то есть сохранит буржуазные порядки, либо пойти вперед по пути социалистической революции.

Коммунисты, народ Венгрии избрали второй путь, для которого, кстати сказать, в стране объективно сложились все условия. Об этом много говорилось на III съезде Венгерской компартии, состоявшемся в конце сентября — начале октября 1946 года.

Необычное зрелище представляли в эти дни залы парламента, поднявшего свои готические башни над самым Дунаем: впервые за всю историю здесь не было ни правого, ни левого крыла, были лишь полномочные представители единой и монолитной пар-

тии коммунистов, лучшие творческие силы венгерской демократии, ее надежный оплот...

Этот первый легальный съезд имел огромное значение в жизни партии и всей страны. Он, как отмечала впоследствии венгерская печать, правильно определил очередные задачи и выдвинул лозунги, направленные на их решение, сделал значительный шаг в области теории. Исходя из ленинского положения о том, что путь к социализму не обязательно лежит через вооруженное восстание и гражданскую войну, съезд подчеркнул, что народно-демократический путь революционного преобразования общества позволяет рабочему классу постепенно и мирными средствами добиться победы социализма, шаг за шагом ликвидируя капитализм. Съезд единодушно заявил о решимости партии коммунистов бороться вместе со всеми здоровыми силами венгерской демократии за разрешение кризиса коалиции. Его участники единодушно одобрили лозунг «Врагов народа — вон из коалиции! Мы строим страну не для капиталистов, а для народа».

Советская печать в то время была представлена только корреспондентом ТАСС. Вот почему, зайдя однажды в наше посольство в начале марта 1947 года, я получил переданную по телефону из Москвы телеграмму редактора «Правды» с просьбой дать серию статей в связи с начавшимся процессом участников антиреспубликанского заговора «Комитета семи».

Уже в первой статье, опубликованной в «Правде» в первых числах марта, вскользь указывалось на связь заговорщиков с партией мелких сельских хозяев. Видимо, поэтому редакция поставила под статьей псевдоним. Позже я оценил эту предусмотрительность редакции, особенно после того, как в Будапеште стала известна вторая статья, которая целиком была посвящена вопросу о связях заговорщиков с лидерами партии мелких хозяев.

В тот день, когда в Будапешт прибыла «Правда» с этой статьей, я пошел в первой половине дня на прием к премьер-министру Ференцу Надю вместе с другими руководителями так называемого Синдиката иностранных корреспондентов. Следует сказать, что в нашем синдикате действовал принцип, приня-

тый тогда во всех международных организациях: президентом был представитель малой страны — в данном случае корреспондент швейцарской газеты «Базлер нахрихтен», вице-президентами — корреспонденты ТАСС и Рейтер. Постоянного помещения наша организация не имела, и на свои заседания мы обычно собирались в каком-нибудь кафе. Хозяин, весьма благосклонно относившийся к нам, выделял для этой цели отдельную комнатку, благо все мы при этом пили кофе, а некоторые выпивали и кое-что покрепче.

На прием к премьеру мы пришли, чтобы представиться как новое руководство синдиката (накануне у нас были перевыборы). Я еще не знал, что газета с моей статьей «Партия мелких хозяев и заговор» уже пришла в Будапешт и даже известна Ф. Надю, но обратил внимание на тревожные и не очень приветливые взгляды, которые премьер бросал в мою сторону. Хотя статья была подписана не моей фамилией, он хорошо знал, что никакого корреспондента «Правды» в Будапеште нет.

Вечером разговор с Г. М. Пушкиным объяснил мне все. Во второй половине дня Ференц Надь, захватив злополучный номер «Правды», явился к тогдашнему заместителю председателя Союзной контрольной комиссии генералу В. П. Свиридову и заявил ему протест против статьи, как он сказал, «господина Ливанóва», которая «порочит его, Ференца Надя, партию». Генерал Свиридов ответил, что со статьей он уже знаком и не находит в ней ничего неправильного, а присутствовавший при разговоре Пушкин показал премьеру то место в статье, где прямо называлось имя Ференца Надя и которое, видимо, дипломатично обошли при докладе переводчики, чтобы не расстраивать своего шефа.

После этого Надь поспешил уйти...

Между прочим, несколько лет спустя венгерские газеты, отмечая 40-летие «Правды», писали, что она первая разоблачила на своих страницах связь партии мелких сельских хозяев с антиреспубликанским заговором и тем самым оказала большую помощь венгерской народной демократии в решающий период ее становления.

Но вернемся к весне 1947 года. Вскоре выяснилось, что Надь и некоторые другие лидеры партии мелких хозяев знали о заговоре против республики. Сам Надь в это время находился в Швейцарии, где он проводил свой отпуск. Днем 28 мая я узнал от своих венгерских друзей, которые всегда оказывали большую помощь в моей корреспондентской деятельности, о созыве чрезвычайного заседания правительства для рассмотрения этого вопроса. Совет Министров принял решение вызвать Ф. Надя из отпуска и потребовать от него объяснения.

На следующий день я был у статс-секретаря премьер-министра Иштвана Балога. Этот необычно тучный, но удивительно подвижный и изворотливый католический священник из Сегеда, член партии мелких сельских хозяев, любил повторять: «Коалиция — это я», намекая на свои заслуги в деле сохранения коалиционного правительства. Действительно, правительства менялись, министры приходили и уходили, а патер Балог, начиная с Дебрецена, оставался бессменным статс-секретарем, то есть правой рукой теперь уже четвертого по счету премьер-министра... С представителями прессы он всегда был подчеркнуто любезен, а в отношении меня постоянно подчеркивал свое особое расположение.

Завидя меня, он мигом поднялся с кресла и, приглашая присесть, начал быстро выкладывать последние новости:

— Если бы вы зашли на полчаса раньше, смогли бы присутствовать при историческом разговоре. Звонил Ференц Надь. Отказывается от занимаемого поста... Возвращаться в страну не собирается.

Просил, чтобы партия дала ему денег и чтобы мы выслали его вещи. Целый перечень вот записал...

Перечень оказался предлинным и с любопытными деталями. Там, например, значились... охотничьи сапоги. Я подумал: лидер крупной политической партии, премьер-министр на второй день после чрезвычайного заседания Совета Министров, вслед за которым начался правительственный кризис, думал прежде всего о сугубо личном благе, вплоть до охотничьих сапог. Потом я видел, как все эти вещи

Ф. Надя были сложены в машину и отправлены ему в Швейцарию...

Разоблачение заговорщиков как бы сдернуло покрывало с партии мелких сельских хозяев. Венгерский народ увидел, что коммунисты были правы, разоблачая антинародную политику Ференца Надя и его клики. В самой партии произошли большие сдвиги: укрепились позиции левого крыла во главе с Иштваном Доби, который был избран председателем партии. Наоборот, реакционеры, для которых партия мелких хозяев теперь перестала быть убежищем, поспешили покинуть ее ряды и начали создавать свои партии. Появились под разными «демократическими» вывесками партии Пфейфера, Щуйока, Балога и т. д., оказавшиеся, правда, весьма недолговечными.

Вместе с тем реакция предприняла попытки захватить руководство социал-демократической партии, используя для этой цели ее правое крыло. Через него она рассчитывала изнутри взорвать демократическую коалицию. Душой правых социал-демократов был Карой Пейер, стяжавший себе незавидную славу ренегата и раскольника еще во время венгерской пролетарской революции 1919 года и в последовавший за ней период хортистского террора. В ту пору в рамках венгерской социал-демократии, по существу, было две партии: одну составляли левые социал-демократы, сотрудничавшие с находившимися в подполье коммунистами, другую — оппортунистическая группа Пейера. Теперь ситуация повторялась, но совершенно в иной обстановке. Группе правых, сумевших проникнуть в руководство партии, удалось протащить Пейера в депутаты. Его сонная физиономия снова маячила на парламентских скамьях СДП. Рядом с ним всегда можно было видеть сутулую фигуру и лисье лицо Валентини, дебреценского министра юстиции, изгнанного из Временного правительства за открытый саботаж мероприятий венгерской демократии.

После разгрома черного гнезда в партии мелких сельских хозяев внутренняя реакция и ее зарубежные хозяева вспомнили о запасной лошадке.

— Венгерская реакция ищет новые легальные средства,— сказал мне по этому поводу один видный

политический деятель Венгрии.— Пока в партии мелких хозяев господами были заговорщики, пейеристы брались в расчет только как вспомогательный фактор. Теперь же все более важную роль стали играть правые социал-демократы.

Однако эти попытки вскоре потерпели поражение, а сам Пейер накануне разоблачения его деятельности в пользу США бежал из Венгрии. Под давлением партийных масс левое крыло СДП в октябре 1947 года открыто выступило совместно с коммунистами против правых, пробравшихся в центральное руководство партии. Результатом был внеочередной съезд социал-демократической партии, который изгнал из руководства и из рядов СДП правых раскольников и уполномочил новое руководство немедленно начать переговоры с коммунистами о создании единой рабочей партии Венгрии.

Рабочее единство явилось решающим фактором успешной борьбы венгерских коммунистов и созданного ими весной 1946 года Левого блока против реакции, за политическую изоляцию буржуазии, за полное отстранение ее от власти. Новые парламентские выборы в августе 1947 года показали, что народ оценил и одобрил усилия коммунистов по восстановлению народного хозяйства, стабилизации финансов и разоблачению антинародных сил. Компартия получила на этих выборах значительно больше голосов, чем любая другая партия. По сравнению с первыми выборами в ноябре 1945 года количество голосов, поданных за коммунистов, выросло почти на 40 процентов, в то время как партия мелких сельских хозяев потеряла 71 процент голосов. Выборы показали, что компартия уже завоевала подавляющее большинство промышленных рабочих и что вокруг нее начало сплачиваться и трудовое крестьянство.

— Иными словами, нет больше вопроса о том, какой будет венгерская демократия,— сказал мне коллега из газеты «Сабад неп».— Теперь мы можем решительно утверждать, что наша страна развивается не по капиталистическому пути. Рубикон перейден!..

Объективный анализ экономического положения и расстановки классовых сил в стране говорил, что Венгрия к началу 1948 года решительно повернула

в сторону народной демократии, вступила, как говорили мне венгерские друзья, в ее начальную стадию. А в июне 1948 года, когда произошло объединение коммунистов и социал-демократов на марксистско-ленинской основе, в этой стране завершился тот исторический поворот, который означал победу социалистической революции. Важная особенность этого поворота состояла в том, что социалистическая революция в Венгрии, происходившая в острой политической борьбе, в конце концов была осуществлена мирным путем, без вооруженного восстания и гражданской войны. И эта борьба за власть народа осуществлялась силами самих народных масс под руководством коммунистической партии. Характер венгерского народно-демократического государства стал, по существу, социалистическим.

Вскоре после первого (объединительного) съезда единой рабочей партии — Венгерской партии трудящихся я покинул Венгрию.

ГЛАВА VII

МЯТЕЖ

Восемь лет спустя, осенью 1956 года, журналистская судьба снова забросила меня в Венгрию. В те дни события в Венгрии привлекли к себе внимание всего мира. Как они вспыхнули, почему стали возможны в этой стране, народ которой твердо избрал для себя путь социализма? К этому вопросу я возвращался снова и снова, пока холодный грузовой «ЛИ-16» летел над заснеженными просторами нашей страны, а затем, перевалив через Карпаты, над Большой Венгерской низменностью.

Известно, что венгерский народ в сравнительно короткий срок добился выдающихся успехов в строительстве новой, социалистической экономики. Навсегда канула в вечность старая полуфеодальная Венгрия, страна земельных архимагнатов и 3 миллионов нищих, безземельных крестьян, полуколония западных монополий. Свободная и независимая Венгрия уверенно выходила в число передовых индустриально-аграрных государств. Решающую роль во всем этом сыграли самоотверженный труд венгерских рабочих, борьба коммунистической партии за укрепление народно-демократического строя, бескорыстная помощь СССР.

В первой половине 1947 года после жарких дискуссий венгерский парламент принял предложенный коммунистами проект трехлетнего плана, и с 1 авгу-

ста он приобрел силу закона. В то время промышленное производство Венгрии составляло лишь 62 процента, а жизненный уровень народа — 50 процентов довоенного. Трехлетний план страна выполнила за два года и пять месяцев, подняв за это время выпуск промышленной продукции до 140 процентов по сравнению с довоенным 1938 годом. Повсюду рабочие с огромным воодушевлением восстанавливали и реконструировали промышленные предприятия, ликвидируя тяжелые последствия войны.

Трехлетний план явился программой быстрого развития и технического перевооружения сельского хозяйства, повышения материального и культурного уровня венгерских крестьян. Продукция сельского хозяйства за трехлетку в среднем достигла, а по некоторым отраслям и превысила довоенный уровень.

К моменту завершения трехлетнего плана, то есть к концу 1949 года, социалистический сектор охватывал 95 процентов всей промышленности. В руки государства перешла к тому времени и вся оптовая торговля, быстрыми темпами развивался государственный и кооперативный сектор в розничной торговле. В сельском хозяйстве также зарождался социалистический сектор в виде первых земледельческих производственных кооперативов, государственных хозяйств, машинно-тракторных станций.

Это был триумф. Он воодушевил трудящиеся массы Венгрии, вселил в них веру в свои силы, в народно-демократический строй. Но достигнутые успехи — в ходе выполнения как трехлетнего плана, так и начавшейся пятилетки (1950—1954 годы) — имели и свою теневую сторону: тогдашние венгерские руководители сделали вывод, что экономические возможности страны выше, чем предполагалось. Первоначально намечавшаяся сумма капиталовложений была произвольно увеличена примерно в полтора раза, причем для тяжелой промышленности отпускалось средств в 10 раз больше, чем для легкой и пищевой. Именно тогда был выдвинут тезис, совершенно не соответствующий возможностям страны: «Сделаем Венгрию страной железа и стали!»

Правда, состоявшийся в июне 1953 года пленум Центрального Комитета ВПТ вскрыл эти ошибки и наметил пути их исправления. «Мы совершили ошибки,— говорилось по этому поводу в докладе Матиаса Ракоши на собрании партийного актива Будапешта,— прежде всего в том, что в развитии тяжелой промышленности и отраслей, производящих средства производства, перешли к слишком быстрым темпам и при планировании не принимали во внимание экономические ресурсы, реальные возможности нашей страны. Мы не раз оставляли без внимания те большие возможности, которые были скрыты в лучшей организации сотрудничества с Советским Союзом и странами народной демократии».

Однако время шло, а ошибки не исправлялись. Этому препятствовало, как отмечали венгерские друзья, с одной стороны, усиление ревизионизма, проводником которого был Имре Надь, ставший, правда на короткое время, председателем Совета Министров ВНР, с другой — неполное искоренение догматизма, искажавшего политику партии. Были допущены и другие ошибки — в общеполитических вопросах, в области национальной политики, серьезные нарушения революционной законности. Все это вызывало справедливое недовольство среди членов партии и трудящихся масс.

Осложнившуюся обстановку в Венгрии силы внутренней и международной реакции решили использовать для свержения социалистического строя в этой стране. Это был широко задуманный заговор реакции, направленный не только против венгерского народа, но и против всех социалистических стран.

В самой Венгрии роль организатора контрреволюционного мятежа выполнял Имре Надь и группа его сообщников, действовавшая внутри партии. Его путь к открыто враждебным действиям против партии и государства не был случайным. Свое политическое кредо он достаточно четко изложил в трех документах, которые по его указанию тайно размножали и распространяли среди ближайших сообщников. Они были написаны в 1955—1956 годах после изгнания Имре Надя из правительства, где он, используя свое положение председателя Совета Мини-

стров, пытался проводить линию на свертывание социалистического строительства. В одном из этих документов под невинным названием «Мораль и этика» Надь называл народно-демократический строй «выродившейся властью» и призывал свергнуть ее. В другом — «Некоторые актуальные вопросы» — он ставил задачу заключить союз с силами, противостоящими народной демократии. В «Пяти основных принципах международных связей» Надь под предлогом критики «политики блоков» выдвинул перед своей авантюристической группой задачу вывести Венгрию из Организации Варшавского Договора.

Имре Надь отнюдь не ограничивался «теоретическими упражнениями». Позже стало известно, что он создал подпольную организацию, которая вела подготовку к вооруженному захвату власти. Его ближайший помощник Геза Лошонци в сентябре 1956 года заявил в разговоре с находившимся тогда в Будапеште израильским журналистом Амосом Элон: «Если понадобится, мы применим против правительства насилие». А другой сообщник, Йожеф Силади, месяц спустя на одном из созванных им подпольных собраний сказал: «Имре Надь и его сподвижники готовы к захвату власти».

23 октября 1956 года, использовав мирную студенческую демонстрацию, проходившую под лозунгами расширения социалистической демократии, контрреволюционные элементы повели открытую атаку на народную власть. Начался мятеж.

Если вначале враги народной демократии маскировались различными демократическими лозунгами, то через несколько дней уже выступали открыто. В несколько дней было создано 70 различных политических партий, и каждая из них открыто прокламировала свое стремление ликвидировать народно-демократический строй и возродить капитализм. Широким потоком хлынули в страну с Запада или вылезли из подполья помещики и капиталисты, хортистские офицеры, реакционные политики всех мастей. Читал я их фамилии на страницах различных газет, тоже расплодившихся в невероятном количестве, и хотелось повторить вслед за грибоедовским Фамусовым: «Ба, знакомые все лица!»

В «министрах» созданного Имре Надем так называемого узкого кабинета ходили Золтан Тильди и Бела Ковач (не хватало только Ференца Надя, он был осторожнее — сидел пока в Вене), самая неистовая из правых социал-демократов Анна Кетли. В городском совете появился бывший бургомистр Йожеф Кёваго, хортистский офицер, в свое время сбежавший на Запад. Срочно прибыл в Будапешт и граф Эстерхази — для того чтобы, как он заявлял, вернуться к политической деятельности. И заодно снова забрать в свои руки когда-то принадлежавшие ему колоссальные латифундии! Прибыл и другой земельный магнат — граф Такач.

Всей этой публике казалось, что «их час пробил», что пройдет немного времени и в Венгрии будут реставрированы старые порядки. Тильди заявлял, что «хорошо бы освободить из тюремного заключения кардинала Миндсенти и вернуть его в Эстергом, чтобы он немедленно мог принять участие в восстановлении в стране спокойствия и порядка». Через день венгерское радио сообщило, что Миндсенти освобожден из-под домашнего ареста мятежниками. (Как я выяснил позже, возглавлял их сын маркграфа Паллавичини, земельные владения которого по своим размерам уступали только поместьям Эстерхази.) Прикинувшись сторонником народной демократии, молодой Паллавичини стал офицером народной армии в чине майора. Теперь он, примкнув к мятежникам, привез кардинала в Будапешт на танке.

В тот же день Миндсенти имел длительную беседу с Тильди, а некоторое время спустя стало ясно, о каком «восстановлении порядка» пекся бывший лидер партии мелких сельских хозяев, добиваясь освобождения Миндсенти. Выступая вечером 3 ноября с политической речью по радио, кардинал подчеркнул: «Я стою за частную собственность... Церкви нужно вернуть все». Так реакция окончательно сбросила маску. Речь шла о возвращении заводов и фабрик старым хозяевам, возврате всех земель, разделенных в ходе реформы 1945 года, их прежним владельцам. «Выступление по радио Миндсенти,— писала крестьянская газета «Сабад фёльд»,— показало каждому благоразумному человеку, о чем идет речь».

Решался вопрос, быть или не быть народной власти в Венгрии. Все выше поднималась волна белого террора контрреволюции против коммунистов и всех, кто вместе с ними выступал в защиту народной власти.

В этой сложной и трудной обстановке венгерские коммунисты проявили мужество и твердость духа. Преданные делу социализма коммунистические деятели Янош Кадар, Ференц Мюнних, Антал Апро и Иштван Кошша 4 ноября создали Революционное рабоче-крестьянское правительство во главе с Яношем Кадаром, которое в тот же день обратилось к венгерскому народу с воззванием. Новое правительство поставило своей главной задачей защиту народно-демократического строя и социалистических завоеваний венгерского народа. По просьбе Революционного рабоче-крестьянского правительства Венгрии правительство СССР, выполняя свой интернациональный долг, 4 ноября ввело в Будапешт советские войска, которые были дислоцированы в Венгрии согласно Варшавскому Договору. К исходу дня социалистические силы Венгрии совместно с частями Советской Армии сокрушили основные силы контрреволюции.

Опираясь на братскую помощь социалистических государств, венгерский народ в течение нескольких дней восстановил порядок в стране. Реорганизованная на подлинно ленинской основе партия коммунистов — Венгерская социалистическая рабочая партия — сумела сплотить и повести за собой широкие народные массы. Разгромив с помощью Советского Союза силы международной и внутренней реакции, венгерский народ продемонстрировал свою непоколебимую верность народно-демократическому строю, социализму.

Были приняты действенные меры для того, чтобы в кратчайшие сроки возместить ущерб, который мятежники успели причинить народному хозяйству страны.

Венгрия в те дни напоминала выздоравливающего после тяжелой болезни: сначала пульс был еще несколько вялый, но бился он все ровнее, кровообращение с каждым днем усиливалось. Я жил в

Будапеште, побывал в других промышленных центрах страны, посетил венгерские села. И всюду видел большой, целеустремленный труд народа, направленный на скорейшее восстановление нормальной жизни.

А два года спустя, в ноябре 1958 года, в Венгрии происходили выборы в Государственное собрание и местные советы. В голосовании приняло участие 98,4 процента избирателей, из них 99,6 процента отдали голоса кандидатам руководимого партией Отечественного народного фронта. Своим голосованием народ выразил полное доверие и одобрение политике Венгерской социалистической рабочей партии и правительства ВНР.

Выборы подтвердили, что яростная попытка свергнутых эксплуататорских классов и международного империализма разрушить народный строй, предпринятая в ноябре 1956 года, потерпела полный крах. В борьбе с мятежниками еще более окреп боевой союз рабочих и крестьян, составляющий основу государственного строя Венгрии. Социализм в этой стране выдержал жестокое испытание, показал свою жизненность и прочность. Окрепла народная власть. Укрепилось единство партии и ее связи с массами, возросла активность и боеспособность партийных организаций, всех коммунистов в борьбе за построение в Венгрии основ социализма.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА СПУСТЯ

Социализм живой, творческий, есть создание самих народных масс.

В. И. Ленин

ГЛАВА I

ПЕРЕМЕНЫ НА ДУНАЕ

— Бунэ зиуа! — услышал Вайдель знакомое ему приветствие, когда пароход, на котором он путешествовал по Дунаю, причалил к румынской пристани Джурджу.

— Добер дан! — приветливо встречала пароход толпа людей в Белграде.

— Йо напот киванок! — донеслось до него совсем незнакомое, но явно полное доброжелательства приветствие венгров, когда пароход на следующий день швартовался у дунайской пристани Будапешта...

Франц Вайдель отнюдь не выдуманное лицо и не литературный персонаж. Он реальный человек, западногерманский скульптор, который решил поделиться своими впечатлениями от туристской поездки по Дунаю на страницах известного западногерманского журнала «Шпигель». Его впечатления от всего того, что он увидел на берегах Дуная, тем более ценны, что автору до войны довелось некоторое время жить в Румынии и Югославии. «...Для того,— пишет Франц Вайдель,— кто жил до войны в восточноевропейских странах и видел массы оборванных, спившихся людей, все происшедшее здесь за последние годы кажется подлинным чудом».

Шведский писатель Таге Аурель никогда не жил, как Франц Вайдель, в дунайских странах, но он много слышал о них, и в частности о Болгарии, до войны.

Но вот писатель попал в Болгарию и пришел примерно к таким же выводам, как Вайдель. «Поездив по Болгарии,— пишет Таге Аурель,— я открыл страну, которая не имеет ничего общего с моим прежним представлением о ней как о балканском государстве... Просто невероятно, как за такой короткий период времени можно сделать такой скачок».

...Четверть века минуло с тех памятных дней, когда отгремели бои на Дунае и освобожденные народы вступили на новый путь. Победа Советского Союза над фашистской Германией сыграла решающую роль в судьбах народов придунайских стран. И не только потому, что грандиозные наступательные операции Советской Армии последнего года войны привели к избавлению их от фашистской оккупации. Создались благоприятные условия для развития и победы в странах Восточной Европы народно-демократических революций.

Двадцать пять лет, прошедших после освобождения от фашистского ига, во всей полноте показали великую жизненную силу нового строя, который утвердился в Болгарии, Венгрии, Румынии, Чехословакии, Югославии. Конечно, не одинаков был двадцатипятилетний путь этих стран, как не одинаковы и сами страны. У каждой страны были и есть свои проблемы и трудности. Социальные и экономические процессы, происходившие в каждой из них, не были простым повторением того, что делалось в первой стране победившего социализма — СССР. Идеи Октября, ставшие путеводной звездой в борьбе народов за социализм, применялись в каждой стране в соответствии с ее историческими условиями и национальными особенностями: с учетом различий в структуре народного хозяйства и уровня развития производительных сил, в исторически сложившемся образе жизни и традициях народа и т. д. и т. п. Вместе с тем ход социалистического развития за истекшие четверть века неопровержимо подтвердил известное ленинское положение о том, что «некоторые основные черты нашей революции имеют не местное, не национально-особенное, не русское только, а международное значение».

Социально-экономические преобразования, осу-

ществленные во всех этих странах уже в первые годы после освобождения, привели к поистине глубочайшим переменам. Победил и стал господствующим в народном хозяйстве социалистический способ производства. Это, а также развивавшееся братское сотрудничество социалистических стран создали предпосылки для такого крупного скачка в развитии производительных сил, какого их история еще не знала. Страны, большинство которых в недалеком прошлом были преимущественно аграрными и находились на низком уровне экономического развития, в исторически короткий срок стали странами быстро растущей индустрии и неуклонного повышения уровня жизни трудящихся. Промышленность заняла ведущее положение в экономике, появились совершенно новые отрасли — такие, например, как станкостроение, тракторная и автомобильная промышленность, электроника, большая химия.

Особенно быстрыми темпами начала расти индустрия придунайских стран в 50-е годы, после того как было в основном восстановлено народное хозяйство. Уже к началу 1967 года промышленная продукция Болгарии возросла по сравнению с 1950 годом в 8 раз, Венгрии — в 4 раза, Румынии — более чем в 7 раз, Чехословакии — почти в 4 раза. Показатели развития промышленности в этих странах в 1967 и 1968 годах дают основание предполагать, что в 1970 году по сравнению с 1965 годом выпуск промышленной продукции увеличится примерно в 1,5 раза. При этом наиболее быстрыми темпами по-прежнему будут расти энергетика, машиностроение, химическая промышленность. Например, в Болгарии пятилетним планом предусматривается рост продукции химической промышленности в 1970 году по сравнению с 1965 годом в 3,5 раза, в Румынии — в 2,5 раза, в Венгрии и Чехословакии — в 1,5 раза.

Успешно решают придунайские страны и проблему повышения продуктивности сельского хозяйства.

Любого непредубежденного исследователя поражает быстрый рост национального дохода большинства придунайских стран. За 1950—1966 годы он возрос в Болгарии в 4,4 раза, в Венгрии и Чехословакии — в 2,5 раза, в Румынии — в 4,5 раза, в

Югославии — в 2,9 раза. Для сравнения отметим, что в капиталистической части мира за тот же период валовой национальный продукт, характеризующий хозяйственную деятельность в целом, возрос примерно в 2 раза. Согласно плановым наметкам, национальный доход в странах СЭВ к 1970 году возрастет примерно в 1,5 раза по сравнению с 1965 годом.

Особое значение приобрели проводимые в социалистических странах экономические реформы, вызванные быстрым прогрессом социалистического общества и теми глубокими изменениями, которые вносит в его жизнь научно-техническая революция. Все это настоятельно требовало дальнейшего совершенствования методов хозяйствования и управления экономикой, укрепления научных основ планирования, усиления хозяйственного расчета, моральной и материальной заинтересованности трудящихся в развитии производства. Коротко говоря, реформы выражали назревшую объективную необходимость привести в соответствие экономические отношения социализма с уровнем и характером развития производительных сил.

Остановимся подробнее на венгерском опыте.

В Венгрии новая система управления народным хозяйством вступила в силу с 1 января 1968 года. Разрабатывали ее тщательно, вдумчиво, без спешки. Примерно за полтора года до этого, когда в стране уже шла разработка новых методов и форм экономического управления, первый секретарь ЦК ВСРП Янош Кадар дал интервью корреспонденту американского телеграфного агентства ЮПИ в Москве Генри Шапиро. В числе других был поставлен и вопрос о реформе. Отвечая американскому журналисту, Янош Кадар убедительно показал, что экономические реформы в Венгрии, как и в других социалистических странах, отнюдь не означают отхода коммунистических и рабочих партий этих стран от марксистских позиций, о чем немало шумела западная пропаганда.

— В результате реформы,— сказал тогда Янош Кадар,— в нашей стране произойдет дальнейшее упрочение социалистических производственных отношений, повысится плановость в развитии народного хозяйства, ускорится технический прогресс, возрас-

тет производительность труда и производство, расширится ассортимент, улучшится качество товаров.

Объясняя причины, обусловившие необходимость реформы, товарищ Кадар подчеркнул, что Венгрия достигла значительных успехов в строительстве социалистической экономики.

Однако, если мы заглянем вперед, учтем перспективные задачи, бросим взгляд в будущее, то это побуждает нас приложить новые усилия, повысить эффективность работы. Реформа хозяйственного механизма вызвана также тем, что мы вступили на новый этап социалистического развития. Что мы понимаем под реформой в отношении хозяйственной деятельности?

В истекшие двадцать лет, когда надо было ликвидировать разруху, путем индустриализации страны преодолеть многовековую отсталость, когда требовалось в первую очередь обеспечить выпуск определенного количества товаров, вопросы рентабельности, то есть стоимость производимой продукции, ее соответствие международным стандартам, конкурентоспособность, были оттеснены на задний план. С завершением построения основ социализма окончился начальный период развития. В настоящее время социалистическое строительство в стране требует лучшего использования и более быстрого развития производительных сил, это же является требованием мирового рынка.

Хозяйственный механизм, продолжал Янош Кадар, необходимо изменить таким образом, чтобы он отвечал новым требованиям. Одним из наиболее существенных элементов реформы является то, что в будущем плановое развитие народного хозяйства будет обеспечиваться не с помощью подробных разработанных в центре распоряжений, а с помощью экономических средств, путем повышения материальной заинтересованности предприятий, трудящихся. Предприятия получат бо́льшую самостоятельность, откроются более широкие возможности для проявления инициативы, осуществления демократических прав трудящихся.

Реформа хозяйственного механизма вызвана объективной необходимостью, субъективно же она

стала возможна благодаря тому, что в настоящее время в нашей стране имеется достаточное количество преданных социализму, обладающих высокими специальными знаниями, опытных хозяйственных руководителей...

Уже к концу 1968 года правительство ВНР располагало достаточными данными, чтобы судить о благотворном воздействии реформы на развитие экономики. «В целом переход на новую систему,— заявил глава правительства Енё Фок в докладе на очередной сессии Государственного собрания,— осуществляется успешно... Реформа в целом способствует выполнению годового и пятилетнего народнохозяйственных планов. Народное хозяйство страны развивается в соответствии с целями экономической политики, а в некоторых отношениях даже быстрее предписаний плана».

Большие народнохозяйственные задачи решают под руководством своей коммунистической партии трудящиеся Народной Республики Болгарии. В 1970 году национальный доход НРБ намечено повысить примерно на 50 процентов по сравнению с 1965 годом. Основные производственные фонды во всем народном хозяйстве возрастут почти вдвое. Валовая промышленная продукция увеличится более чем на 70 процентов, а сельскохозяйственная — более чем на 30 процентов. На первый план выдвигаются проблемы решительной интенсификации и модернизации всех отраслей экономики страны, значительного роста производительности труда, расширения внешнеторговых связей.

В осуществлении всех этих задач огромное значение приобрело последовательное применение и всестороннее развитие новой системы управления народным хозяйством, утвержденной пленумом ЦК БКП после всенародного обсуждения весной 1966 года.

«Новая система руководства,— говорил Первый секретарь ЦК БКП тов. Тодор Живков на IX съезде Болгарской коммунистической партии,— объективно обусловлена требованиями нынешнего этапа нашего общественно-экономического развития. Она является выражением более высокой степени овладения эко-

номическими и другими законами социалистического общества и их сознательного использования, результатом богатого опыта, накопленного в управлении народным хозяйством и государством. Все это дает нам возможность использовать сейчас более совершенные формы, средства и методы, поднять на гораздо более высокий уровень научное руководство социалистическим обществом. Следовательно, речь идет о такой системе руководства, которая обеспечит более рациональное и эффективное развитие экономики, всех главных областей общественной жизни страны, которая полнее соответствует генеральной линии строительства социализма в Народной Республике Болгарии».

Конечно, внедрение новой системы планирования и руководства экономикой — длительный процесс, в ходе которого не могут сразу, во всех областях народного хозяйства проявиться положительные результаты. В этом отдают себе отчет как руководители, так и рядовые труженики — все, с кем приходилось мне беседовать на эту тему в Венгрии, Болгарии, Чехословакии. Но жизнь показала, что путь избран правильный. Что, являясь социалистическими по своему существу, экономические реформы обеспечивают наиболее рациональное сочетание интересов общества, коллектива и отдельного труженика, поднимают заинтересованность работников в наиболее полном использовании всех производственных ресурсов, в улучшении качества продукции. За сравнительно короткие сроки заметно выросла творческая активность народных масс, их роль в управлении производством, в подъеме экономики страны.

...Да, большие перемены произошли за минувшую четверть века на Дунае, в социалистических странах на его берегах. Сегодня уже трудно найти среди «специалистов» по Восточной Европе таких, которые бы отважились заявить, будто придунайские социалистические страны «ненадежные и малоинтересные торговые партнеры». Наоборот, господствующим стало мнение о том, что «это уже не те страны, которые до войны ничего не могли предложить Западу, кроме сырья». «Многие товары, предлагаемые сейчас Восточной Европой для продажи Западу,— подчер-

кивала «Нью-Йорк геральд трибюн»,— являются теми самыми стратегическими товарами, получение которых странами Востока Соединенные Штаты пытались не допускать».

Это экономический аспект. А вот внешнеполитический. Однажды в Вене, в дни ответного визита министра иностранных дел ВНР в Австрию, в Международном клубе печати шла интересная дискуссия по поводу старого географического понятия «бассейн Дуная». Каково политическое содержание этого понятия сейчас, спустя двадцать лет после победы над фашизмом? — об этом шел разговор. Участниками были австрийские, западногерманские, швейцарские и венгерские журналисты. Представители западной печати высказали мнение, что мир является свидетелем, как они выразились, «ренессанса центральноевропейской идеи». Венгерские журналисты подчеркнули другое. Если в прошлом, говорили они, для этого района были характерны почти беспрерывные войны, национальная ненависть и шовинистическое исступление, то ныне былые антагонисты — малые дунайские страны живут, за исключением Австрии, в условиях социалистического строя, развивая экономическое, политическое и военное сотрудничество.

Ход классовой борьбы, говорили венгерские журналисты, не аннулировал географических понятий. Но надо разумно принимать к сведению новую политическую реальность...

А реальность такова, что дунайские страны — Болгария, Венгрия, Югославия, Румыния, Чехословакия — сегодня социалистические страны. Их могучий и верный союзник в борьбе за торжество нового строя — Советский Союз. В непосредственной близости живут и развиваются ГДР и Польша. И ни одна из этих стран не забыла ужасов войны и фашизма. Об этом напоминают и оставшиеся на придунайских землях кладбища, и воинственные вопли реваншистов, что постоянно раздаются с истоков Дуная, из Западной Германии...

Самые искренние, дружественные и деловые отношения между социалистическими странами Европы необходимы для полной победы социализма в этих странах, для отпора тем, кто хотел бы изменить соот-

ношение сил в Европе. Жизнь подтверждает справедливость ленинских слов о том, что переход от капитализма к социализму потребует долгих мук родов и сотрудничества рабочих всех стран, которые должны слить свои усилия, чтобы обеспечить победу до конца.

Дунай ныне река дружбы и сотрудничества. Вверх и вниз идут сегодня по Дунаю караваны торговых судов и барж под флагами придунайских государств. Некоторые из них заходят в близлежащие порты и возвращаются обратно. Другие держат путь в порты соседних государств и дальше, до самого Галаца, где происходит перегрузка с речных пароходов на морские суда.

О многом свидетельствуют эти рейсы по Дунаю. Все выше поднимается индустриальный уровень дунайских государств, шире и увереннее становится их шаг по пути технического прогресса. Даже внешний вид их портов на Дунае говорит об этом. Здесь всегда толпится у причалов множество иностранных судов, днем и ночью (при свете «юпитеров»), работают портальные краны, чтобы вовремя перегрузить прибывшие или отправляемые товары, машины, оборудование.

С самых низовьев Дуная поднимаются морские суда под советским флагом. В их трюмах криворожская руда, никопольский марганец, кокс; новейшее промышленное оборудование, тракторы, сложные сельскохозяйственные машины с маркой Москвы, Ленинграда, Харькова, Свердловска и других центров советского машиностроения. Через перевалочные порты Галаца и Браилы идет все это в порты дружественных придунайских стран. Туда же заходят со своими отечественными грузами речные суда Чехословакии, Болгарии, Венгрии, Румынии, Югославии. Они привозят югославскую руду, лес, паровозы, машины, румынскую нефть и нефтяное оборудование, чехословацкую продукцию тяжелого машиностроения, болгарские электрокары, сильноточное оборудование, азотные удобрения, польский уголь и машины. И многое другое... За период 1950—1966 гг. объем перевозок по Дунаю возрос более чем в 4,5 раза. Объем погрузок и выгрузок товаров во всех 28 международ-

ных портах на Дунае растет с каждым годом. Дунайский торговый флот насчитывает более 700 буксиров, 130 грузовых теплоходов, почти три с половиной тысячи барж.

Поистине Дунай стал важным фактором развития производительных сил придунайских государств. И не только как важная торговая магистраль, по которой идет интенсивная торговля между ними. Объединенными усилиями социалистических стран на Дунае создается мощный каскад гидроэлектростанций. Становится явью вековая мечта дунайских народов, которую не хотели и не могли реализовать антинародные режимы этих стран в прошлом. Сто двадцать лет велись разговоры о сооружении плотины у румынских Железных ворот, но старой Румынии такая задача была не по плечу. В хортистской Венгрии не шли дальше размышлений о строительстве мелких электростанций на притоках Дуная...

А между тем в водах Дуная таятся колоссальные запасы энергии: более 70 миллиардов киловатт-часов дешевого электричества может давать река ежегодно при комплексном использовании ее гидроресурсов. Это продукция семи таких гидрогигантов, как Куйбышевская ГЭС. На заседании СЭВ, происходившем в Берлине в мае 1956 года, была поставлена задача о комплексном использовании гидроресурсов Дуная. А через год Постоянный комитет СЭВ по энергетическому хозяйству и комплексному использованию Дуная разработал основные принципы размещения каскада электростанций на всем протяжении Дуная — от Братиславы до Браилы. Были заключены соглашения о сотрудничестве в строительстве и эксплуатации дунайских гидроэлектростанций между Венгрией и Чехословакией, Югославией и Румынией, Румынией и Болгарией. В этих соглашениях ярко проявились новые, подлинно братские отношения, сложившиеся между социалистическими странами: дружба, равноправие, взаимная помощь.

Использование богатейших энергетических ресурсов среднего и нижнего течения Дуная в интересах ускоренного развития производительных сил социалистических государств открывает еще более широ-

кие перспективы для их тесного сотрудничества: ведь полное решение такой большой и сложной задачи, естественно, выходит за рамки возможностей одной страны. К тому же сооружение той или иной плотины, гидростанции на Дунае непосредственно касается ряда соседних стран. Значит, должны быть правильно учтены и взаимно согласованы интересы всех этих стран — и энергетические, и транспортные, и сельскохозяйственные.

Инженеры и экономисты придунайских стран произвели интересные подсчеты, которые позволяют заглянуть в не столь уж далекое будущее. Вот что рассказал мне один из них. При современном уровне техники на Дунае можно построить ряд электростанций общей мощностью около 8,6 миллиона киловатт с годовой выработкой электроэнергии в 46 миллиардов киловатт-часов. Создание мощной энергетической базы окажет огромное влияние на весь Придунайский край. По берегам Дуная и его притоков поднимутся корпуса многих заводов и фабрик.

Кроме того, образуется цепь водохранилищ, которые навсегда скроют в своих глубинах скалы и пороги. Увеличатся глубины и на равнинном участке реки. Дунай станет доступным для прохождения крупных морских судов на всем протяжении от Черного моря до Белграда, и грузооборот на этой международной транспортной магистрали увеличится, по предварительным подсчетам, более чем в 5 раз.

Водохранилища будут также служить естественным регулятором паводков, избавят придунайские районы от наводнений. А большие запасы воды и дешевая электроэнергия создадут благоприятные условия для орошения засушливых земель.

Как же будет выглядеть Дунайский каскад? На некоторых ступеньках этого каскада работы уже начались. Первая из них — близ Братиславы. Здесь будет сооружен мощный гидротехнический комплекс. Плотина перегородит Дунай у Грушева. Из водохранилища, которое здесь образуется, вода пойдет по каналу к турбинам электростанций. Одну из них строители поставят на чехословацком берегу реки, вторую — на венгерском. Около 4 миллиардов кило-

ватт-часов электроэнергии будет давать гидроузел ежегодно. Кроме того, гидротехнический комплекс позволит оросить дунайскими водами полмиллиона чехословацких и венгерских земель.

Вторая ступень Дунайского каскада — у Железных ворот. Третья — еще ниже по Дунаю, в районе болгарского городка Самовит-Излаз. Этот гидроузел даст до 4 миллиардов киловатт-часов электроэнергии в год. Оросительные каналы позволят значительно повысить урожай на больших площадях болгарских и румынских земель.

Широкие перспективы открывает комплексное использование Дуная. Их реальность — в крепнущем сотрудничестве стран социализма, росте экономического и технического потенциала каждой из них.

ГЛАВА II

НА ЗЕМЛЕ ЧЕХОВ И СЛОВАКОВ

Праздник на Девине

В том месте, где Карпатская дуга своим западным концом вплотную подходит к последнему звену горной цепи Альп, прорвался Дунай на восток. В одном исследовании я даже читал, что Карпаты являются продолжением Альп, и лишь Венская котловина расчленяет их дугу. Это Альпийско-карпатские ворота. Здесь как бы открылся путь дунайским водам на просторы Среднедунайской равнины и дальше на юг к Черному морю. И здесь, как вечный страж у этих ворот, стоит, высоко поднявшись над Дунаем, громадная скала Девин. О ней и о древней крепости на ее вершине сложено много легенд. Но неоспоримым является тот исторический факт, что здесь в далекие времена скрещивались два важных торговых пути: Дунайский, проходивший по реке с запада на восток, и Янтарный — путь из Адриатики к Балтийскому морю.

Более тысячи лет назад на Девине, по преданию, находилась резиденция великоморавских князей, при которых он превратился в мощную крепость, охранявшую славянские земли от иноземного нашествия[1].

---

[1] Крепость на Девине была взорвана французскими войсками во время похода Наполеона.

Здесь же жили основатели церковнославянской письменности братья Кирилл и Мефодий.

Ныне площадка старинного замка, который был свидетелем возникновения древней славянской культуры, стала местом традиционных народных празднеств дружбы славянских и других братских народов. С тех пор как солнце свободы взошло над Дунаем, здесь, на Девине, каждое лето устраиваются праздники. Тысячи людей собираются в эти дни среди живописных развалин древнего замка. До поздней ночи льются тогда над Дунаем чудесные словацкие песни — то грустные старинные напевы о горькой судьбе моравского крестьянства, то веселые и радостные — о новой жизни свободного народа Чехословакии.

— Но больше всего поют у нас на Девине теплые, задушевные песни о дружбе,— сказал мне Павол Сарваш, когда мы по крутым ступенькам, высеченным в граните, поднялись на вершину скалы. Отсюда хорошо были видны и плескавшийся внизу Дунай, и впадающая в него Морава, и начинающаяся совсем рядом австрийская земля, и зеленые луга на австрийской стороне...

Павол Сарваш, молодой красивый словак с венгерской фамилией, вместе с которым мы оказались на Девине, влюблен в Дунай, в Девин и эти древние руины на его вершине. В свою Словакию вообще. В дни словацкого восстания он дрался в составе партизанского отряда и теперь все агитировал меня съездить в те места, где он тогда сражался, посмотреть «тот бункер»...

О словацком восстании я уже много слышал от своих чехословацких друзей, а в августе 1959 года присутствовал в качестве гостя в Банска-Бистрице на праздновании 15-летия этого восстания. Помню, два дня съезжались сюда гости со всех концов страны и из-за границы. Ночью накануне третьего дня в горах, подступивших со всех сторон к этому городу партизанской славы, зажглись костры. Далеко окрест было видно их пламя в сгустившейся темноте ночи.

— Совсем как в ту памятную ночь пятнадцать лет назад,— говорил один из моих спутников, сотрудник Министерства иностранных дел Чехословакии.—

Здесь, в Банска-Бистрице, был центр словацкого народного восстания против немецко-фашистских оккупантов летом 1944 года. Восстанию предшествовала большая подготовка, которую вела КПЧ среди населения, сплачивая чехов и словаков в единый фронт национально-освободительной борьбы.

Под влиянием победоносного наступления Советской Армии на всех фронтах Великой Отечественной войны росло сопротивление населения оккупантам и их лакеям в Словакии. Многие солдаты-словаки, посланные гитлеровцами для подавления партизанского движения на Украине, переходили на сторону партизан. Группа словаков во главе с капитаном Налепком, перейдя к партизанам генерала Сабурова и создав свой партизанский отряд, героически сражалась в боях за освобождение города Овруч. Яну Налепку было присвоено звание Героя Советского Союза.

В это время в Словакии столь же героически сражались бок о бок со словацкими и чешскими братьями советские партизаны. Партизанские группы были сброшены на парашютах на словацкую землю в июле и августе 1944 года. С огромной любовью встретил их словацкий трудовой народ, массы людей потянулись в партизанские отряды. Во второй половине августа партизаны заняли ряд районов, власть в городах и селах перешла здесь в руки национальных комитетов, возглавлявшихся, как правило, коммунистами.

Гитлеровское командование было вынуждено снять с фронта восемь дивизий и бросить в Словакию. В течение двух месяцев словацкие повстанцы оказывали героическое сопротивление гитлеровским войскам. И даже после отхода партизан в горы борьба не прекратилась, наоборот, всенародная война принимала все большие размеры. Горела словацкая земля под ногами фашистских оккупантов...

И вот пятнадцать лет спустя Банска-Бистрица, вся страна чествовала героев словацкого восстания. Около 100 тысяч человек заполнили улицы города; здесь встретились те, кто по зову коммунистической партии поднялся на вооруженную борьбу против гитлеровских захватчиков. Прибыла группа бывших партизан из Советского Союза. В составе делегации

находился генерал А. Н. Асмолов, который координировал действия всех партизанских отрядов в Словакии. И когда этот еще молодой с приятным русским лицом человек занял место в президиуме митинга на центральной площади в Банска-Бистрице, мы услышали, как в толпе зашептали:

— Асмолов, Асмолов...

Потом к трибуне подошла старая женщина в черном праздничном национальном наряде и попросила вызвать Асмолова. Нельзя было без волнения наблюдать их поистине трогательную встречу. Это была Мария Молчанова, крестьянка из села Поломка; ее дом всегда был открыт для партизан. «Не раз она выручала нас, снабжая и продуктами, и некоторыми сведениями»,— сказал мне Асмолов.

Словацкое восстание явилось крупным событием в народно-освободительной борьбе трудящихся Чехословакии.

Мой новый друг Павол Сарваш, с которым мы вместе поднялись на Девин в один из июньских дней 1967 года, тоже знал генерала Асмолова.

— А как же,— сказал он мне.— Кто же из нас, партизан, не знал или хотя бы не слышал об Алеше Асмолове, нашем советском друге, партизанском генерале. Вместе дрались...

На Девине мы оказались в этот теплый летний день в связи с праздником мира и чехословацко-советской дружбы. На этот праздник, как обычно, прибыли гости чуть ли не со всех областей республики. Были тут чехи и словаки, венгры из Кошицы и украинцы из Прешова, гости из-за границы... Советскую делегацию возглавлял космонавт Алексей Леонов. С ним приехали киевляне и ужгородцы, посланцы Саратова, с которым Братиславу связывает давняя дружба побратимов.

Праздник дружбы советского и чехословацкого народов открылся торжественным актом зажжения вечного огня на Девине от факела, принесенного сюда, на высокую скалу, молодыми парнями и девушками из нефтекомбината «Словнафт». И все поняли глубокий смысл этого символического акта. И невольно многие повернули головы в сторону Братиславы, столицы Словакии, что раскинула свои

кварталы на обоих берегах Дуная. Особенно внушительно выглядит живописный холм Славин. На его вершине высоко поднялся на виду у всей Братиславы величественный памятник советским воинам, павшим в боях за освобождение города. Здесь же, на Славине,— кладбище, где похоронено более 6 тысяч советских солдат и офицеров. Кладбище и памятник на Славине были открыты в 15-ю годовщину освобождения Братиславы Советской Армией — 4 апреля 1960 года.

Многое изменилось за послевоенные годы в облике Братиславы — города с большой историей. В далекой древности здесь был римский укрепленный лагерь Пожонь; это название и сегодня можно видеть на некоторых старых картах. Позже, в X веке, Братислава, ставшая одной из крупных словацких крепостей, входила в состав Великоморавского союза племен. Вместе с другими словацкими крепостями героически отражала она нашествие турецких янычар, монголо-татарских орд и других иноземных захватчиков. Пытались онемечить Братиславу германские империалисты, давшие ей название Прессбург. Братислава сохранилась как словацкий город, новая история которого началась после освобождения в 1945 году.

Правда, как и прежде, стоят на придунайской круче древний кремль, где обитали наместники австро-венгерских королей, старая ратуша, где полтора века назад Наполеон подписал мир с австрийским императором, другие памятники истории. Но сам город неузнаваемо помолодел и с каждым годом становится краше. Возникли десятки новых жилых кварталов, промышленные районы, в частности на правом берегу Дуная, где раскинулся пригород Петржилка, соединенный с центром новым дунайским мостом. Гордость братиславцев — огромный современный нефтекомбинат «Словнафт»; нефть для этого предприятия поступает из Советского Союза по нефтепроводу «Дружба».

Изменилась не только Братислава. Вся Словакия — страна высоких гор и плодородных долин, «пастушеский край», как называли ее в прошлом,— стала неузнаваемой за годы народной власти. Это

край мощных гидростанций и современных заводов, передового земледелия. Край новых людей — хозяев своей страны и собственной судьбы.

Ваг и Орава С высоты братиславского Славина или придунайской кручи Девин открывается широкая панорама Малой среднедунайской равнины, по которой медленно течет Дунай, образуя извилины и рукава. Отсюда до Комарно — самый мелководный отрезок реки. Географы объясняют это мелководье Дуная горным происхождением его притоков в этом месте и характером самой местности. Морава и Ваг, Раба и Лейта приносят в Дунай много воды, но лишь в период весеннего паводка, когда он разливается в необычайно обширной здесь пойменной долине. С наступлением же жарких дней, когда вода интенсивно испаряется и поглощается почвой, притоки Дуная не в состоянии обеспечить ему достаточно высокий уровень.

Такова «местная трагедия» великой реки. О ней я вспоминаю лишь потому, что начатые в послевоенные годы работы по регулированию водного режима Вага уже дают положительные результаты. После завершения этих работ Ваг, как утверждают специалисты, будет питать Дунай равномерно круглый год.

Ваг впадает в Дунай у самого Комарно, в 100 километрах от Братиславы. Вокруг, сколько видит глаз, раскинулись пшеничные поля, фруктовые сады, плантации хмеля. Среди этих плодородных берегов неторопливо течет к Дунаю полноводный Ваг. Глядя на него, трудно поверить, что каких-нибудь полсотни километров выше это грозная и своенравная горная река, которая веками приносила людям только бедствия и разорение. Мне довелось петлять вдоль ее извилистого русла среди гор Словакии в ту пору, когда чехословацкие гидростроители только приступили к обузданию Вага. Один из них привел мне интересные цифры: истоки этой реки находятся на высоте 840 метров над уровнем моря, впадает она в Дунай на высоте 150 метров, длина реки — 450 километров.

— С каждым километром снижение в среднем на полтора метра,— сказал этот инженер.— Очень кру-

той спуск, и в этом разгадка сокрушительной силы Вага, когда он в половодье стремительно несется вниз, к Дунаю. Бывают дни, когда он сбрасывает в Дунай до 2 тысяч кубометров воды в секунду. В 100 раз больше, чем в обычное время!..

Начав свой бег в Высоких Татрах, после слияния Белого и Черного Вага, он повторяет изгибы горных хребтов, стиснутый их каменными громадами. «Вагусом», то есть «Блуждающим», прозвали этот стремительный водный поток еще римские легионеры Марка Аврелия, побывавшие в словацких горах в 176 году нашей эры. Трудно было придумать более точное название. Весной, когда Татры сбрасывали талый снег, река быстро вздувалась, выходила из берегов и мчалась по долине, как бы в поисках нового русла, сметая все на своем пути: горные хижины лесорубов и целые селения, сады...

Еще более яростным и могучим становится Ваг после того, как он на пути к Дунаю принимает в свое ложе такую же бурную, как и он сам, горную Ораву. От самой чехословацко-польской границы, с предгорьев западных Бескид, несет она свои воды среди валунов, мимо одиноких деревень...

Приоравье! До войны это был самый бедный район Словакии.

Земля здесь, как говорилось в народе, вместо хлеба родит камень. В безысходной нужде жили пастухи, лесорубы, владельцы крохотных земельных наделов. Только за 1919—1936 годы более 200 тысяч обездоленных людей вынуждены были в поисках работы эмигрировать отсюда в Америку. В безысходной нужде жили и те, кто оставался на родине. И не было песен печальнее тех, что складывались здесь: и в горах, и в горных долинах.

Горе и слезы несешь ты, Орава,
Горьки твои воды, горьки и кровавы...

А между тем Ваг и Орава, недра Поважья и Приоравья таят в себе огромные богатства. Достаточно сказать, что многоводный Ваг заключает в себе одну треть всех запасов «белого угля» Словакии. Не раз пытались прогрессивные ученые и инженеры в старой Словакии поставить эти мощные гидроэнергети-

ческие ресурсы на службу человеку. Все их попытки кончались безрезультатно. Оставались неиспользованными и богатые залежи полезных ископаемых. Невыгодно было чешской буржуазии развивать в Словакии промышленность. Этот «пастушеский край» нужен был ей как полуколониальный рынок сбыта и резервуар дешевой рабочей силы. До первой мировой войны Словакия была убогим закоулком Австро-Венгерской империи, а в период между двумя войнами — аграрным придатком промышленно развитых чешских областей.

Социализм преобразил этот край. Другие песни поют теперь на Ваге и Ораве. Они пришли сюда вместе с новой жизнью. Вместе с первыми партиями рабочих, прибывших на строительные площадки, с караванами грузовиков, доставивших строительные материалы и механизмы, вместе с первой в Словакии электрифицированной железной дорогой.

Сотни новых — больших и малых — промышленных предприятий выросли по всей Словакии, неизмеримо поднялся технический уровень словацкой промышленности. Словаки теперь строят современные мощные домны, выпускают автомобили, телевизоры, красивые пассажирские пароходы, дизельные двигатели, сложные станки, подшипники качения, строительные машины... Возле Кошицы выросли корпуса металлургического гиганта, не уступающего предприятиям такого типа в самых развитых индустриальных странах мира. Словакия приближается к индустриальному уровню чешских областей. Ее промышленное производство увеличилось за послевоенные годы более чем в 17 раз при общем росте по республике в 5,6 раза.

Большие перемены произошли в словацком сельском хозяйстве. Оно стало социалистическим крупным хозяйством, оснащенным сложными машинами. Словакия становится краем высоких урожаев и высокопродуктивного животноводства. Неизмеримо поднялся жизненный уровень словацких крестьян. Мне рассказывали, что президент буржуазной Чехословацкой республики Масарик, отвечая делегации писателей, которые были поражены крайней нищетой

словацкого населения, убеждал их, будто в этом крае дети и женщины ходят зимой босиком потому, что такова, мол, здесь национальная традиция... Один остроумный писатель по этому поводу сказал: не традиция, а трагедия...

Придуманная Масариком так называемая «традиция» давно забыта, и оказалось, что словацкие крестьянки любят добротную, красивую обувь. Возросло в Словакии потребление и других товаров, в том числе продовольственных — в 1,5—2 раза по сравнению с довоенным 1936 годом.

Значительные успехи достигнуты в области культуры. До войны здесь было только одно высшее учебное заведение, теперь — 12. На каждую тысячу жителей Словакии приходится студентов больше, чем в ряде европейских стран...

На Ваге создан многоступенчатый каскад электростанций. 15 гидроэлектростанций, миллиарды киловатт-часов электроэнергии в год — примерно половина того, что произвели все электростанции страны в первом послевоенном году,— вот что такое Важский каскад!

Летом 1967 года в верхнем течении Вага началось строительство нового крупнейшего в Словакии гидросооружения. Здесь, в Липтовской Маре, сооружается большое водохранилище, которое вберет воды этой реки, затоплявшие во время паводков большие площади лугов и поселков. Оно позволит орошать около 130 тысяч гектаров земли. На берегах водохранилища будет создана широкая зона отдыха.

Одновременно решается проблема судоходства по Вагу. От Комарно почти до верховьев он станет судоходным, и тогда дунайские суда смогут подниматься до Жилины, который превратится в один из крупнейших речных портов Словакии. Не забыт и знаменитый дунайский лосось, который весной идет нереститься вверх по Вагу. Там, где реку перегораживают плотины, для рыбы сделаны специальные подъемные устройства.

Все ярче горят огни электростанций на Ваге и Ораве.

Комарно-Комаром Два города стоят друг против друга на Дунае у отметки 1761 километра[1]: чехословацкий Комарно на левом берегу, венгерский Комаром — на правом. В прошлом отчужденные один от другого официальной политикой двух государств, разделенных Дунаем, настороженно-враждебно глядели они через реку. Исторические наслоения подогревали национальную вражду двух стран, из которой извлекали выгоду те, кто породил эту вражду и кому она была на руку,— империалистические круги Запада.

Даже после освобождения не сразу были отрегулированы все спорные чехословацко-венгерские вопросы: на первых порах, когда в правительства обеих стран входили представители буржуазных партий, все еще давали себя знать пережитки прошлого.

Только после февральской победы 1948 года в Чехословакии и установления народной демократии в Венгрии был окончательно решен вопрос о венгерском национальном меньшинстве в Словакии и словацком — в Венгрии. Новое правительство Чехословакии, сформированное К. Готвальдом, вообще сняло прежнее требование о выселении венгров из Словакии, обеспечив им все права граждан республики. Пользуется всеми правами наравне с остальными гражданами и словацкое меньшинство в Венгрии.

С каждым годом расширяются экономическое, научно-техническое и другие формы сотрудничества между двумя странами. Во внешней торговле Венгрии Чехословакия занимает второе место, после Советского Союза.

Узы дружбы протянулись между Комарно и Комаром, между двумя братскими странами. В 50-е годы перекинулся через Дунай новый мост, соединив венгерский город с чехословацким. Венгры строили свою половину, чехи и словаки — свою. В один из декабрьских дней, когда холодный ветер свистел на Дунае, где-то посредине над ним сомкнулись фермы нового моста. И тогда встретились на

[1] Расстояние в километрах от устья Дуная.

мосту и крепко пожали друг другу руки бригадиры чехословацких и венгерских мостостроителей Франтишек Купка и Янош Сегеди...

Комарно сравнительно небольшой чехословацкий город, его население не превышает 25 тысяч. Это важный порт на Дунае. Как и в Братиславском порту, здесь всегда царит оживление, всегда можно видеть пароходы и баржи под флагами придунайских государств. Одни выгружают привезенные товары, другие, наоборот, до краев заполняют свои трюмы комарненскими грузами.

Все, чем богата Чехословакия, идет отсюда по Дунаю в дружественные страны: ее кокс и коксующийся уголь для соседней Венгрии, грузовики и промышленное оборудование — для Румынии, машины и различные химикалии — для Болгарии и т. д. Суда других дунайских стран сгружают в Комарно все, что получает республика в обмен на свои товары. Здесь и венгерские бокситы, продукты сельского хозяйства, текстиль, станки; и румынские изделия из дерева, машины, промышленное сырье; и болгарские руды, концентраты, продукция сельского хозяйства...

Особенно интенсивно развивается товарообмен с Советским Союзом — главным внешнеторговым партнером ЧССР. Великая социалистическая держава поставляет Чехословакии зерно, хлопок и шерсть, цветные металлы, руды, некоторые наиболее сложные виды промышленного оборудования. В обмен идут своим ходом по Дунаю чехословацкие речные суда, отправляются на баржах дизель-моторы, оборудование для электростанций, товары народного потребления, а по железной дороге — пассажирские электровозы, основным поставщиком которых в СССР стала Чехословакия. В 1968 году товарооборот между двумя странами достиг почти 1,9 миллиарда рублей. Советский Союз поставляет Чехословакии более половины импортируемого республикой сырья, причем расплачивается она за это сырье поставками готовых изделий. Важное значение имеет для Чехословакии ввоз из СССР железной руды и цветных металлов, без которых она не могла бы непрерывно увеличивать выпуск машин и оборудования. Большую роль в расширении сотрудничества в этой области играет

тесное кооперирование между двумя странами. Например, Советский Союз ввел в строй в 1960—1965 годах дополнительные производственные мощности в горнорудной промышленности и цветной металлургии, Чехословакия обеспечила эти мощности в кредит необходимыми машинами, оборудованием и материалами на общую сумму примерно 300 миллионов рублей. В 1966 году было заключено долгосрочное соглашение о сотрудничестве в добыче нефти, а в сентябре 1968 года — о дополнительных поставках Чехословакии советского природного газа по газопроводу, построенному совместно.

Наряду с продовольственными товарами и важным промышленным сырьем Советский Союз поставляет Чехословакии такое сложное капитальное оборудование и машины, которые она сама еще не производит. Эти поставки имеют большое значение для развития чехословацкого машиностроения и других отраслей промышленности. Речь идет о сложных в техническом отношении металлообрабатывающих станках, гражданских транспортных самолетах, электропечах для производства ферросплавов, крупных счетно-вычислительных машинах, больших дизель-электровозах, тяжелых тракторах, специальных бурильных установках для геологоразведки и нефтедобычи.

Но этим не исчерпывается значение чехословацко-советского сотрудничества для развития народного хозяйства ЧССР. Предварительные и долгосрочные заказы Советского Союза на поставку станков и оборудования, при большом объеме заказов, позволяют Чехословакии широко внедрять в машиностроении серийность и специализацию. Тем самым достигается высокая экономическая эффективность производства и стабильность производственных программ.

Западная пропаганда пытается набросить тень на советско-чехословацкие экономические отношения. В этой связи большой интерес представляет заявление, сделанное в сентябре 1968 года министром ЧССР Йозефом Крейчи.

— Экономические отношения с Советским Союзом,— сказал он в беседе с журналистами в Праге,—

являются для нас фактором развития и в определенной мере фактором, стабилизирующим нашу экономику. Ориентация чехословацкого машиностроения на советский рынок оказала влияние на размах и структуру промышленно-капитального строительства в ЧССР. Были реконструированы и заново построены значительные производственные мощности, особенно в тяжелом машиностроении... Мы глубоко убеждены в том, что следует и впредь искать возможности расширения полезных контактов между машиностроителями ЧССР и СССР.

Большие выгоды приносит это экономическое сотрудничество и Советскому Союзу. Чехословацкие поставки машин и оборудования помогают СССР в решении главной задачи — создании материально-технической базы коммунизма, увеличении производства товаров народного потребления.

...На «энергетическом перекрестке» Европы находится Чехословакия, а ее энергосистема занимает центральную часть объединенной энергосистемы европейских стран социализма «Мир». Вот почему именно в Праге было создано Центральное диспетчерское управление этой международной системы. Отсюда идут нити управления в ГДР, Польшу, Советский Союз, Румынию, Болгарию, координируя планово-режимную и оперативную деятельность государственных диспетчерских управлений всех этих стран в соответствии с заданной программой. Всей работой Центрального диспетчерского управления руководит Совет ЦДУ, созываемый периодически несколько раз в год, оперативное руководство осуществляет дирекция, формируемая из специалистов-энергетиков всех стран-участниц.

— Что дает система «Мир» членам СЭВ? — спросил я как-то одного из работников представительства СССР в СЭВ.

— Во-первых, она облегчает им взаимные поставки электроэнергии, которые, кстати говоря, возрастают с каждым годом. Чехословакия, уже соединившая через «Мир» свою энергосистему с энергосистемами СССР, ГДР, Польши, Румынии, Венгрии и Болгарии, является самым крупным импортером электроэнергии; в 1967 году она получила от стран

СЭВ 2,2 миллиарда киловатт-часов электроэнергии. Крупнейший экспортер — Советский Союз поставил братским странам в том же 1967 году около 1,8 миллиарда киловатт-часов электроэнергии.

Активно сотрудничает Чехословакия и в эксплуатации трансъевропейского нефтепровода «Дружба», протянувшегося на 4648 километров с берегов Волги через территорию пяти стран: Советского Союза, ГДР, ЧССР, Польши, Венгрии. Сколько нефти получает по нефтепроводу Чехословакия?

В феврале 1962 года был сдан в эксплуатацию чехословацкий участок нефтепровода, и построенный к тому времени нефтеперерабатывающий завод у Братиславы принял первую советскую нефть. С тех пор к 1 сентября 1968 года в Чехословакию было перекачано 32,8 миллиона тонн нефти; она получила наибольшее количество среди других участников строительства нефтепровода «Дружба», по которому за это же время поступило из Советского Союза в Польшу — 12,2 миллиона тонн, в ГДР — 21,1 миллиона, в Венгрию — 11,0 миллиона тонн.

Но вернемся в Комарно. За годы народной власти здесь возник один из новых промышленных центров Чехословакии. На берегу Дуная выросли верфи судостроительного завода, и чехословацкие рабочие энергично принялись за освоение производства новой для них продукции. Но потребности республики в речных судах были невелики. Перспективы открылись благодаря заказам Советского Союза, которые обеспечили работой словацких судостроителей на десятки лет.

— Без советских заказов,— сказал по этому поводу один из ответственных сотрудников Госплана ЧССР,— немыслимо себе представить судостроительные заводы в Праге и Комарно, как, впрочем, и дизелестроительные заводы в Праге и Плотиште, заводы химического машиностроения в Дечине, Брно, Кошицах...

Летом 1952 года был спущен на воду первый дизель-электроход, созданный комарненскими судостроителями по заказу Советского Союза. С тех пор судостроение стало важной отраслью республики.

В сентябре 1968 года внешнеторговая организация

Чехословакии «Стройэкспорт» подписала новый контракт с советским объединением «Судоимпорт». Этим контрактом предусмотрена поставка из Чехословацкой Социалистической Республики в СССР в течение 1969 года пятнадцати озерно-речных грузовых теплоходов грузоподъемностью 2700 тонн каждый.

Ныне комарненские суда хорошо известны не только речникам Советского Союза, но и Венгрии и Польши. Чехословацкие судостроители начали с 800-тонных теплоходов и буксиров, а сейчас со стапелей верфи сходят теплоходы и рефрижераторы в несколько раз большей грузоподъемности. Вот они покачиваются у причалов на легкой дунайской волне. И когда любуешься строгостью их линий, изяществом отделки, то не можешь без глубокого уважения думать о рабочих и инженерах, строящих эти суда.

— Первые суда,— рассказывает главный конструктор верфи,— мы делали по проектам советских специалистов. А сейчас разрабатываем проекты новых грузовых и пассажирских теплоходов собственными силами. Однако мы регулярно консультируемся с советскими инженерами, ведем переписку с научно-исследовательскими институтами СССР.

Кстати, Советский Союз сыграл решающую роль в подготовке кадров чехословацких судостроителей. Почти все инженеры Комарненской верфи, например, окончили вузы в СССР. С каждым новым судном, которое выходит из Комарно на широкий плес Дуная, растет мастерство молодых судостроителей Чехословакии...

Просчеты теоретиков и практиков капитализма

Судостроение не единственная новая отрасль, созданная в Чехословакии за послевоенные годы. На полях страны появились гусеничные тракторы и зерновые комбайны отечественного производства, в шахтах — изготовленные чехословацкими машиностроителями угольные комбайны, на железных дорогах — скоростные электровозы чехословацкой конструкции, в долинах Вага, Оравы, Лабы и на других крупных стройках работают отечественные шагающие экскаваторы и землеройные снаряды...

Победа нового общественного строя открыла перед страной небывалые возможности экономического и культурного расцвета. После первой мировой войны Чехословакии понадобилось для восстановления своего народного хозяйства десять лет. Вторая мировая война и фашистская оккупация нанесли неизмеримо больший урон, однако уже в 1948 году, то есть менее чем через три года после освобождения, было в основном завершено послевоенное восстановление страны, а промышленное производство превысило довоенный уровень.

Особенно быстрый подъем начался в экономике Чехословакии после исторической февральской победы 1948 года. Не оправдались надежды старых хозяев и их зарубежных покровителей, рассчитывавших, что чехословацкий рабочий класс, не имея опыта управления производством, не справится с этим сложным делом и попросит их помощи. Первое же десятилетие показало всему миру, что талантливый и трудолюбивый чехословацкий народ может управлять экономикой лучше, чем это делали капиталисты. Промышленность страны все эти годы развивалась такими быстрыми темпами, что к концу десятилетия уже давала продукции в 3 раза больше, чем до войны. Далеко позади осталось то, чего достигли капиталисты за двадцать лет существования буржуазной республики, поднявшие промышленное производство всего лишь на 36 процентов по сравнению с 1913 годом.

В городе Пльзень, одном из крупнейших промышленных центров страны, мне рассказывали, как в мае 1945 года, сразу после освобождения Чехословакии, туда приехал из Соединенных Штатов Форд-младший. Следует напомнить, что несколько раньше здесь побывала американская бомбардировочная авиация. Буквально в последние дни войны, когда всем уже было ясно, что гитлеровская армия разгромлена,— это было 25 апреля 1945 года — 500 американских бомбардировщиков обрушили на Пльзень тысячи тяжелых бомб.

В результате этого бессмысленного с военной точки зрения налета полностью сгорело 28 промышленных объектов, сильно пострадало 33 объекта.

Осмотрев еще дымившиеся развалины заводских корпусов, Форд заявил, что эти предприятия никогда больше не смогут работать в прежнем объеме и нет смысла их восстанавливать. Многие в душе были согласны с его выводами: ведь промышленные мощности были уничтожены более чем на 70 процентов. Кое-кто подумывал даже о том, чтобы перенести предприятия в другой город.

Трудовой энтузиазм народа, который стал полноправным хозяином всех национальных богатств страны и избрал социалистический путь развития, опроверг прогнозы американского капиталиста. Пльзеньские заводы были полностью восстановлены, огромные цехи стали еще просторнее и светлее. В Пльзене говорят, что их «строил весь город, помогала вся страна». В декабре 1951 года по просьбе рабочих коллективов заводам было присвоено имя В. И. Ленина, и сегодня это самый крупный в Чехословакии комбинат тяжелого машиностроения. Объем промышленного производства на пльзеньских заводах уже к 1950 году превысил довоенный уровень, а к 1970 году возрастет по сравнению с 1950 годом в 10 раз.

Несостоятельными оказались и «теории» некоторых западных экономистов, утверждавших, что социалистический способ производства будто бы «не оправдывает себя» в индустриальных странах. Чехословакия, как известно, и до войны имела развитую промышленность, и прежде всего эту страну имела в виду буржуазная пропаганда, широко распространяя подобные «теории». Жизнь опровергла антинаучные утверждения «теоретиков» капитализма столь же решительно, как и прогнозы его незадачливых прорицателей — практиков капитализма.

После победы социалистической революции промышленность Чехословакии начала развиваться несравненно более высокими темпами, чем при буржуазном строе. За пятнадцать лет после освобождения Чехословакия выдвинулась в число первых шести государств мира с наиболее развитой индустрией. По производству промышленной продукции в расчете на душу населения Чехословакия опередила многие высокоразвитые капиталистические страны. Напри-

мер, по металлургической продукции она занимает одно из первых мест в мире, по выплавке стали на душу населения уже давно опередила Великобританию и почти догнала США. По добыче угля (в пересчете на каменный уголь) она в 6 с лишним раз превысила средний мировой показатель. На уровне наиболее развитых стран находится Чехословакия и в области производства станков, турбин, товарных вагонов, кузнечно-прессового оборудования.

Социализм победил в деревне. Проезжая по дорогам Чехословакии, нельзя не обратить внимания на то, что среди раскинувшихся по обе стороны полей преобладают крупные массивы. Это поля производственных кооперативов, которым принадлежит более 91 процента всей пахотной земли. Они, как правило, тщательно обработаны, ухожены.

...Два памятника в Чехословакии всегда вызывали у меня особенно волнующие воспоминания. Первый из них сооружен на Дуклинском перевале, в Карпатах. Здесь в октябре 1944 года части сформированного в СССР первого чехословацкого корпуса под командованием Людвика Свободы вместе с советскими частями, сломив оборону гитлеровцев, начали освобождение территории Чехословакии. В тяжелых боях на Дукле родился лозунг истинных патриотов Чехословакии: «С Советским Союзом на вечные времена. С Советским Союзом и уже никогда иначе!» Генерал Свобода писал в те дни командующему 1-м Украинским фронтом Маршалу Советского Союза Коневу: «Мы вступили на родину плечом к плечу со славными воинами Красной Армии, которых наши народы встретили как освободителей от фашистского ига... Чехословацкий народ вечно будет чтить память тех, кто отдал свою жизнь за его свободу, за счастье его сынов».

— Битва на Дуклинском перевале, в которой ясно проявилось отношение народов Чехословакии к внешнеполитической ориентации страны — союзу с СССР,— сказал ровно 24 года спустя, в октябре 1968 года, генерал Л. Свобода, президент республики,— стала постоянным боевым символом чехословацкой Народной армии.

И сегодня памятник героям дуклинской битвы

символизирует нерушимую советско-чехословацкую дружбу, навечно скрепленную кровью, совместно пролитой воинами двух братских народов.

Другой памятник войны — танк, поднятый на гранитный пьедестал на одной из площадей Праги. Первый советский танк, ворвавшийся на рассвете 9 мая 1945 года в оккупированную гитлеровцами столицу и возвестивший ее освобождение от фашистского ига.

Вспоминая об этом в своих военных мемуарах, маршал И. С. Конев писал, что «Пражская операция отнюдь не носила символического характера, как это иногда пытаются изобразить на Западе. Нам предстояла серьезная борьба с большой группировкой вооруженных сил Германии, на которую делало ставку «правительство» Деница, рассчитывая, что спасение этой группировки даст возможность хотя бы еще на какое-то время продлить существование третьего рейха».

Речь идет о группе немецко-фашистских армий «Центр», в которую входило до полсотни дивизий и шесть групп, действовавших на территории Чехословакии под общим командованием генерал-фельдмаршала Шернера. Это была реальная сила, недаром гитлеровцы еще в начале мая 1945 года, когда красное знамя взвилось в Берлине над рейхстагом, рассчитывали, что они смогут удержать за собой Чехословакию еще не менее трех недель. И когда 5 мая вспыхнуло пражское восстание, немецкий генерал-фельдмаршал Шернер отдал приказ о немедленном подавлении его «всеми средствами», с трех сторон двинув к чехословацкой столице свою огромную армию.

В Праге начались жестокие бои между гитлеровскими войсками и восставшими жителями столицы, пражские мостовые покрылись баррикадами. Восставшие захватили радиостанцию, центральную телефонную станцию, ряд других важных объектов. Но силы были слишком неравны. Против пражан, вооруженных винтовками и гранатами, гитлеровцы бросили танки, авиацию, артиллерию. Фашистские танки во многих местах прорвались к центру города, разворотив баррикады, давя людей. Самолеты на бреющем полете штурмовали улицы, бомбили зда-

ния. Над Прагой, над сотнями тысяч ее жителей нависла смертельная опасность. Истекающий кровью город посылал в эфир позывные о помощи. На четырех языках радио повстанцев обращалось к союзникам: «На помощь, друзья! На помощь!»

...Закончился четвертый день восстания. Наступила ночь на 9 мая. «Это была ужасная ночь,— вспоминает известная чешская писательница Мария Пуйманова, участница пражского восстания.— Легко могло случиться, что мы были бы уничтожены в последний день войны, а от нашей столицы не осталось бы камня на камне».

Но к Праге уже приближались советские танки. Их бросило Советское Верховное командование из района Берлина, как только приняло сообщение о пражском восстании. Танковые корпуса вели на Прагу прославленные генералы Рыбалко и Лелюшенко. Сотни километров отделяли их от Праги, на пути лежали Рудные горы и Судеты с их труднопроходимыми узкими крутыми дорогами, где советских танкистов подстерегали противотанковые орудия и тяжелые танки фельдмаршала Шернера. Кроме того, прошедшие дожди сильно испортили дороги, особенно на равнинных участках пути. Но перед танковыми частями была поставлена задача двигаться с максимальной скоростью.

«Вперед, на Прагу! Спасти ее. Не допустить, чтобы она была разрушена фашистскими варварами!» — под таким лозунгом шло стремительное наступление советских войск. И несмотря на усталость после Берлинской операции, наши войска были исполнены наступательного порыва. Повсюду их с большой радостью, как братьев-освободителей, встречало население Чехословакии.

На рассвете, а точнее, в три часа, 9 мая первые советские танки ворвались в Прагу. Вскоре стихли последние кровавые столкновения в различных районах столицы, на улицы вышли встречать освободителей радостные пражане. Так закончилась их последняя тревожная ночь.

— Но какое замечательное утро наступило после нее,— рассказывала Мария Пуйманова.— Представьте себе: люди ждут смерти и вдруг устремляют свой

взор в новую жизнь. Советская Армия пришла! Ликует, поет и рукоплещет чешская столица. Жители города целуют и обнимают советских воинов, матери подают своих детей. Вы — наши освободители!

Вот какие воспоминания вызывает советский танк, поднятый на гранитный пьедестал на одной из площадей Праги, у подножия живописного Петржина.

...Километрах в двухстах на юго-восток от Праги расположен второй по величине город страны — Брно, центр Южно-Моравской области. В далекие исторические времена он был известен как город-крепость, «бронивший» (отсюда название — Брно) чехословацкие земли от чужеземных завоевателей — турок, шведов, пруссаков. В начале XIX столетия главные укрепления, в частности замок Шпильберг, возвышающийся над всем городом, были в значительной мере разрушены по приказанию Наполеона, победителя в знаменитой Аустерлицкой битве. Это «сражение трех императоров» произошло 20 ноября 1805 года неподалеку от Брно, на холмистых полях у чешского города Славкова, известного ранее под немецким названием Аустерлиц. Ныне об этом сражении напоминает воздвигнутый на вершине самого высокого холма неподалеку от Славкова огромный монумент.

Здесь, у Працкого холма, как бы встретились две эпохи: на граните монумента высечены слова признательности русским воинам, павшим на полях Аустерлица осенью 1805 года, а у подножия холма, в селе Праце, стоит под красной звездой памятник советским воинам, отдавшим свои жизни за освобождение Чехословакии весной 1945 года.

— Нам драга паматка и наших освободителу — славних вояку Руде Армады, а еих прадеду — вояку фельдмаршала Кутузова,— сказал пожилой крестьянин, с которым мы встретились возле памятника на улице села Праце...

Сегодня Брно — крупнейший центр чехословацкого машиностроения и богатого сельскохозяйственного края, город ежегодных международных ярмарок, на которых демонстрируют свои успехи в создании новых высокопроизводительных машин не только Чехословакия, но и другие страны.

«Никогда Мюнхен!» На западе Чехословакии расположен один из красивейших городов страны — Карловы Вары. В долине небольшой реки Тепла и на склонах подступающих к ней с обеих сторон высоких гор раскинул свои кварталы этот шестисотлетний всемирно известный курорт. О многом напоминает чехам и словакам само название курорта, как и расположенных еще западнее Франтишковых Лазен и других городов. Так они назывались веками, с момента своего основания. Чешские города, чешская земля...

Где-то между Карловыми Варами и Франтишковыми Лазнями мне показывали железный столб, забитый якобы в самом центре Европы. Хотя Прага примерно в 150 километрах отсюда, издавна было принято считать, что территориально именно она является европейским центром. Здесь в старые времена скрещивались пути различных иностранных миссий, рождались разные дипломатические комбинации, плелись международные интриги...

Чехословацкий трудовой народ не имел ко всему этому никакого отношения. Да и его родина была тогда всего лишь разменной монетой в большой игре империалистических хищников. Лишенная возможности проводить самостоятельную политику, отвечающую ее национальным интересам, она в период между двумя мировыми войнами была, как заявил один видный деятель этой страны, по существу, «сателлитом Франции, которая правящему классу Чехословакии определила особую роль в создании своих державных позиций в Средней и Восточной Европе. Буржуазная Чехословакия была послушным орудием антисоветских интриг международного империализма».

Чем в конце концов все это закончилось, известно: мюнхенским предательством, за которым последовало порабощение растерзанной Гитлером страны.

Мюнхенских «миротворцев» меньше всего беспокоила судьба Чехословакии как таковой. Их позицию в сентябрьские, трагические для чехословацкого народа, дни 1938 года недвусмысленно изложил Невиль Чемберлен, который охарактеризовал Чехословакию как маленькую, незначительную страну где-то в

Центральной Европе, проблемы которой, по его словам, не стоят того, чтобы из-за них подвергся опасности хотя бы один английский гражданин. Когда сговор в Мюнхене состоялся, Чемберлен и Даладье удовлетворенно пожимали руки Гитлеру и Муссолини. Так, по словам тогдашнего французского посла в Берлине Франсуа-Понсе, питавшего слабость к красивым фразам, «умирающему было дано последнее причастие».

В этот решающий момент только Советский Союз остался верен союзническому договору от 1935 года. По просьбе Советского правительства Клемент Готвальд известил президента Бенеша о готовности СССР оказать Чехословакии всю необходимую помощь. «Советский Союз с нами при всех обстоятельствах»,— писала в те дни «Руде право». Но предложение истинного друга было отвергнуто. Бенеш и его окружение беспокоились не столько о судьбах Чехословакии, сколько о том, как писал в Прагу из Лондона после Мюнхена сам Бенеш, чтобы «защитить Европу от социального разложения или прямого большевизма».

Бенеш накануне Мюнхена заверял своих лондонских друзей, что отношения Чехословакии с Советским Союзом всегда будут полностью зависеть от позиции Франции и Великобритании. «Только наличие франко-русского союза,— говорил он английскому посланнику Ньютону в мае 1938 года,— сделало возможным союз Чехословакии с Россией. Если же, однако, Западная Европа перестанет быть заинтересованной в России, то и Чехословакия от нее отвернется. Она всегда будет следовать за Западной Европой, всегда будет с ней связана и никогда не пойдет с Восточной Европой...»

Вот почему после циничного предательства Чехословакии Чемберленом и Даладье Бенеш без особого труда дал себя уговорить сдаться на милость агрессора, Судеты перешли к Германии.

И тогда исконно чешские Карловы Вары стали Карлсбадом. Немецкие капиталисты захватили целебные источники, завладели курортом, строили здесь себе дачи, пансионы, отели... Только социалистическая революция все это отобрала у них и передала чехословацкому народу. Не потому ли и сегодня

не могут спокойно говорить об этом в Западной Германии. «Скорее Чехословакия будет второй раз разбита, чем Карлсбад будет вечно называться Карловы Вары!» — вопил весной 1968 года глава «землячества судетских немцев», депутат бундестага Вальтер Бехер на одном из сборищ в Мюнхене.

Но дело, конечно, не только и даже не столько в Карловых Варах. Мюнхенский сговор Англии и Франции с Гитлером в ночь с 29 на 30 сентября 1938 года имел далеко идущие последствия не только для Чехословакии, но и для всего мира. Явившись логическим следствием проводившейся Западом политики поощрения гитлеровской агрессии на Восток, он был для Гитлера лишь первым шагом к поглощению Чехословакии и развязыванию войны в Европе. Через полгода фашистские войска оккупировали всю Чехословакию, еще через полгода напали на Польшу, потом — на Данию, Норвегию, Голландию, Бельгию...

Мюнхен был началом мировой катастрофы, которая стоила огромнейших жертв всем народам, и в том числе чехам и словакам. Людские потери Чехословакии исчисляются 360 тысячами человек. Нацисты начисто сожгли Лидице, Лежаки, десятки других чешских и словацких сел, уничтожив их население. Только на территории так называемого «протектората Чехия и Моравия» обнаружены 124 массовые могилы. В разных районах страны гитлеровцы создали 47 концлагерей, в которых погибли десятки тысяч людей. Полмиллиона чехов и словаков нацисты вывезли на принудительные работы в Германию. Подсчитано, что общий ущерб, нанесенный народному хозяйству ЧССР за годы немецкой оккупации, превысил 700 миллиардов крон.

Надо ли удивляться тому, что трудовой народ этой страны остро реагирует на растущую агрессивность политики Бонна, поощряемую западными державами?

«Нигды Мнихов!» («Никогда Мюнхен!») — этот лозунг можно видеть повсюду.

Огромное беспокойство вызывают провокационные вылазки западногерманских реваншистов, которые снова требуют «возвращения» Западной Герма-

нии исконных чешских Судет, время от времени поднимают античехословацкую возню, устраивая так называемые «судетские дни» и т. д.

В 1960 году мне довелось присутствовать на грандиозной манифестации единства чехов и словаков, которая явилась своеобразным ответом на античехословацкие происки. Более 150 тысяч человек собралось на чехословацко-австрийской границе близ словацкой столицы Братиславы, на исторической скале Девин, гордо поднявшейся над Дунаем.

— В единстве и нерушимой дружбе наших народов со всеми социалистическими странами, в могуществе лагеря социализма черпаем мы наш оптимизм и спокойную уверенность,— сказал нам братиславский рабочий-строитель Стефан Моравинский, с которым мы познакомились на Девине.— Разве не ясно, что растущая мощь Советского Союза и всего нашего лагеря оказывает сегодня решающее влияние на всю международную обстановку! Нет, трудновато им будет начать войну, не те времена. Никогда больше не будет судьба Чехословакии решаться в Лондоне или Париже, в Вашингтоне или Мюнхене!..

Все это невольно приходит в голову, когда останавливаешься у столба «в центре Европы». В городе Либерец, что в нескольких километрах от границы с ГДР, мы видели другой столб — железный пограничный столб с красно-бело-синими полосами и чехословацким гербом. Любопытна и весьма многозначительна его история. В сентябрьские дни 1938 года, когда гитлеровцы с благословения западных «гарантов» нагло вторглись в Чехословакию, этот полосатый пограничный столб был вырван ими из чехословацкой земли и увезен в Германию.

— Судеты никогда не будут чешскими,— похвалялись тогда гитлеровские налетчики, точь-в-точь как их нынешние преемники — западногерманские реваншисты.

После окончания войны чехословацкий пограничный столб некоторое время хранился в одном из музеев Германской Демократической Республики, неподалеку от чехословацкой границы. В сентябре 1951 года в Либерец прибыла делегация трудящихся ГДР и торжественно передала памятный столб «как

свидетельство прочной дружбы трудящегося народа Германской Демократической Республики с трудящимися Чехословакии, как столб мира и нерушимости нынешних границ».

Да, конечно, прав был Стефан Моравинский, не те времена.

Чехи и словаки, которые столетиями угнетались империей Габсбургов, а в годы второй мировой войны испытали на себе кровавый режим гитлеровской оккупации, не меньше, чем кто-либо, заинтересованы в ликвидации остатков войны, используемых для разжигания в Западной Германии реваншистских настроений. Ни для кого не секрет, что именно западногерманские реваншисты играют особую роль в борьбе мировой реакции против Чехословацкой Социалистической Республики. Они отнюдь не оставили своих планов реванша, надеясь вернуть захваченные во время оккупации, а затем утраченные земли, заводы, банки. «Мы вернемся на наши коренные земли. Это будет родина без чехов и без коммунистов»,— не один раз повторял за последние годы лидер «землячества судетских немцев» Зеебом, который был некоторое время министром боннского правительства.

Особое беспокойство вызывает у чехов и словаков то обстоятельство, что в Западной Германии в новых условиях вновь пробиваются к власти силы, уже однажды бросившие мир в кровопролитную войну. Снова вынашиваются планы повторения агрессии против соседних социалистических стран, и прежде всего против Чехословакии, занимающей ключевое положение в Европе. При этом наследники бесноватого фюрера, повторяя излюбленные приемы гитлеровцев, пытаются подорвать внутреннее положение страны, избранной ими в качестве жертвы, и одновременно добиться ее внешнеполитической изоляции.

Еще в конце 1961 года Национальное собрание Чехословакии в соответствии с волей всего народа республики обратилось к парламентам государств всего мира с призывом самым действенным образом содействовать «решению германской проблемы».

Чехословацкий народ, ставший одной из первых жертв нацистской агрессии, говорилось в обращении,

имеет полное моральное право решительно выступить за осуществление мирных предложений Советского Союза по германскому вопросу. Восемь лет спустя в программном заявлении правительства ЧССР, принятом 30 января 1969 года, говорилось: «По-прежнему считая возможным нормализовать взаимные отношения между ЧССР и ФРГ, мы неоднократно подчеркивали и вместе с союзниками закрепили в документах основные предпосылки, которые должны создать боннское правительство, признав, в частности, недействительность мюнхенского соглашения с самого начала. Необходимо, чтобы в Западной Германии восторжествовали силы, которые видят будущее немецкого народа в условиях мира и плодотворного сотрудничества со всеми народами».

Но вернемся в Карловы Вары. Во второй половине апреля 1967 года здесь собрались представители 24 коммунистических и рабочих партий Европы. На повестке дня конференции стоял один вопрос: проблема европейской безопасности. Этот вопрос глубоко волнует всю Европу, и в том числе дунайские страны, особенно те из них, которые уже дважды на протяжении жизни одного поколения испытали на себе всю тяжесть разрушительных действий сил войны. Тревогу вызывает откровенная ставка мирового империализма на укрепление ФРГ как боевого бастиона, выдвинутого вперед против социалистических стран, на поощрение им реваншизма, ставшего основой официальной государственной политики в этой стране.

Один из участников встречи — это был Владислав Гомулка — в своем выступлении решительно предостерег против опасных устремлений Западной Германии перечеркнуть результаты поражения гитлеровской империи и под лозунгом «объединенной Германии» аннексировать ГДР, возвращенные в лоно матери-родины западные земли Польши, Чехословакии, Советского Союза.

— Социализм,— сказал тов. Гомулка,— в корне преобразил жизнь народов в тех странах, где он стал господствующим строем, в то же время изменил соотношение классовых сил в Европе... Ни одна евро-

пейская проблема не может быть решена вопреки силам социализма, вопреки коммунистическим и рабочим партиям или без их участия... Мы, коммунисты Европы, *никогда не допустим, чтобы могли быть нарушены исторические результаты победы сил социализма и демократии над фашизмом, окупленной столь дорогой ценой.*

Вряд ли можно было в дни Карлововарской встречи предположить, что не пройдет и полутора лет, как возникнет ситуация, которая потребует решительно выступить против попытки нарушения «исторических результатов победы сил социализма». Речь идет о событиях в Чехословакии летом 1968 года. Эти события убедительно показали, что именно западногерманским реваншистам отводилось и отводится особое место в планах отрыва Чехословакии от социалистического содружества, ослабления оборонительной системы Варшавского Договора, т. е. в конечном итоге изменения соотношения сил в Европе в пользу империализма.

Осуществление этих планов международная реакция связывала с начавшимся к тому времени оживлением подрывной деятельности антисоциалистических сил в самой Чехословакии. И в Бонне, и за океаном даже не скрывали этого. «Боннер рундшау» писала: «В Праге должно было решиться, в состоянии ли «наступление Федеративной республики на восток» прорвать социалистический фронт или нет». А пентагоновский еженедельник «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», рисуя перспективу отрыва Чехословакии от социалистического содружества, прямо писал: «Тогда Чехословакия превратится в коридор, по которому войска Запада смогли бы подойти прямо к порогу России».

Дошло до того, что в Бонне начали открыто «прикидывать», что выгоднее: создать вдоль юго-западных границ СССР «пояс нейтральных, если не антисоветски настроенных коммунистических стран», или некую «дунайскую федерацию», или «буферную зону». При этом все немецкие реваншисты были согласны с боннским министром Штраусом, который в своей книге «Проект для Европы» писал, что «коммунистические режимы должны быть полностью

ликвидированы: образ и стандарт жизни Восточной Европы должны быть приспособлены к образу жизни Западной Европы». Что касается Чехословацкой Социалистической Республики, то близкая к боннским правящим кругам газета «Генераль-анцайгер» прямо потребовала возврата к Мюнхену, следующим образом сформулировав планы западногерманских реваншистов: «Судетские немцы будут ожидать от Чехословакии, освобожденной от коммунизма, возврата к мюнхенскому соглашению, по которому осенью 1938 года Судетская область отошла к Германии».

Конечно, силы внутренней реакции и международного империализма учли опыт контрреволюции 1956 года в Венгрии и применили в Чехословакии иную, более утонченную тактику. Образно выражаясь, на смену «контрреволюции с автоматом» пришла «бесшумная», «ползучая» контрреволюция. На этот раз силы контрреволюции стремились добиться ликвидации социалистических завоеваний, прикрываясь лозунгами о необходимости «улучшения», «либерализации» социалистического строя. Это была глубоко продуманная идеологическая диверсия, в ходе которой тесно переплетались действия международной реакции и антисоциалистических сил в Чехословакии. «Начиная с января (1968 года.— *Авт.*),— писала газета «Франкфуртер альгемайне»,— события в Чехословакии и исходящие от Бонна импульсы взаимно окрыляли друг друга». «Наши симпатии принадлежат Чехословакии, ибо там идет борьба вокруг социалистического порядка»,— писал в те дни один из боннских министров, Хек.

Мне не довелось в августовские дни 1968 года побывать в ЧССР, но в Югославии, где я тогда находился с официальной делегацией Союза советских журналистов, у нас было немало горячих споров с югославскими коллегами по поводу событий в Чехословакии. И в Загребе, и в Сараево, и особенно в Белграде мы видели, как неправильно истолковывали эти события местные газеты и радио, хотя многие из журналистов, с которыми мне приходилось говорить с глазу на глаз, рассуждали более здраво, с пониманием существа дела.

По возвращении в Москву я много беседовал со своими друзьями-журналистами и военными, побывавшими в жаркие дни августа в ЧССР.

— Замыслы антисоциалистических сил в Чехословакии,— говорили они мне,— у нас не вызывали сомнения: под видом поисков «новой модели» социализма добиться ликвидации социалистического строя в Чехословакии вообще, вырвать власть из рук рабочих и крестьян, подорвать дружбу ЧССР с СССР и другими братскими странами, отторгнуть ее от социалистического содружества.

С этой целью контрреволюционное подполье сколачивало свои силы под безобидными на первый взгляд вывесками различных клубов. Был, например, «Клуб 231», в котором к августу 1968 г. насчитывались десятки тысяч человек: бывших нацистов, эсэсовцев и гейнлейновцев, реакционного духовенства и т. д. Политическое кредо этого «клуба» достаточно ясно изложил его генеральный секретарь Я. Бродский, который на одном из сборищ заявил: «Самый лучший коммунист — это мертвый коммунист, а если он еще жив, то ему следует выдернуть ноги».

На такой же «платформе» стоял и другой контрреволюционный клуб — «КАН», клуб беспартийных активистов. Один из его руководителей и идейный «вождь», И. Свитак, обращаясь к гражданам ЧССР через сеть подпольных радиостанций, кстати широко разветвленную по всей стране и хорошо замаскированную, призывал: «Тащить на виселицу тех, кто питает симпатии к Советскому Союзу и союзным войскам». Были и другие «клубы» такого же толка. Все активнее выступала нелегально воссозданная партия правых социал-демократов, тесно сотрудничавшая с западными разведками и так называемым Социалистическим интернационалом, чтобы, как выразился один из ее деятелей, Я. Шишкин, «нанести коммунистам последний удар», опираясь на свое «международное руководство».

Представляет интерес сообщение в одном американском журнале, «Прогрессив», полученное от его корреспондента в Праге. «Если молодежь выражает нетерпение по поводу темпа развития нового комму-

низма,— писал он в июне 1968 года,— то правые элементы, которые хотели бы возвращения назад, не к Масарику, а к Габсбургам, надеются, что экстремизм довольно широко распахнет дверь, чтобы вытолкать за нее коммунистов, и осуществит мечту о частной собственности и частных прибылях. Это люди... которые двадцать лет произносили свои вечерние молитвы, стоя на коленях с лицом, обращенным на Запад».

Это вполне устраивало западных организаторов идеологической диверсии, соответствовало их планам и замыслам. Кстати, в Чехословакии находилось к середине августа 10—12 тысяч западных немцев, а также до 4 тысяч американцев и большое число итальянцев, французов, англичан, прибывших туда под видом туристов, бизнесменов и т. д. «Все агенты ЦРУ в Соединенных Штатах, особенно те, которые пользовались либеральной или социалистической репутацией,— писал по этому поводу Генеральный секретарь Коммунистической партии США Гэс Холл,— устремились в эти недели в Прагу...» Происходила всемирная мобилизация идеологических и политических кадров империализма в Чехословакии.

Так сложилась ситуация в Чехословакии в середине августа 1968 года. Газета крупнейших западногерманских монополий «Мюнхенер меркур» уже торжествовала: «Если такое пробьется не только в Чехословакии, но и во всем восточном пространстве, то возможно... коммунизму придет конец». Переходя на военный язык, западногерманская газета «Националь цайтунг», известная своими тесными связями с вермахтовским генералитетом, так определила желательные для себя последствия политического развития в Чехословакии: выход ЧССР из Варшавского Договора, что «оставило бы огромную брешь на югозападном фланге... К тому же следует учитывать столетиями проверенное стратегическое значение Богемии. Она — ворота для вторжения как с востока на запад, так и с запада на восток».

Возникла реальная опасность самому социализму в Чехословакии. Братские партии, союзники ЧССР по Варшавскому Договору не могли оставаться в сто-

роне, ибо мировой социализм, как детище международного коммунистического движения, неделим, и его защита — общее дело всех коммунистов, всех трудящихся, в первую очередь народов социалистических стран. Этому учит марксизм-ленинизм, это записано в решениях ряда международных совещаний коммунистических и рабочих партий. В Братиславском заявлении, подписанном 3 августа 1968 года руководителями коммунистических и рабочих партий Болгарии, Венгрии, Германской Демократической Республики, Польши, Советского Союза и Чехословакии по поводу социалистических завоеваний, говорится, что «поддержка, укрепление и защита этих завоеваний, доставшихся ценой героических усилий, самоотверженного труда каждого народа, является общим интернациональным долгом всех социалистических стран».

В результате совместных усилий братских стран и социалистических сил в самой Чехословакии угроза контрреволюционного переворота в этой стране была предотвращена.

Надежной гарантией социалистического будущего Чехословакии служат дальнейшее укрепление советско-чехословацкой дружбы, единство и монолитность всего социалистического содружества.

ГЛАВА III

НА ВЕНГЕРСКОЙ ЗЕМЛЕ

Когда друзья рядом

Вскоре после Комарно обширная низменность, что раскинулась слева и справа от Дуная, на венгерской стороне постепенно переходит в холмистую местность. Все выше и круче становятся дунайские берега. Дунай здесь круто поворачивает на юг. Позади остается Чехословакия, и река почти от самой Братиславы, то есть на протяжении 160 километров, служившая чехословацко-венгерской границей, течет теперь по венгерской земле. С севера, со стороны Карпат, к ней вплотную подступает Верхневенгерское нагорье, внутри излучины жмутся к Дунаю невысокие горы Среднедунайской гряды.

Словно тяжелый меч рассекает эту цепь горных массивов полноводный Дунай, образуя живописное Вишеградское ущелье. Здесь начинается самая богатая промышленная область народной Венгрии. На севере в недрах Бёржёня, Матры и других отрогов Карпат таятся крупнейшие в стране запасы бурого угля и залежи железной руды, а также марганцевых руд и цветных металлов. Здесь же день и ночь дымят трубы металлургических предприятий. За последние годы неузнаваемо изменился этот важный и все более растущий Боршод-Мишкольцский район венгерской тяжелой индустрии. Реконструированы мартены и электропечи в Диошдьёре, воздвигнута

мощная, полностью автоматизированная домна. Строится агломерационная фабрика в комитате Боршоде. Произошли и другие изменения, вызванные тем, что в различных районах Венгрии в последние годы были разведаны значительные запасы природного газа; они превышают 100 миллиардов кубометров. Это позволило в несколько раз увеличить его добычу и постепенно заменять им малокалорийный венгерский уголь. В районе Хайдусобосло, где находится более половины всех разведанных запасов природного газа, в 1965 году построена крупнейшая в стране газонасосная станция. Отсюда по газопроводам ежедневно направляются в северный промышленный район миллионы кубометров газа.

Но здесь не только варят сталь. Это край большой химии, цемента и тканей, различных промышленных предприятий и технических институтов, новых рабочих поселков и современных городов. В долине реки Шайо вырос город Казинцбарцика, который еще недавно даже не значился на картах. Теперь это новый центр венгерской большой химии. Построенный здесь химический комбинат дает больше половины всех минеральных удобрений, производимых в стране, многие тысячи тонн поливинилхлорида и каустической соды. Природный газ, который поступает в Казинцбарцику по трубопроводу из Хайдусобосло, не только используется как топливо, но и является исходным сырьем: в 1968 году здесь вступила в строй установка по переработке природного газа, строится завод химического волокна.

Казинцбарцику сами венгры называют городом юности. Не только потому, что он сам молодой, но и потому, что здесь живет и работает главным образом молодежь. Дважды довелось мне побывать в этом городе, ходить по его широким ровным улицам, любоваться удобными современными домами. А когда мы вместе с молодым венгерским инженером осматривали цехи химического комбината, мощную теплоэлектростанцию, что выросла рядом, мой спутник, неплохо говоривший по-русски, сказал:

— Эти гигантские компрессоры поставил нам Советский Союз. Советские заводы изготовили и советские специалисты помогли нам установить прибыв-

шее из СССР оборудование для переработки природного газа...

В те дни, весной 1964 года, в Казинцбарцику приехала по приглашению венгерских друзей советская партийно-правительственная делегация. Тысячи людей вышли на улицы города с цветами и флагами. На кумачовых транспарантах были начертаны слова братской дружбы, обращенные к советским людям. Собрался митинг.

«Здесь, в городе Казинцбарцика,— сказал первый секретарь Центрального Комитета Венгерской социалистической рабочей партии Янош Кадар,— каждый знает, что венгеро-советская дружба является животворной действительностью... В народе Советского Союза мы нашли не только друга, помогающего в труде, но и верного, сильного товарища по оружию, защитника нашего мира».

Мне вспомнились слова Шандора Петефи, гениального венгерского поэта. «У нас нет в мире народа-брата, которого мы могли бы просить о помощи, который бы нам помог; мы одиноки, как дерево в пустыне»,— писал Петефи более ста лет назад. В его словах — чувство обиды и одиночества, свойственное венграм в прошлом. Столетия чужеземного господства, опустошительные набеги монгольских орд Батыя, сто пятьдесят лет турецкого владычества, почти четыреста лет господства австро-германской династии Габсбургов...

Свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция, разгромлен гитлеризм, пришла свобода на венгерскую землю. И, как бы отвечая Шандору Петефи, его соотечественники говорят сегодня устами Яноша Кадара:

— В ходе нашей истории мы наконец нашли такого друга, который бескорыстно оказывает нам помощь, он является верным другом и в радости, и в горе, поддерживает нас в наших больших начинаниях...

— Мы, венгры,— сказал мне как-то один венгерский журналист,— нашли свое место в мире, и это место — рядом с Советским Союзом, в семье социалистических стран.

К 20-летию освобождения страны венгерские ки-

нематографисты выпустили документальный цветной фильм с весьма примечательным названием: «Вместе». В нем речь идет о совместных усилиях Венгрии, Советского Союза и других социалистических стран в различных областях экономики. Разумеется, выдающихся успехов за годы свободной жизни эта страна добилась, используя, прежде всего, инициативу и труд своего талантливого народа. Вместе с тем Венгрия получает помощь братских стран, тесно сотрудничает с ними, применяет у себя опыт и достижения в области производства, науки, техники.

Видный государственный деятель Венгрии Антал Апро привел как-то очень интересные данные о своей родине и ее сотрудничестве с другими странами. Было это весной 1967 года. Поводом послужили два немаловажных события: в том году вступило в действие советско-венгерское соглашение о сотрудничестве в развитии алюминиевой промышленности и было подписано соглашение о строительстве в Венгрии первой атомной электростанции.

Венгрия — сравнительно небольшая страна с высокой плотностью населения (109 человек на квадратный километр) — располагает развитой промышленностью и крайне ограниченными сырьевыми и энергетическими ресурсами.

— Поэтому,— сказал Антал Апро,— так много значит для нашей страны всестороннее экономическое сотрудничество с другими государствами, прежде всего с социалистическими. Объем венгерского экспорта превышает треть ее национального дохода, почти четверть населения занята в производстве продукции на экспорт. Значительную часть сырья, материалов и электроэнергии Венгрия вынуждена импортировать. Дальнейшее развитие производительных сил, повышение жизненного уровня народа могут быть обеспечены только благодаря еще более активному участию нашей страны в международном социалистическом разделении труда.

— Международное экономическое сотрудничество социалистических стран,— говорили мне венгерские друзья,— не временное, преходящее явление, а закономерный исторический процесс. И венгерская общественность все более сознает, что национальные

интересы страны требуют деятельного участия в нем. В этом мы видим важную предпосылку полной победы социализма, построения нового общества...

Среди внешнеторговых партнеров Венгрии очень важное место занимает Советский Союз.

До войны удельный вес Советского Союза во внешнеторговом обороте Венгрии составлял 0,1 процента, в 1950 году он достиг 25 процентов, в 1965 году — 33 процентов, а к 1970 году возрастет примерно до 40—42 процентов.

Структура советско-венгерского товарообмена отражает природные и экономические особенности каждой из стран. Венгрия, например, экспортирует преимущественно промышленные и сельскохозяйственные товары. В СССР вывозится более 90 процентов экспортируемой продукции судостроения, свыше двух третей средств связи, более половины продукции приборостроения. Советский Союз поставляет взамен машины, топливо и сырье. Машины и различное оборудование составляют примерно 28 процентов венгерского импорта из СССР. Советские поставки сыграли важную роль в индустриализации Венгрии. Без этого, как отмечали венгерские друзья, их страна не смогла бы решить за сравнительно короткое время серьезные задачи развития промышленности и всего народного хозяйства.

Особенно большое значение имеют для ВНР советские поставки электроэнергии по высоковольтной линии передач, объединяющей энергетические системы СССР и Венгрии. Венгерские электростанции, выработавшие в 1967 году примерно 11 миллиардов киловатт-часов электроэнергии, не в состоянии удовлетворить быстро растущие потребности промышленности и бытовые нужды населения. Поэтому страна вынуждена более 10 процентов потребляемой электроэнергии импортировать, в основном из Советского Союза. Кроме действующей уже электролинии системы «Мир» строится еще одна высоковольтная линия электропередач. Ее протяженность — 500 километров. Подсчитано, что за годы третьей пятилетки ВНР получит из Советского Союза более 10 миллиардов киловатт-часов электроэнергии.

Одновременно в самой Венгрии ведутся энергич-

ные поиски более эффективных источников топливной энергии, чем венгерские угли, отличающиеся крайне низкой калорийностью. На первое место выходят нефть и газ.

Большое значение придают венгерские экономисты и энергетики сооружению первой атомной электростанции мощностью 800 тысяч киловатт. Венгрия намерена строить ее, кооперируясь с Советским Союзом. Это будет усовершенствованная копия Нововоронежской атомной электростанции. По предварительным подсчетам, атомная электростанция уже в 1975 году будет давать 15—16 процентов потребляемой в стране электроэнергии, что значительно улучшит энергетический баланс Венгрии.

...Справа к самому Дунаю подходит цепь невысоких гор, которая заканчивается у юго-западной оконечности озера Балатон обширным горным массивом Баконь. Это колоссальная подземная кладовая венгерского серебра, как называют здесь алюминий, добываемый из боксита. По запасам этой ценной руды Венгрия занимает одно из первых мест в мире, и добыча бокситов, уже достигшая уровня миллиона тонн в год, к 1975 году удвоится.

Однако переработка бокситов в алюминий требует огромного количества электроэнергии. Известно, что на производство тонны алюминия ее затрачивается в 50—70 раз больше, чем на выплавку тонны стали. Венгерские специалисты подсчитали, что плавильный завод средней мощности в Бакони потребует электричества больше, чем весь Будапешт вместе с городским транспортом. Между тем Венгрия и без того испытывает недостаток в электроэнергии и не смогла бы, как заявил однажды в интервью Антал Апро, решить задачу экономического использования запасов бокситов, если бы опиралась только на собственные силы.

На помощь пришел Советский Союз. Руководствуясь принципами международного социалистического разделения труда и взаимной помощи, наша страна обязалась переплавлять венгерские бокситы на алюминий, используя собственные источники электроэнергии. В начале 1967 года вступило в действие заключенное между СССР и Венгрией согла-

шение о сотрудничестве в развитии венгерской алюминиевой промышленности. Венгерский глинозем пошел по трассе Дунай — Черное море — Волго-Донской канал — Волжская ГЭС. В конечном пункте — в Куйбышеве электроэнергия волжской гидростанции, которая в 3—4 раза дешевле венгерской, в огромных печах переплавляет задунайский глинозем в слитки серебристого металла. Затем они отправляются в обратный путь, чтобы на заводах Венгрии превратиться в кабель, фольгу, штамповки...

Так сложился советско-венгерский алюминиевый конвейер Дунай — Волга — Дунай. В чем его выгоды для Венгрии и для Советского Союза? «Значительным преимуществом соглашения,— писала по этому поводу венгерская газета «Непсабадшаг»,— является то, что мы сможем предлагать на мировом рынке не сырье, а полуфабрикаты и готовую продукцию». Насколько это выгоднее, видно из приведенных той же газетой цифр: тонна глинозема в 4 раза превышает по стоимости тонну бокситов, тонна алюминиевых слитков — в 10 раз, полуфабриката — в 16, а готовой продукции — в 36 раз. До освобождения Венгрия вывозила 92 процента бокситов в виде первичного сырья, то есть по самой дешевой цене. С 1945 по 1964 год 60 процентов всего производства этой отрасли промышленности все еще составляли бокситы, 30 процентов — глинозем и лишь около 10 процентов — полуфабрикаты и готовая продукция. Соглашение позволит стране увеличить к 1980 году долю этой наиболее ценной продукции почти до 60 процентов.

Все расчеты между двумя странами производятся на основе существующих взаимовыгодных цен. В оплату пойдут традиционные товары венгерского экспорта.

Чем выгодно это соглашение для Советского Союза? На эту тему мне довелось разговаривать с видными советскими экономистами. Переработка глинозема в алюминий, сказал один из них, для нас экономически более выгодна, чем экспорт электроэнергии, скажем, в ту же Венгрию, потому что мы избегаем неизбежных при этом крупных потерь на линиях электропередач.

Так братское сотрудничество с социалистической страной позволило венгерскому народу на основе взаимной выгоды решить одну из своих крупнейших народнохозяйственных проблем. Это — новое подтверждение того, что сотрудничество и взаимная помощь, выгодные для обеих сторон, являются для Венгрии, как и других братских стран, могучим ускорителем движения к полной победе социализма.

Новые черты Венгрии

Венгрии «удалось укрепить основы социализма и продвинуться вперед по пути полного построения социализма...» — констатировал проходивший в ноябре 1966 года IX съезд ВСРП. Третий пятилетний план (1966—1970 годы), к осуществлению которого венгерский народ к тому времени уже приступил, направлен на продолжение строительства развитого социалистического общества...

Первые две пятилетки (1955—1965 годы) вывели Венгрию в число развитых индустриальных государств Европы: ее промышленное производство более чем в 6 раз превысило довоенный уровень, национальный доход увеличился более чем в 3 раза. Была завершена электрификация страны. Наряду с осуществлением широкой программы реконструкции промышленности, изменением ее структуры, модернизацией существующих предприятий, что было главной задачей предыдущей пятилетки, появилось много новых заводов. Заметно повысился жизненный уровень трудящихся.

Глубокие перемены произошли в классовой структуре общества. Расширились ряды рабочего класса. Число работников, занятых в социалистической промышленности, увеличилось втрое по сравнению с 1949 годом и почти достигло 1,5 миллионов.

Разительные перемены произошли в жизни венгерского села. Оно почти полностью перешло на социалистический путь ведения хозяйства. Число членов сельскохозяйственных производственных кооперативов превысило миллион против 10 тысяч в 1949 году. Социалистическое преобразование сельского хозяйства еще больше сблизило крестьян с рабочими, что в свою очередь способствовало укреплению социалистического государства.

Вместе с рабочим классом и крестьянством честно трудится ради достижения общей цели — социализма — и венгерская интеллигенция.

В целом окрепло политическое единство венгерского народа. Это непосредственно связано с завершением создания в Венгрии основ социализма и в свою очередь обеспечивает ей благоприятные условия для успешного развития на новом этапе, в который вступила страна — в период полного построения социалистического общества. Изменился характер задач народной власти: на первый план выдвинулись ее экономическая и культурно-воспитательная функции.

Для экономики сегодняшней Венгрии характерны интенсивное развитие производительных сил, более рациональное и равномерное их географическое размещение. До войны две трети венгерской промышленности было сосредоточено в Будапеште, десять лет спустя после освобождения на Будапешт все еще приходилось около половины населения, занятого в промышленности. Для исправления такого положения уже во второй пятилетке три четверти капиталовложений, предназначенных промышленности, получила периферия. Темпы роста занятости в промышленности за тот же период были в 2 раза выше в слаборазвитых районах, чем по стране в целом, и в 4 раза выше, чем в Будапеште.

— Я тебе очень советую посмотреть, как изменились за последние годы многие наши города,— сказал мне в один из моих приездов в Венгрию мой старый приятель из «Непсабадшаг».— Ты же знаешь, какой «провинцией» были Веспрем, Кечкемет, Дебрецен, даже Сегед. Поезжай — не узнаешь...

Перемены, действительно, произошли большие, даже во внешнем облике многих старых городов страны, имевших ранее аграрный или торговый характер. Крупным центром химической промышленности стал, например, Веспрем, который до революции был одним из наиболее отсталых, захолустных городов Задунайской области. Здесь построены завод химических красителей, большой хлебозавод и другие предприятия. В Веспреме созданы Политехнический институт, готовящий кадры для химической

промышленности, а также Научно-исследовательский институт нефтяной промышленности. Значительное развитие получила промышленность на территории обширного района, тяготеющего к Веспрему, и по всей Задунайщине.

Социалистическая индустриализация сильно изменила и другой район страны — огромную Венгерскую равнину, которая раскинулась на восток от Дуная. До революции здесь почти совершенно не было промышленности. Даже предприятия сельскохозяйственного машиностроения создавались капиталистами не в Алфёльде, основном сельскохозяйственном районе Венгрии, а в Задунайской области и особенно в Кишалфёлде, где находились наиболее крупные помещичьи владения.

Еще в 1950 году в Будапеште вышла книга, в которой можно было прочитать: «Крупнейшие города равнины (Сегед, Дебрецен, Кечкемет и другие) ныне еще в подавляющем своем большинстве имеют аграрный характер, и лишь центральная часть данных населенных пунктов может считаться городом». В последующие годы все больше менялся облик Венгерской равнины. В Сегеде, одном из крупнейших венгерских городов, расположенном на юге страны, вступил в эксплуатацию большой текстильный комбинат, состоящий из ткацкой и прядильной фабрик, оборудованных новейшими машинами, полученными из СССР. Кроме него на полную мощность работают здесь консервные заводы, мельницы, табачные фабрики, где перерабатывается большое количество местного сельскохозяйственного сырья.

Заметно выросло промышленное значение расположенного в восточной части страны города Дебрецена с его кожевенными заводами, мясоперерабатывающими предприятиями и холодильниками, крупными мельницами, табачной и мебельной фабриками, вагоностроительным заводом.

Индустриальными становятся и такие сравнительно небольшие населенные пункты сельского типа, как Бекешчаба, Солнок, Цеглед, Дьёндьёш, Ясберень, Карцаг, Сентеш, Мако, Орошхаза и другие. Индустриализация устраняет односторонний характер экономики огромной территории Алфёльда.

Тут строятся главным образом предприятия сельскохозяйственного машиностроения, текстильной и пищевой промышленности, заводы искусственных удобрений, кирпичные заводы, которых раньше почти совсем не было на этой безлесной равнине, из-за чего крестьяне вынуждены были строить дома и другие сооружения из самана.

Так из года в год ширится в новой Венгрии фронт социалистической индустриализации, меняющей облик всей страны, крепнет материально-техническая база для дальнейшего развития производительных сил, для полного построения социализма.

В годы третьей пятилетки провинция должна получить примерно три четверти всех промышленных инвестиций. Будут сооружаться как крупные заводы, главным образом машиностроительные и нефтехимические, так и мелкие предприятия. Из Будапешта на периферию переводится около ста предприятий. Планом предусмотрено, что к 1970 году в провинции будет работать 61,5 процента всех трудящихся, занятых в промышленности.

Вчера и сегодня Будапешта

Дунайские были разных времен — и доблестные будни строителей социализма, и события минувшей войны, и «преданья старины глубокой» — будут сопутствовать каждому, кто совершил бы сегодня поездку по Дунаю. Едешь по нему меж венгерских берегов, и кажется, будто развертывается перед тобой свиток истории этой страны: и древний и волнующе современный в одно и то же время.

...Гора Геллерт на 130 метров поднялась ввысь в самом центре Будапешта, обрываясь отвесной скалой над Дунаем. В X веке взбунтовавшиеся сторонники старой, языческой веры столкнули с вершины этой горы венецианского епископа Геллерта, который разбился насмерть у ее скалистого подножия. Именем епископа и была названа гора, которую венгерские короли использовали для отражения набегов турок и татар. Во время венгерской революции 1848—1849 годов ее участники, венгерские гонведы, обстреливали отсюда из пушек засевшие в Будайской крепости войска Габсбургов. Спустя два года после поражения революции венское правительство воздвигло

на вершине горы цитадель, чтобы императорские войска, укрывшись за толстыми стенами этого форта, могли следить за «мятежным городом на Дунае». В конце второй мировой войны гитлеровцы построили во дворе цитадели бетонный бункер, установили на вершине горы дальнобойные орудия и рассчитывали здесь задержать наступление советских войск.

Могучий натиск наступавших, среди которых плечом к плечу с советскими воинами героически сражались и перешедшие на их сторону венгры, опрокинул этот последний опорный пункт гитлеровцев. Над столицей Венгрии взвилось знамя свободы.

Это было 13 февраля 1944 года. А сегодня на вершине Геллерт — памятник Освобождения, созданный талантливым венгерским скульптором Жигмондом Кишфалуди-Штроблем. Он виден всему Будапешту и его окрестностям. Огромная бронзовая фигура женщины на гранитном постаменте высоко подняла над головой пальмовую ветвь. Это символ свободной Венгрии. У подножия — советский солдат со знаменем. Несгибаемой силой и спокойствием веет от могучей бронзовой фигуры того, кто принес Венгрии свободу и мир. На полированной глади серого гранита золотом высечены слова благодарности венгерского народа Советской Армии:

«Освободителям — советским героям от благодарного венгерского народа».

А позади статуи у брустверов некогда зловещей грозной цитадели резвятся дети, ходят толпы экскурсантов. В гостинице, открывшейся недавно во дворе цитадели, в ее винных подвальчиках, в роскошном ресторане с прославленной венгерской кухней всегда полно людей, говорящих чуть ли не на всех языках мира.

Под сенью свободы и мира живет ныне, обновляется, с каждым годом хорошеет Будапешт.

Тысячами кварталов раскинулся он по обе стороны широкого Дуная. Правобережная Буда и левобережный Пешт соединены между собой дунайскими мостами, которыми издавна славилась на всю Европу венгерская столица. Немецкие фашисты и их венгерские наймиты, отступая под ударами советских войск, взорвали все семь мостов, и Будапешт к

моменту своего освобождения остался разорванным на две части.

Вот почему одной из первых забот венгерской народной демократии было построить хотя бы один постоянный мост; это было необходимо для восстановления нормальной жизни столицы. Полторы тысячи венгерских рабочих по призыву компартии вышли на строительство первого моста, названного именем национального героя Лайоша Кошута. В холод, в стужу самоотверженно трудились на берегах Дуная будапештские металлисты и инженеры, чонградские землекопы, бекешские плотники, солдаты Народной армии, студенты. Им помогали саперы Советской Армии.

Завершение строительства дунайского моста радостно праздновал весь Будапешт, это была одна из первых крупных побед на пути к возрождению.

Ныне в районе Будапешта уже восемь мостов перекинуто через Дунай. Соединив Буду и Пешт, они своими совершенными конструкциями дополняют прекрасный архитектурный ансамбль венгерской столицы. Буда, самая старая часть города с ее неправильной планировкой, узкими и короткими улицами, расположена на холмах, причем некоторые из них довольно высоки и круто спускаются к Дунаю. Пешт распростерся по равнинному левобережью, хорошо спланирован. Три полукольца пештских бульваров, упирающиеся своими концами в Дунай, и пересекающие их радиальные улицы образуют множество кварталов этой сравнительно новой части венгерской столицы, где расположено большинство правительственных учреждений.

...Дунай входит в пределы Будапешта двумя рукавами, в объятиях которых лежит живописный зеленый остров Маргит. Забегая вперед, скажем, что и выходит он из города двумя рукавами, охватывая прокопченный заводскими дымами остров Чепель. Два острова — в них, как мир в капле воды, отразились перемены, которые произошли в жизни страны за послевоенные годы.

В течение веков остров Маргит был владением разных монашеских орденов. При Габсбургах там появились роскошные особняки, фешенебельные отели,

аристократические клубы. Сюда могла попасть только придворная знать. Для простых тружеников доступ на остров был, по существу, закрыт, и за ним укрепилось название «остров господ». Только после освобождения Венгрии остров Маргит стал доступен всем. Он превратился в любимое место отдыха будапештцев. Особенно много людей устремляется сюда летом в воскресные дни...

Еще один дунайский остров лежит в южной части Будапешта, вытянувшись чуть ли не на полсотни километров. Это «Красный Чепель», важнейший промышленный район столицы, известный своими революционными традициями. Здесь трудятся многие из тех, кого можно видеть по вечерам или в воскресные дни на острове Маргит. В недалеком прошлом Чепель — отсталый и заброшенный пригород. За годы народной власти он стал одним из благоустроенных районов Большого Будапешта — с новыми жилыми кварталами и красивыми парками, светлыми, просторными школами, детскими садами. До освобождения тысячи чепельских рабочих были оторваны от столицы — такова была политика правящих кругов. При народной власти Чепель стал составной частью Большого Будапешта, новая электричка связала его с центральными районами столицы: чтобы попасть в центр, чепельцам требуется теперь всего лишь десять — пятнадцать минут.

Старый рабочий Чепель помолодел. И не только он.

Гудит голос Красного Чепеля,
Ваци-ут — ответь ему —

так поется в одной из старых революционных песен Венгрии. Ваци-ут — это проспект Ваци, что тянется вдоль Дуная в сторону от Чепеля. Злой иронией звучало в прошлом название этой мрачной и грязной окраины, района трущоб — Андьялфёльд, что означает «Земля ангелов». Но, как и Чепель, он всегда был одним из опорных районов рабочего движения. Ныне на месте свалок и убогих лачуг — кварталы нового жилого поселка имени Тельмана с удобными домами, новыми школами, магазинами, ресторa-

нами. В большом красивом здании открылся Дом культуры.

Ференцварош — тоже в прошлом одна из столичных окраин. Над улицами по эстакадам с грохотом проносятся товарные поезда. По соседству совсем еще недавно были трущобы: слобода Мария-Валерия, где в бараках и землянках под крышами из гофрированной жести ютились бедняки, их семьи, дети... Теперь здесь построен современный жилой массив.

Обновленные рабочие районы, где в прошлом в жутких условиях жила беднота,— это, пожалуй, наиболее характерная черта нового Будапешта, столицы социалистической Венгрии. Своими руками и для себя создает трудолюбивый народ этой страны свою столицу, чтобы она была настоящей «жемчужиной Дуная».

Никогда не было на улицах города столько автобусов, троллейбусов, такси. На его восточной окраине построен огромный народный стадион, рассчитанный на 100 тысяч зрителей. Полным ходом идут работы на строительстве нового метро. Когда-то администрация Будапешта гордилась тем, что в их городе построена первая в континентальной Европе подземная дорога. Действительно, еще в 1896 году была пущена в эксплуатацию восьмикилометровая линия подземной дороги, но в Будапеште шутят, что она проходит не под землей, а под асфальтом... Крошечные тесные станции, маленькие поезда из трех миниатюрных вагончиков — таков вид старого метро, которое не может удовлетворить выросший социалистический Будапешт. Новая двадцатикилометровая линия метро вступит в строй к 25-летию освобождения Венгрии — 4 апреля 1970 года.

Помолодела, обрела новые черты центральная площадь у самого Дуная, где возвышается красивое готическое здание парламента. На среднем, самом высоком куполе старого парламента — пятиконечная красная звезда — символ пролетарского интернационализма, ставшего основополагающим принципом венгерской государственности.

Здесь проходят сессии Государственного собрания Венгрии — высшего органа государственной власти,

постоянно работает Президиум республики — коллективный глава социалистического государства. В одном из кабинетов всегда можно встретить председателя Президиума, которым стал в апреле 1967 года Пал Лошонци, наш старый знакомый по бурным послевоенным годам национального возрождения страны. Характерна биография этого мужественного человека, выдвинутого революцией из народа на самый высокий государственный пост.

Лошонци родился в 1919 году в бедной крестьянской семье и до 1945 года был безземельным батраком. После освобождения Венгрии он обрабатывал участок земли, выделенный ему по земельной реформе. В 1948 году по его инициативе в селе Барч, на юге страны, был создан один из первых сельскохозяйственных кооперативов «Вёрёш чиллаг», что в переводе на русский язык означает «Красная звезда», где Лошонци стал председателем.

В этом кооперативе, земли которого раскинулись у самой границы с Югославией, на реке Драва, мне довелось побывать по приглашению Пала Лошонци летом 1966 года, когда сам Лошонци уже был министром земледелия. Но замечательные успехи этого передового хозяйства страны были известны не только в Венгрии, но и за ее пределами значительно раньше. Здесь проявился незаурядный организаторский талант нынешнего главы венгерского государства, его твердая вера в социалистический путь развития сельского хозяйства.

Мне рассказывали в Венгрии, что глубокие дельные замечания, с которыми председатель кооператива Лошонци обычно выступал на различных совещаниях, обратили на него внимание руководителей партии и правительства.

— Знаешь, товарищ Лошонци,— сказал ему однажды Янош Кадар,— ты хорошо критикуешь других. А не попробовать ли тебе самому взяться за руководство нашим сельским хозяйством...

В начале 60-х годов, когда я встретился с Лошонци в Тюрингии, где мы отдыхали по приглашению друзей из ГДР, он уже два года возглавлял венгерское министерство земледелия. С присущим ему чувством юмора этот не очень разговорчивый, и

несколько стеснительный человек рассказал, что, когда его назначали на столь высокий пост, он находился на Всевенгерском совещании председателей кооперативов.

— Говорят, тебя посылают в другое место? — спросил один из председателей.

— Это правда.

— А большое хозяйство?

— Да, не маленькое...

А когда часа через два радио сообщило о назначении Лошонци министром, его давешний собеседник крепко пожал руку и с лукавой улыбкой сказал:

— Да, хозяйство действительно не маленькое. Так что поздравляю...

...В кооператив «Вёрёш чиллаг», который в течение десяти лет возглавлял Лошонци, мы приехали вместе в жаркий июльский полдень. Здесь уже находился председатель одного из кубанских хозяйств Василий Соболенко, прибывший сюда по приглашению Лошонци, который во время поездки в Советский Союз посетил и колхоз имени Ленина на Кубани. Постоянным собеседником нашего председателя был его коллега — председатель Барчского кооператива Михай Лошонци — младший брат министра, принявший от него, как эстафету, руководство кооперативом.

Долго осматривали богатое хозяйство кооператива, и Соболенко дотошно, со знанием дела выспрашивал все детали, время от времени бросая мне на ходу: «Это интересно, надо и нам применить». Попутно он рассказал о своем колхозе, и я видел как Лошонци-старший одобрительно кивал головой. Потом все мы пошли к Палу Лошонци, в его домик.

— И не собираюсь его бросать,— как бы отвечая на недоуменный взгляд Соболенко, сказал Лошонци, разливая по бокалам замечательное венгерское сухое вино.— Я тебе скажу, Василий, каждый человек должен иметь корень. Вот мой корень здесь, в этом кооперативе, где бы я ни работал...

Меньше года прошло с той интересной встречи в Барче на Драве, и радио Будапешта сообщило о новом назначении Пала Лошонци. В апреле 1967 года сессия Государственного собрания избрала его председателем Президиума Венгерской Народной Респуб-

лики. На этом посту он сменил ушедшего на пенсию Иштвана Доби, выдающиеся заслуги которого в строительстве новой Венгрии были отмечены присвоением ему звания Героя Социалистического Труда.

«Назначение на пост председателя Президиума ВНР представителя трудового крестьянства Пала Лошонци,— писала тогда газета «Непсабадшаг»,— является продолжением старой традиции, выражающей рабоче-крестьянский характер нашего государства».

И мне вспомнились любопытные данные, опубликованные в «Вестнике венгерского парламента» за 1931 год: в составе парламента было 18 графов, 9 баронов, 61 крупный помещик, 15 банкиров и фабрикантов. И ни одного рабочего или бедного крестьянина, не говоря уже о батраках...

Да, огромные перемены произошли в старом готическом здании парламента на Дунае. А на площади, которая к нему примыкает, воздвигнут новый памятник Лайошу Кошуту. Прежний, стоявший на том же месте, неверно трактовал образ великого национального героя. Кошут, как и фигуры окружавших его людей, был изображен глубоко печальным, с опущенной головой. Это противоречило исторической правде и тому образу одного из вождей революции 1848—1849 годов, какой носили в своем сердце несколько поколений венгров. Он призывал к новым подвигам во славу своей нации, страдавшей под игом Габсбургов. Таким и изобразил его скульптор Кишфалуди-Штробль, автор монумента на горе Геллерт: бронзовая фигура Кошута, волевого и сильного, с вытянутой вперед рукой, как бы зовет к борьбе.

...Много нового увидел я на улицах Будапешта. Десятки миллиардов форинтов было вложено в его развитие. Только за годы второй пятилетки будапештцы получили 50 тысяч квартир, а третий пятилетний план предусмотрел строительство еще 60 тысяч. В 1966 году в Будапеште вступил в строй мощный домостроительный комбинат — первое из пяти предприятий крупнопанельного домостроения, которые поставляет Венгрии Советский Союз. Это ускорило темп жилищного строительства. На улицах города уже появился целый ряд современных много-

этажных зданий — жилых и административных. В Буде выросла 18-этажная гостиница «Будапешт», быстрыми темпами строятся высотные жилые дома.

При этом будапештские архитекторы и городские власти придирчиво следят за тем, чтобы архитектура и габариты новых домов не нарушали естественный рельеф столицы, ее панораму. Например, долго изучался вопрос, надо ли строить в самом Будапеште высотные дома. Пришли к выводу, что в его исторической части, которая когда-то в далекие времена была обнесена крепостной стеной, таких зданий возводить не следует. В долинах среди гор Буды их тоже не будет. На горных же склонах высотные дома, если они не выступают над вершинами гор, украсят город.

Будапешт — это и крупный индустриальный центр. В городе свыше 1800 заводов и фабрик. Немало старых, но переоборудованных и модернизированных, многие построены после освобождения, а то и в последние годы. Их продукция, известная далеко за пределами страны, прославляет талант и трудолюбие будапештских рабочих.

На Чепеле рядом с огромными корпусами комбината тяжелой промышленности, вырос первенец венгерского автомобилестроения. В 50-х годах вышли первые грузовики с маркой «Чепель-350», а сегодня чепельские автомашины можно встретить на дорогах многих стран. Чепельский тракторный завод «Красная звезда» наладил выпуск колесных, в том числе и дизельных, тракторов, а затем гусеничных машин. Вагоностроительный завод «Ганз» освоил серийное производство дизельных электропоездов нового типа. Паровозостроители начали выпускать новый тип пассажирского паровоза венгерской конструкции специально для скоростных рейсов... .

Велики успехи судостроителей Уйпешта и Обуды. В Будапеште мне рассказали историю о том, как однажды в начале 30-х годов у южной окраины города на Дунае неожиданно появилось морское судно под голландским флагом и бросило здесь якорь. Стало очевидным, что по Дунаю возможно плавание морских судов, и венгерские судостроители принялись за изготовление новых судов, получивших впоследст-

вии название дунайско-морских судов. В последние годы судоверфи в Уйпеште и Обуде начали строить на экспорт суда этого класса по усовершенствованной конструкции водоизмещением 1300 тонн, а также крупные пассажирские речные пароходы и мощные буксиры.

В тридцать стран идет теперь продукция будапештских судоверфей; нелегко было ей пробиться на эти рынки. Чтобы получить, например, заказ на поставку 80 буксиров-толкачей для ОАР, венгерские судостроители должны были превзойти многих соперников, тоже добивавшихся этого заказа. А среди них были такие опытные судостроители, как Западная Германия, Испания и некоторые другие морские страны. Впрочем, Венгрия поставляет морские суда даже в Норвегию, страну с седыми морскими традициями.

В рамках СЭВ венгерское судостроение специализируется теперь на выпуске морских судов водоизмещением до полуторы тысяч тонн. Спущенные со стапелей, идут они своим ходом по Дунаю к его устью, на морские просторы. Через две большие гавани столичного порта отправляется на баржах и пароходах продукция других предприятий промышленного Будапешта.

Дунайский порт венгерской столицы находится на острове Чепель. Это один из крупнейших портов на всем протяжении Дуная. В две его больших гавани часто заходят советские, югославские, румынские, чехословацкие, болгарские, австрийские и другие речные суда. Но нередко можно здесь увидеть и морские суда.

— Чепель для нас не только дунайские ворота, это наши ворота в море,— с гордостью говорят венгерские друзья. Около двух десятков морских судов насчитывает венгерский торговый флот на Черном, Средиземном и других морях.

Венгрия имеет торговые связи с сотней государств. Но самую активную торговлю ведет она со странами социализма: на них приходится примерно две трети ее внешнеторгового оборота. В братские страны Венгрия поставляет около 90 процентов своих машин, предназначенных для экспорта.

...Кипучей, полнокровной жизнью наполнен каждый день этого большого города на Дунае, одной из самых красивых европейских столиц. Здесь особенно сильно ощущается крепкое и ровное биение пульса страны, строящей социализм.

Новый город на Дунае

Круто изменилась судьба многих старых городов на Дунае после войны, возникли новые города, которые вообще никогда не значились на карте. Их вызвал к жизни социалистический строй с его невиданным расцветом производительных сил.

...Позади остались последние будапештские здания, Дунай вышел на просторы полей. Чем дальше на юг, тем полноводнее он становится. Совсем, кажется, недавно его ширина не превышала трехсот метров, а тут уже до километра доходит... Справа проплывают невысокие холмы Задунайщины. Слева. сколько видит глаз, уходит вдаль равнинная степь.

Но вот километрах в тридцати от Будапешта показались на самом берегу Дуная крупные промышленные сооружения. Выросли они в начале 60-х годов, когда в эти придунайские места протянулась с берегов Волги стальная нить нефтепровода «Дружба», а по нему хлынула черная река. Именно ей и суждено было «взорвать» тишину провинциального Сазхаломбатта. Трудно узнать теперь в этом обновленном дунайском городе тихий заштатный городок. Ансамбли новых живых кварталов, скверы, клубы, современные магазины появились в Сазхаломбатте вместе с нефтеперегонным заводом и Придунайской теплоэлектроцентралью. Оба предприятия сейчас хорошо известные не только в Венгрии, но и за ее пределами, работают на советской нефти. Здесь подсчитали, что ее транспортировка по нефтепроводу «Дружба» дает Венгрии такую экономию (170 форинтов на каждой тонне по сравнению с перевозками по железной дороге), что все расходы, связанные с сооружением венгерского участка нефтепровода, окупились менее чем за год.

В Сазхаломбатте мне рассказали, что полная мощность Придунайской теплоэлектроцентрали — 600 мегаватт и вырабатывает она электроэнергии сейчас

примерно столько, сколько три наиболее современные венгерские электростанции в Пече, Орослане и Тисапалконье, вместе взятые. А нефтеперегонный завод перерабатывает 3 миллиона тонн нефти ежегодно. Его цехи, как и теплоэлектроцентраль, оснащены новейшим оборудованием венгерского, советского и чехословацкого производства.

Так изменила жизнь некогда тихого и мало кому известного Сазхаломбатта советская нефть, пришедшая на Дунай с берегов Волги. Еще более разительны перемены, которые произошли в судьбе придунайского села Дунапентеле, что лежало ниже по Дунаю, примерно в 70 километрах от Будапешта. Впервые я столкнулся с этим названием в одной из декабрьских сводок Совинформбюро 1944 года, в которой лаконично сообщалось об освобождении Советской Армией от немецко-фашистских войск Дунапентеле и еще полсотни венгерских населенных пунктов.

Позже, когда уже отгремели бои второй мировой войны, совершая поездку по Венгрии, я попал в это село. На центральной площади стоял обелиск, увенчанный пятиконечной звездой. Его воздвигли венгерские трудящиеся как памятник советским воинам, павшим в боях за освобождение этого села. И вот здесь, рядом с памятником советским героям, пять лет спустя началось сооружение крупного металлургического комбината. На его строительстве венгерские рабочие показали чудеса трудового героизма, чтобы быть достойными великих жертв, принесенных во имя их освобождения, во имя их сегодняшней светлой жизни. В феврале 1954 года комбинат вступил в строй действующих предприятий.

Дунай играет важную роль в жизни этого гиганта венгерской индустрии. По Дунаю для него поступает железная руда, главным образом из Советского Союза. Дунай дает комбинату воду, которая, кстати говоря, требуется ему в больших количествах; на берегу реки для этого сооружена мощная насосная станция.

В довоенном 1938 году Венгрия произвела 335 тысяч тонн чугуна, в 1960-м — 1249 тысяч, а в 1966-м —

более полутора миллионов тонн. Стали было выплавлено в 1938 году 647 тысяч тонн, в 1960-м — 1885 тысяч, в 1966-м — 2,5 миллиона тонн. В этом быстром росте — большой вклад Дунайского комбината. Его тонкий лист теперь уже заменяет импортный, который еще недавно Венгрия покупала на Западе за валюту и потребности в котором растут с каждым годом, по мере развития венгерского машиностроения. В 1967 году на комбинате началось сооружение нового цеха по плавке электростали, а в 1968 году он уже дал первую продукцию. Создается цех лужения стальных листов огневым методом и цех электролужения. Металлургический гигант на Дунае становится высокорентабельным предприятием.

Не раз приходилось мне слышать, как венгры называли комбинат детищем венгеро-советской дружбы. Никогда еще не строилось в Венгрии ничего подобного — ни по масштабам, ни по техническому уровню. Венгерские строители не имели в этой области нужного опыта, венгерской промышленности было не под силу оснастить такой гигант. На помощь пришел Советский Союз. Советский институт «Гипромез» принял участие в разработке генерального проекта. Советские инженеры, приехавшие в Венгрию по приглашению венгерского правительства, помогли в строительстве цехов и монтаже оборудования. И сегодня здесь с благодарностью вспоминают этих специалистов. И новаторов производства — каменщиков Максименко и Зуева, и инженера Романова, и многих других, помогавших своим венгерским коллегам овладеть передовыми методами социалистического труда. Кстати, именем каменщика Максименко названа одна из улиц нового города на Дунае.

Амбруш Боровский был тогда начальником этого огромного строительства. Ныне он — генеральный директор комбината.

— И сейчас к нам часто приезжают советские специалисты, помогают, делятся опытом,— говорит Боровский и затем, после паузы, заканчивает с доброй улыбкой: — И у нас кое-чему учатся... Вот пример. Нам удалось намного быстрее, чем обычно, достигнуть полной мощности прокатного стана, изготовленного в СССР. Советские специалисты

заинтересовались этим и кое-что переняли из нашего опыта...

Вместе с комбинатом, рядом с ним, на крутом дунайском берегу, рос молодой социалистический город Дунауйварош, а если перевести дословно: Дунайский новый город.

В нем уже более 50 тысяч жителей. Широкие улицы, просторные кварталы в зелени, красивые дома с цветными панелями, обширный парк над самым Дунаем. Между городом и комбинатом лежит широкая лесная полоса: липы, клены, дубки создали зеленый барьер на пути дыма и газов, которые выбрасывает комбинат. Густой молодой лес, заложенный еще в первые годы строительства на 150 хольдах, останавливает горячее дыхание печей, ограждает чистый воздух жилых кварталов.

Поистине это новый город. В 50-х годах сюда пришли тысячи людей, главным образом крестьян, из различных областей страны. Что ни человек, то свои обычаи и традиции, но для многих из них были характерны черты хуторянской обособленности, отсутствие даже элементарных навыков коллективной жизни в условиях крупного предприятия. Видимо, не случайно именно на этот город возлагали особые надежды организаторы контрреволюционного мятежа осенью 1956 года...

Сегодня Дунауйварош — город со своими традициями, здесь выросла гвардия квалифицированных рабочих и технических специалистов. Стремление к повышению своего профессионального и общеобразовательного уровня — характерная черта жителей этого города. Вряд ли найдется здесь семья, в которой не учился бы в каком-нибудь учебном заведении хотя бы один взрослый человек. В одном лишь вечернем отделении местного металлургического техникума занимается около трехсот рабочих и служащих; это больше, чем на дневном отделении. И еще одна особенность города — в нем много молодежи. Примерно каждому четвертому жителю Дунауйвароша меньше восемнадцати лет; это значит, что они либо родились в юном городе на Дунае, либо привезены сюда родителями в детском возрасте.

Между Тисой и Дунаем Напротив Дунауйвароша за Дунаем раскинулись земли Кишкуншага, родины великого Петефи. Здесь он создал свои лучшие стихи. С любовью обращался Шандор Петефи к родному краю, к просторам Алфёльда, частью которой является Кишкуншаг, где «колосятся нивы, версты пастбищ тянутся меж Тисой и Дунаем». Но где

...Народ средь нив богатых
Ходит сиротой в заплатах...

Это интереснейший район страны, на протяжении всей истории Венгрии край наиболее революционной части венгерского крестьянства. В далекие времена сюда, в глухие, нехоженые алфёльдские степи, убегали и селились крестьяне, не желавшие мириться с тяжелым господским гнетом и произволом. В начале XVI века здесь поднял восстание против непомерной эксплуатации, многочисленных поборов и повинностей крестьянский вождь Дьёрдь Дожа. А в начале XVIII столетия по пыльным степным дорогам Алфёльда шагали отряды бесстрашных куруцев Ференца Ракоци — участников освободительной борьбы венгерского народа против ненавистных Габсбургов.

Имена Ракоци и его славных соратников с благоговением произносились в хижинах крепостных крестьян на берегах Дуная и Тисы. Об их подвигах слагались народные предания, которые передавались затем из поколения в поколение.

Неоднократно вспыхивали восстания и позже, когда во главе революционных боев встал венгерский рабочий класс. Некоторые районы Затисья из-за этого получили название «уголков бурь». В первые же месяцы после освобождения страны здесь проявились революционные традиции крестьянства. Затисские крестьяне по призыву компартии особенно активно включались в аграрную революцию. Я видел, как в феврале — марте 1945 года они явочным порядком, не ожидая декрета, принятие которого всячески тормозили реакционные элементы, конфисковывали и делили помещичьи земли. А во время первых послевоенных парламентских выборов «уголки бурь»

почти целиком голосовали за списки Коммунистической партии Венгрии. Они знали, за кого голосовать: только теперь, при народной власти, за которую боролись коммунисты, осуществилось то, о чем веками мечтало венгерское крестьянство, о чем сто лет назад мечтал вдохновенный певец венгерского народа Шандор Петефи. Сегодня его словами можно сказать о долине Дуная и Тисы:

Ветру бросив
Океан своих колосьев,
Зыблется и колосится
На полях ее пшеница.

И не только пшеница. В краю песчанистых земель, где раньше рос лишь можжевельник и «где даже птица пролетала с плачем», раскинулись виноградники, растут обширные сады. В четырнадцати селах Кишкуншага, насчитывающем 64 тысячи жителей, производится четвертая часть всего товарного вина Венгрии. Оно, как и выращиваемые здесь сочные, крупные абрикосы и вишни, широко известно за пределами страны.

Этот богатый сельскохозяйственный район Венгрии издавна страдал от недостатка влаги, особенно в засушливые годы. Здесь, под высоким безоблачным небом, в знойной степи, родилась известная венгерская пословица: «Каждая капля воды стоит золота». На огромном пространстве между Дунаем и Тисой нет ни одной сколько-нибудь значительной речки. Даже те небольшие речушки, которые направляются из междуречья к Дунаю или Тисе, обычно теряются в бугристых водопроницаемых песках, не достигнув этих полноводных рек. Осадки выпадают редко. Сильная жара и горячие ветры вызывают такие интенсивные испарения, что они нередко превышают количество выпадающих осадков. Лесов мало.

В пустынную, почти бесплодную степь превратилась знаменитая Хортобадь, самая засушливая часть Алфёльда. На 600 тысячах хольдов раскинулась вдоль Тисы эта «голодная степь», как прозвали ее венгерские крестьяне. Сильные ветры и летний зной в течение многих столетий иссушили и разрушили ее почвы, и она отказалась служить человеку.

Только с переходом власти в руки народа государство приступило к огромному делу преобразования «голодной степи». В один из осенних дней 1947 года в Хортобадь из Будапешта прибыла небольшая группа людей. Шел осенний дождь, не прекращавшийся уже несколько дней. Но даже он не мог увлажнить окаменевший за лето серый грунт. Степь была мертвой. Приезжие из столицы осматривали равнину, брали пробы грунта, делали какие-то заметки в блокнотах.

Это была специальная правительственная комиссия. В нее входили представители только что созданного общегосударственного планового управления, ученые, агрономы. Решалась судьба венгерской «голодной степи», подготавливался единый хортобадьский план.

С весны следующего года ожила, пришла в движение голая, полумертвая Хортобадьская степь. Тракторы поднимали вековую целину, бригады строителей возводили коровники, свинарники, строили загоны для молодняка. Прибывали все новые партии машин и инструментов, завозились саженцы лесных и фруктовых деревьев. Рылись оросительные каналы и водохранилища...

А позже в Хортобадь пришла вода из Тисы. Эта река давно привлекала внимание тех, кто серьезно думал о разрешении проблемы орошения Алфёльда; об использовании ее вод веками мечтали алфёльдские крестьяне. Беря начало в Карпатах на высоте около двух тысяч метров, Тиса по пути к Венгерской равнине принимает в себя ряд притоков горного происхождения и впадает в Дунай на территории Югославии. Быстрая в горах, она, вырвавшись на равнину, замедляет свой бег, раздается вширь. Но весной, когда Карпаты сбрасывают в Тису бурные потоки талых вод, а на равнине выпадает много осадков, в южной части Среднедунайского бассейна скапливается такое большое количество воды, что она не успевает проходить через узкое и глубокое дунайское ущелье — Железные Ворота у румынского города Оршов. И тогда, особенно в некоторые наиболее богатые осадками годы, масса воды устремляется вверх по Тисе. Река быстро вздувается, выходит из

берегов и стремительно несет свои мутно-зеленые воды по лугам и полям, сметая начисто целые хутора, нанося большой ущерб местному населению.

Яркую картину такого бурного разлива Тисы дает в одном из своих стихотворений Шандор Петефи, много путешествовавший по Алфёльду.

Тиса будто цепи сорвала,
Всю плотину в щепки разнесла,
Разлилась, не ведая предела,
Поглотить весь мир она хотела.

Второй паводок, иногда по своим размерам превосходящий весенний, происходил в июне в результате значительных летних осадков, третий — осенью, когда дожди, особенно обильные в октябре, вызывают новое повышение уровня в реках.

Так было на протяжении многих веков. Алфёльдские степи, лежащие вдоль Тисы, изнывали от безводья, а в это время полноводная Тиса либо спокойно катила мимо свои воды, либо буйно разливалась во вред населению. Во время одного из таких особенно сильных наводнений, в 1879 году, Тиса сильно разрушила расположенный в ее низовьях на юге Венгрии один из крупнейших городов страны — белокаменный Сегед. После этого стихийного бедствия почти весь город пришлось отстраивать заново.

После установления народно-демократического строя венгерский народ приступил к коренному решению многовековой проблемы Тисы. Уже в период осуществления трехлетнего плана в республике начались подготовительные работы к строительству крупного гидроэнергетического комплекса на Тисе — так называемого Тисского каскада, представляющего собой систему водосливных плотин, шлюзов, гидроэлектростанций и разветвленной сети оросительных каналов. Осенью 1949 года у небольшого села Тисалёк, что прилепилось к Тисе в ее верхнем течении, почти у северного края Алфёльдской степи, где она постепенно переходит в холмистые предгорья Карпат, появились бригады строителей, мощные землеройные снаряды, экскаваторы и другие строительные машины. Им предстояло вынуть многие миллионы кубометров грунта, уложить тысячи тонн бетона, построить сложные технические агрегаты.

С каждым годом расширялся фронт работ, и все больше прибывало на берега Тисы мощной строительной техники, какой никогда еще не видели венгерские строители. Весной 1954 года вступила в строй оросительная система у села Тисалёк: поперек Тисы легла 135-метровая водосливная плотина, уровень реки поднялся на полметра, и вода хлынула в устье Главного оросительного канала.

Почти на 100 километров через Алфёльдскую степь вытянулась нить Главного восточного канала. От него идут во все стороны многочисленные ответвления, питая тисской водой плодородные земли междуречья. Долина Дуная и Тисы стала теперь поистине долиной плодородия, житницей страны. Много сельскохозяйственной продукции поступает отсюда в Будапешт и в промышленные центры страны по железной и автомобильным дорогам. По Дунаю эти грузы доставляются и в соседние страны. А навстречу — от дунайских пристаней, от железнодорожных станций по автомобильным дорогам идет поток сельскохозяйственных машин и орудий, минеральных удобрений. И на этих грузах нередко можно увидеть марку предприятий братских стран Придунайщины...

...Летом 1966 года Государственное собрание обсуждало итоги второго пятилетнего плана и наметки на третье пятилетие. В одной из его комиссий докладывал министр земледелия Пал Лошонци.

— Основная цель минувшего пятилетия в области сельского хозяйства,— сказал министр,— состояла в том, чтобы обеспечить страну хлебом собственного производства. Эта задача решена...

Несколько дней спустя мне довелось беседовать с министром и его сотрудниками в старинном здании министерства на придунайской площади у парламента. Они рассказали много интересного о сельском хозяйстве Венгрии, о больших структурных сдвигах, происшедших в нем после войны. Почему так остро встал вопрос об обеспечении собственным хлебом этой страны, которая до войны немалое количество зерна постоянно экспортировала?

— Эта проблема,— сказал Пал Лошонци,— имеет два аспекта. Социальный аспект ясен: в старой Венг-

рии производителями товарного хлеба были почти исключительно помещики и кулаки — и те и другие, продавая хлеб за границу, не интересовались, что будет есть население Венгрии. После освобождения получили землю 370 тысяч безземельных батраков и 220 тысяч малоземельных крестьян,— зачем, спрашивается, им продавать хлеб, если они сами впервые получили возможность вдосталь поесть?..

Второй аспект более сложный,— продолжал задумчиво министр после небольшой паузы.— Да вот посмотрите эти любопытные цифры...

Пшеница, которая всегда была в Венгрии основным злаком, до войны занимала 3,9 миллиона хольдов, а в 1964 году — всего 2,4 миллиона. В то же время производство фуражного зерна заметно увеличилось. Видимо, это было связано с ростом удельного веса животноводства, которое в 1964 году составляло более 40 процентов сельскохозяйственного производства. Увеличились посевы не только кормовых, но и технических культур, площади под виноградниками и садами.

Вот почему Венгрия в течение ряда лет вынуждена была ввозить хлеб. Потребовались немалые усилия, чтобы компенсировать сокращение посевных площадей под зерновыми культурами более высокими урожаями.

В этом состоял большой смысл сообщения министра земледелия, которое он сделал на заседании одной из постоянных комиссий Государственного собрания летом 1966 года,— страна уже третий год не импортировала зерна. Средний урожай главной зерновой культуры пшеницы составил за пятилетие (1961—1965 гг.) 10,7 центнеров с хольда против довоенных 7 центнеров. В 1968 году, несмотря на засуху, урожай пшеницы составил в среднем 14,5 центнера с хольда. Общий сбор зерна по стране был на 4 процента выше, чем в предыдущем году. Особенно хорошо показали себя советский сорт «безостая-1», а также отечественный «фертеди-293». Советские сорта пшеницы, хорошо зарекомендовавшие себя в большинстве районов страны, почти полностью вытеснили господствовавшие здесь итальянские малоуро-

жайные сорта и сейчас составляют примерно 94—95 процентов всех импортных сортов.

Уже сегодня Венгрия занимает одно из первых мест в Европе по производству зерна на душу населения. Теперь ставится задача дальнейшего повышения урожайности хлебных культур при некотором сокращении занятых под ними площадей. Пути прежние: увеличение количества вносимых минеральных удобрений, подбор и внедрение лучших сортов, расширение орошаемых площадей, увеличившихся по сравнению с довоенным временем более чем в 19 раз, и, наконец, не в последнюю очередь механизация полевых работ. До войны в сельском хозяйстве Венгрии насчитывалось всего 7 тысяч маломощных тракторов, в конце 1965 года их число превысило уже 91 тысячу, появились зерновые комбайны и другие сложные машины. А в нынешнее пятилетие сельское хозяйство республики получит еще 40 тысяч тракторов, число комбайнов превысит 15,5 тысячи. До войны машинами убиралось не более 3 процентов урожая, сейчас — до 80 процентов.

Последнее особенно важно ввиду продолжающегося отлива рабочей силы из деревни в город в связи с индустриальным развитием страны. Во второй пятилетке из деревни в город переселилось около 400 тысяч человек, в основном молодых мужчин. В последнее время этот отлив из села заметно замедлился. Мне даже рассказывали, что в области Шомодь летом 1967 года почти тысяча человек, работавших в городе, попросили принять их снова в кооперативы тех сел, откуда они ушли. После IX съезда Венгерской социалистической рабочей партии в 1966 году, который обратил внимание на необходимость срочного решения ряда актуальных вопросов венгерского села, в стране много сделано для подъема продуктивности сельского хозяйства, улучшения условий жизни крестьян.

ГЛАВА IV

НА БАЛКАНАХ

Здравствуй, Белград!

«Венгрия кончается за Мохачем»,— говорят обычно тем, кто на пароходе спускается вниз по Дунаю. И вот последняя отметка на венгерской земле, вернее сказать, официально первая: Дунай — единственная река Европы, измерение которой ведется в обратном направлении, то есть не по течению, а против. Нулевой знак находится на молу в Сулине, возле устья среднего из трех главных рукавов. От Сулина до Галаца расстояние обозначается в морских милях, далее вверх по Дунаю — в километрах.

Итак, Мохач, правый берег, 1448 километров от Черного моря. Отсюда рукой подать до югославской границы, которая частично проходит по Драве, правому притоку Дуная.

Сразу за Мохачем начинается Пограничье. Многое в этом пограничном крае напоминает о совместной борьбе венгров и югославов против общего врага. В седую глубину веков уходит своими корнями дружба этих придунайских народов. На запад от Дуная, в венгерском городе Сигетвар, и сейчас еще можно видеть остатки могучих земляных валов разрушенной древней крепости. Вскоре после поражения у Мохача и оккупации Венгрии турками стены этой крепости были свидетелями жестокой битвы свободолюбивых венгров, восставших против своих угнетателей — турецких янычар. Восстание вспых-

нуло тогда на обоих берегах Дравы. И плечом к плечу с венграми сражались против общего врага отважные хорваты.

А вот более позднее свидетельство дружбы венгерского и югославского народов. В мрачные годы немецко-фашистской оккупации в составе 16-й бригады Народно-освободительной армии Югославии, действовавшей преимущественно в горах Хорватии, находился венгерский батальон. Позднее он развернулся в самостоятельную венгерскую бригаду имени Петефи. И снова венгры и хорваты совместно громили общего врага, проливали кровь за лучшее будущее.

И еще один пример. Весной 1956 года здесь разразилось небывалое по силе наводнение. На Дунае в районе острова Мохач образовался ледяной затор. Сплошное поле нагроможденного льда тянулось на 70 километров. В некоторых местах высота льда достигала 8 метров. В короткий срок оказалась затопленной огромная территория, в том числе весь остров Мохач. Прорвав дамбы, Дунай затопил двадцать сел. В районы наводнения были посланы тысячи машин. Не зная ни сна, ни отдыха, в стужу и холод спасательные отряды сооружали из камней, мешков с песком преграды, стараясь остановить бешеный натиск Дуная.

В те трудные мартовские дни Дунай возле югославского села Бачки-Брег прорвал дамбу. Массы воды устремились к венгерским селам, лежащим в этом районе. Спасти положение можно было, только разрушив дамбы с другой стороны. И югославские друзья взорвали дамбу близ югославского городка Батина. Совместная борьба принесла успех...

У Мохача на берегу Дуная возвышается обелиск. В этом месте в ноябре 1944 года советские гвардейцы форсировали Дунай и нанесли сокрушительный удар гитлеровцам. Через всю Сербию прошли с боями войска маршала Толбухина, прежде чем попасть сюда, на венгерскую землю. Во взаимодействии с Народно-освободительной армией Югославии и югославскими партизанами громили они гитлеровских захватчиков на берегах Дуная, несли свободу и независимость дунайским народам.

А на высоком югославском берегу виден с Дуная памятник советским и югославским воинам. Он воздвигнут югославским народом у села Батина-Скела, на холме. Советский солдат и югославский партизан ринулись в атаку... А над ними, на постаменте,— фигура женщины; в правой опущенной руке она держит меч, в левой, поднятой кверху,— пятиконечную звезду.

Волнующая встреча произошла в этих местах четверть века спустя после событий, запечатленных в памятнике на крутом дунайском берегу. Отряд советских военных кораблей по приглашению ряда стран совершал многодневный поход по Дунаю. Советские моряки впервые после войны шли вдоль братских берегов тем же курсом, которым двигались с боями корабли прославленной Дунайской флотилии в памятном 1944 году. В пути были остановки, встречи моряков с местным населением. И та, о которой я хочу рассказать, особенно запомнилась. На встрече с молодежью Воеводины выступил участник боев за освобождение югославской земли капитан 1-го ранга Сергей Решетов. Он рассказал, как в 1944 году с горсткой десантников форсировал Дунай в районе поселка Батина-Скела и вел на маленьком плацдарме тяжелый бой с превосходящими силами противника. Это обеспечило переправу советских и югославских частей. Тогда за этот подвиг Сергей Решетов и его товарищи были удостоены звания Героя Советского Союза.

Еще не смолкли аплодисменты, как к Решетову подошел пожилой седой человек. Он крепко обнял и трижды расцеловал советского моряка. Это был Милан Ешич, Народный герой Югославии. В то время он командовал партизанской бригадой и тоже участвовал в этой переправе. Милан Ешич с волнением сказал: «Да, все было так, как рассказал наш дорогой друг... Только одно я хочу добавить: там все советские солдаты были героями и мы учились у них героизму». Закончилась встреча, а два героя-ветерана еще долго вспоминали те дни и своих товарищей, отдавших жизнь за свободу и счастье наших народов...

Земля народной Югославии! Широким потоком

катит здесь свои воды богатырь Дунай, местами превышая в ширину километр. Таким он был и выше, на венгерской земле. Почти не меняется и ландшафт. Та же плоская равнина, напоминающая венгерские пушты, ровные поля пшеницы и кукурузы, изредка, как зеленые островки среди желтого моря хлебов, сады и виноградники. На 150—170 километров уходит эта равнинная степь на юг, в глубь Югославии, на добрые две сотни километров распространившись главным образом к востоку и частично к западу от Дуная.

Это — Воеводина, житница Югославии, продолжение Альфёльда, житницы Венгрии. До второй мировой войны она давала стране более половины всего урожая пшеницы и свыше трети урожая кукурузы. Далеко за пределами страны славится твердая банатская пшеница. Здесь сосредоточено также свеклосеяние, большие площади занимает конопля. Ныне индустриализация вносит новые черты в сельский пейзаж Воеводины. На ее степных просторах поднялись металлические вышки: это югославские геологи ведут разведки на нефть и природный газ, бурят скважины.

Здесь, в Воеводине, Дунай встречается с Тисой, самым большим своим левым притоком, с которым он на протяжении сотен километров мчался с севера на юг почти параллельно. Как и Дунай, эта река стала теперь рекой дружбы венгерского и югославского народов. В начале 60-х годов в Белграде было подписано венгеро-югославское соглашение о свободном судоходстве для обеих стран по всей Тисе. И теперь можно видеть югославские пароходы и баржи, поднимающиеся вверх по Тисе до самого Токая, а венгерские суда спускаются к устью Тисы, где она впадает в Дунай.

В 45 километрах ниже по течению Дунай принимает в себя самый большой правый приток Саву. Там, где впадает Сава, стоит Белград — белокаменная столица Социалистической Федеративной Республики Югославии.

Городом на семи холмах называли Белград до войны. Может быть, так оно и было. Но сейчас городские кварталы шагнули далеко за Саву, распростра-

нились по заречной низине, образовав Новый Белград.

Много лет прошло после тех горячих дней осени 1944 года, когда братские народы — советский и югославский — совершили великий ратный подвиг во имя освобождения этой страны. И вот я снова в Белграде. Хожу по его улицам и площадям. С вершины холма, где стоит древняя крепость Калемегдан, любуюсь городом и не узнаю его.

Да, трудно узнать в этом большом красивом городе югославскую столицу сорок четвертого года. Тогда здесь все было окутано пороховым дымом, оглушено непрерывающимся грохотом артиллерийской канонады, сквозь который то здесь, то там прорывалась дробь пулемета и автоматной стрельбы. Части Советской Армии блестяще выполнили свою задачу. Все участники Белградской операции были награждены медалью «За освобождение Белграда», учрежденной Президиумом Верховного Совета СССР. Отличившимся советским частям и соединениям было присвоено наименование «Белградских», 2 тысячи солдат и офицеров получили югославские ордена и медали, а тринадцати из них, в том числе и генералу Жданову В. И., было присвоено звание Народного героя Югославии. Орденами и медалями Советского Союза были награждены многие воины Народно-освободительной армии Югославии, отважно сражавшиеся вместе с советскими солдатами.

«Белград протягивает руку Москве, Москва несет ему свободу,— писала в те дни загребская газета «Виесник».— Белград — это символ нашей победы, нашей общей победы».

...И вот Шумадийская улица, та самая, на которой мы тогда остановились, чтобы развернуть план Белграда и затем ринуться по сложному лабиринту городских улиц и переулков, среди стреляющих домов и площадей в поисках штаба корпуса генерала Жданова. И снова здесь же, на Шумадийской, как в те дни, развертываю план Белграда, но не военный, вынутый из офицерской планшетки, а подаренный мне накануне коллегой из Белградского радио.

Машина идет по городским улицам, тем самым, что запомнились мне еще по октябрьским дням

1944 года. Здравствуй, Белград! Война оставила огромные разрушения: в городе было уничтожено 14 тысяч зданий, выведены из строя чуть ли не все трамвайные линии. Разрушены мосты через Саву. Все это надо было восстановить. И построить новые дома, мосты, дороги. Белградские друзья назвали мне две любопытные цифры: до войны население югославской столицы вместе с пригородами составляло немногим более 400 тысяч человек, теперь оно близко к миллиону.

Интересный разговор на эту тему произошел у меня в вагоне скорого поезда Белград — Любляна. Моим спутником по купе оказался совсем еще молодой мужчина, который представился как белградский архитектор. Узнав, что я из Москвы, мой попутчик с большим интересом и знанием дела начал расспрашивать, как строится советская столица, как выглядят Черемушки, о которых он уже многое слышал, другие новые кварталы. Потом разговор перешел на Белград.

— Историки вам скажут, что на стрелке Дуная и Савы, где стоит наш Белград, люди жили еще много веков назад, что во времена Древнего Рима здесь уже был город,— говорил мой спутник.— Но разве не правы те югославы, которые исчисляют историю своей столицы с 20 октября 1944 года? Освобождение Белграда открыло новую страницу его истории. Это было второе рождение города, и оно стало возможным благодаря героизму ваших и наших воинов...

Архитектор на минуту умолк, затем спросил:

— Вы видели Новый Белград? Посмотрите...

Поезд в это время проходил через новый пригород югославской столицы. Мой спутник выключил свет в купе, и мы увидели мелькавшие за окном в неярком свете ночного освещения широкие кварталы, выросшие за последние годы на пустынных берегах Савы и Дуная...

— Красивый молодой город, правда же? — Эти слова моего спутника по купе, с которым нельзя было не согласиться, вернули нас к теме нашего разговора, начатого еще на вокзале в Белграде.

— Знаете,— продолжал он,— строительство Белграда, да, впрочем, и других югославских городов,

сразу же после войны вышло далеко за рамки простого восстановления. В нем нашли свое отражение преимущества современного градостроения в условиях победы нового общественного строя.

Строительство новых городов позже было темой многочисленных разговоров и в других городах страны, где я побывал. Это одна из острых проблем современной Югославии. И не только потому, что война принесла этой стране много разрушений. Численность населения югославских городов сегодня в 3 раза больше, чем в довоенные годы. В недалеком прошлом отсталая аграрная страна, Югославия создала свою индустрию, и этот процесс продолжается, вызывая дальнейший рост городов.

В Загребе, втором по величине югославском городе, который, как и Белград, уже перешагнул через Саву, на заречные равнинные просторы, я побывал в институте градостроения, видел там генеральный проект реконструкции города. Те же проблемы, что и в Белграде: реконструкция старого центра этого древнего города на склонах горы Медведицы и строительство новой части — южнее Савы. Я осмотрел уже поднявшиеся за Савой первые кварталы будущего нового города.

— В столице, да и по всей стране, вы увидите большие перемены,— говорили мне белградские друзья, провожая в поездку по Югославии.— Но одно неизменно в нашем народе — и в этом вы убедитесь сами — любовь к советским людям, которые помогли нам завоевать свободу.

Как раз в те дни, летом 1965 года, в югославской столице по решению Белградской городской скупщины было переименовано несколько проспектов и улиц. Им присвоили имена видных советских полководцев, руководивших боями за освобождение Белграда. Бывший Южный бульвар стал называться бульваром Красной Армии, улица Инвалидов войны — улицей маршала Толбухина, Космайская — улицей маршала Бирюзова, Майская — улицей генерала Жданова...

Бойцы вспоминают минувшие дни

Ранним утром отправились мы скорым поездом из Белграда в Ниш. Живописная долина Моравы и железнодорожная магистраль вдоль нее. В октябре сорок четвертого года борьба в горах Восточной Сербии, собственно, и была борьбой за выход на эту главную магистраль, соединяющую Балканы с Центральной Европой.

Вот почему такими жестокими и кровопролитными были здесь бои. Именно в этом районе советские и югославские воины наносили тогда первые совместные удары по врагу. О тех днях напоминают памятники советским воинам, поставленные благодарным югославским народом. У дороги близ Крагуевца, главного города Шумадии, на скромном обелиске, увенчанном красной звездой, я прочитал:

> *Путник, остановись и прочти! Здесь сложили головы отважные сыны Советской страны, борясь далеко от своей Родины за нашу общую свободу, против общего врага демократии и мира, против врага всех свободолюбивых народов — немецкого фашизма.*

Но не только памятники напоминают о совместной борьбе наших народов против общего врага в суровые дни войны. Ратные подвиги советских воинов-освободителей, совместные бои против гитлеровских захватчиков живы в памяти людей этой страны.

... В городе Нише, куда белградский скорый поезд прибыл около полудня, нас встретила группа ветеранов народно-освободительной борьбы. Тут были и председатель местного союза ветеранов Драгомир Стоянович, больше известный по старой партизанской кличке Войкан, и первый организатор народной власти в Нише ныне пенсионер Светомир Шумарку, и нынешний его преемник — председатель скупщины Ратко Митич, и полковник Джура Златкович, бывший партизанский командир... Разговор сразу же принял дружеский характер, мы так хорошо понимали друг друга, что нашему переводчику почти нечего было делать.

С волнением вспоминал о первых встречах с со-

ветскими людьми, об их помощи в налаживании мирной жизни Светомир Шумарку.

— Пожалуй, мы никогда не сможем в полной мере отблагодарить за все то, что сделали для нас Советская Армия и советский народ,— сказал он с чувством.

— Я помню,— добавил Войкан,— как радовались наши партизаны в селе Слышане, где я в то время был комиссаром отряда, когда узнали о переходе Советской Армии через Дунай на югославскую территорию...

А молчаливый полковник Джура Златкович вынул из кармана записную книжку и начал читать отрывки из своего дневника. Записи были сделаны в сентябре — октябре 1944 года, когда Златкович был комиссаром 7-й бригады 23-й дивизии НОАЮ, сформированной на базе партизанских отрядов Нишского края. Отсюда дивизия отправилась в горы Восточной Сербии на соединение с наступавшей Советской Армией. По пути с ходу был взят Заечар, но вскоре под давлением превосходящих сил гитлеровцев бойцы были вынуждены оставить этот город. Вторично он был освобожден силами той же дивизии, действовавшей совместно с частями Советской Армии. О том, как произошла встреча дивизии с советскими воинами, и рассказывается в дневнике Джуры Златковича. С разрешения автора привожу здесь одну из его записей.

2.10. Впервые вступили в соприкосновение и прямую связь с Красной Армией. Это была разведгруппа с радиостанцией, имевшая на вооружении три противотанковые пушки. Мы встретились с ними у села Глосовица. Объятиям, поцелуям не было конца. В одном доме красноармейцы взяли только что испеченный хлеб, сделали в нем лунку, насыпали туда соли, и мы, сидя за столом, несколько наших и советских офицеров, подняли этот хлеб, разломили на части и дали каждому по кусочку. Таким образом, как сказали красноармейцы, мы по их обычаю ознаменовали первую встречу бойцов братских армий.

...С большой группой бывших партизан встретился я в городе Смедеревска Паланка. Именно в этом районе в октябре 1944 года советские танкисты

из корпуса генерала Жданова вышли в долину Моравы и, овладев с ходу железнодорожной станцией на западном берегу реки, перерезали магистраль Ниш — Белград. Здесь они встретились с бойцами Первого пролетарского корпуса НОАЮ и отсюда вместе двинулись на Белград. Многие из собравшихся в небольшом зале районной скупщины были участниками или свидетелями этой встречи. Весь седой, но еще крепкий на вид Крста Филипович шел со своим партизанским отрядом навстречу Советской Армии.

— Я видел,— рассказывает он,— как радостно, с каким ликованием встречало население советских солдат. В соседнем городе Велика Плана все рабочие вышли ремонтировать разрушенный мост, чтобы танки могли двигаться на Белград. Все, что мы могли, с радостью делали. А как же иначе? Все понимали, что это наши братья-освободители...

Богдан Девич был комиссаром партизанской бригады, которая встретилась с танкистами генерала Жданова в соседнем городке Ораше. ««Садитесь на танки»,— сказали нам танкисты,— и мы вместе с нашими советскими братьями,— вспоминает Девич,— двинулись дальше на Белград».

— В городе Лапово,— рассказывает Йован Стоматович,— советские «катюши» очень быстро разгромили гитлеровский гарнизон. Когда все было кончено, советский лейтенант сказал: «Ну, мы теперь пошли дальше, нам надо спешить на Берлин, а вы тут создавайте свою власть...»

Все заулыбались, с чувством глубокой симпатии к этому незнакомому им советскому лейтенанту, озабоченному тем, чтобы и гитлеровцы были разгромлены окончательно, и чтобы освобожденные народы установили свою власть.

Рассказам о встречах с советскими воинами, о совместных боях против гитлеровцев не было конца. Мне вспомнились слова великого русского поэта: «Бойцы вспоминают минувшие дни и битвы, где вместе сражались они». Кто-то предлагает тост за югославско-советскую дружбу.

— Нет,— решительно говорит рослый и веселый Милан Шишкович,— не только за дружбу, а и за братство! За братство по оружию!

Да, как друзей и братьев встретил народ Югославии советских воинов в суровую годину войны. «Наши народы,— сказал маршал Тито на митинге советско-югославской дружбы летом 1965 года в Москве,— высоко ценят вклад, внесенный Советским Союзом и его славной армией, вынесших в роковые годы войны самую большую тяжесть и сыгравших решающую роль в деле победы над темными силами фашизма».

Шаги экономики В октябре сорок четвертого года, когда шли бои Советской Армии у стен Крагуеваца, мы проехали мимо этого города, торопясь к Белграду. А потом я узнал, что с Крагуевацом связана одна из величайших трагедий второй мировой войны. Город был освобожден 21 октября, на второй день после Белграда. А за три года до этого, тоже 21 октября, здесь свершилось одно из тягчайших преступлений гитлеровцев на югославской земле. В этот день оккупанты расстреляли 7 тысяч жителей города, в их числе 300 учеников гимназии и 18 педагогов во главе с директором Милое Павловичем.

В местном музее собраны документы, которые раскрывают потрясающие подробности этого массового преступления нацистов. И там же мне рассказали о большом вкладе Крагуеваца в борьбу югославского народа против фашистских оккупантов. Уже в первые дни после нападения гитлеровской Германии на СССР здесь из рук в руки передавались листовки с призывом Компартии Югославии: «Сейчас решается судьба великой России, следовательно, решается судьба всех славян, в том числе сербов, хорватов, черногорцев, словенцев, чехов, поляков... К оружию, братья!»

В районе Крагуеваца был создан один из первых в стране партизанских отрядов.

Во время пребывания в Югославии в 1965 году я с волнением принял предложение о поездке в Крагуевац. В этом городе, ставшем после войны экономическим центром Шумадии, проживает уже более 40 тысяч человек — в 2 раза больше, чем до освобождения. Здесь выросли корпуса одного из крупнейших автомобильных предприятий страны — «Црвена за-

става», консервный завод, десятки мелких предприятий. Новые кварталы современных жилых домов, красивые площади с фонтанами совершенно изменили внешний облик Крагуеваца.

Из Крагуеваца мы поехали в Риеку. В этом городе на берегу Адриатического моря посетили восстановленные, а по существу, заново построенные после войны судостроительные верфи.

— Здесь сооружаются теперь морские суда водоизмещением 20 тысяч тонн и больше,— сказал мне экономист Томислав Блажич.

Мы проходили мимо стапелей, где закладывались остовы будущих морских судов. Рядом стояли недавно спущенные на воду огромные танкеры.

— Эти,— объяснил мой собеседник,— построены по заказу Советского Союза: «Риека», «Резекне» и «Павел Дыбенко». А на очереди еще четыре таких же многотоннажных танкера для Советского Союза...

Около восьмидесяти больших морских и других судов должны построить югославские верфи Риеки, Сплита, Пулы к 1970 году в соответствии с договором между нашими странами. Но это только одна из сторон советско-югославского экономического сотрудничества. Обе страны, как показывает опыт последних лет, располагают большими возможностями для дальнейшего его расширения на долгосрочной основе, причем в самых различных областях экономики, науки, техники. Советский Союз, например, поставляет комплектное оборудование для металлургических заводов, теплоэлектростанций и других промышленных предприятий Югославии и оказывает ей техническое содействие в строительстве ряда объектов. Так, возле Смедерево, в полсотни километров юго-восточнее Белграда, где в октябре 1944 года Советская Армия вела совместно с частями НОАЮ особенно жестокие бои с гитлеровскими войсками, строится металлургический комбинат. Сооружается он по проекту, разработанному советскими специалистами, оборудование для него поставит Советский Союз. Это будет одно из наиболее крупных металлургических предприятий страны: его полная мощность — свыше миллиона тонн качественной стали.

В Любляне меня ознакомили с предприятием тяжелого машиностроения «Литострой».

— Литостроевцы,— рассказывал сотрудник республиканского секретариата по информации,— уже несколько лет поддерживают деловые связи с ленинградскими машиностроителями.

Надо сказать, что «Литостроем» с полным основанием гордятся трудящиеся страны: они построили его своими руками в первые годы после освобождения. Раньше здесь, на окраине города, было кукурузное поле, а сейчас в просторных корпусах цехов не смолкает гул моторов. Здесь освоено производство мощных турбин и подъемных кранов, дизель-моторов, насосов и другого оборудования для нужд народного хозяйства и для экспорта.

Деловые контакты между коллективами советского и югославского заводов, говорили мне югославские друзья, помогают литостроевцам в выполнении заказа для гидроэлектростанции у Железных Ворот на Дунае, которую совместно строят Югославия и Румыния.

...На Теразие, одной из центральных улиц Белграда, в здании напротив старой гостиницы «Москва», помещается Союзная экономическая палата СФРЮ. Отсюда можно, образно выражаясь, окинуть взглядом всю экономику страны. Здесь я побывал сразу по приезде в Белград и многое из того, что я услышал в ходе продолжительной беседы с руководящими работниками палаты, подтвердилось во время моей поездки по стране.

Отсталой аграрной страной была старая, королевская Югославия. Ее экономику душил иностранный капитал. Предприятия текстильной, горнорудной и машиностроительной промышленности, как правило, принадлежали иностранным компаниям или были с ними тесно связаны. Природные богатства за бесценок вывозились за границу. Социалистическая революция перестроила экономику страны. Уже в 1946 году были национализированы основные средства производства, в том числе и вся иностранная собственность. Росли новые заводы и фабрики, вступали в строй шахты и электростанции.

Вот короткая история Зеницы, одного из древних югославских городов, что раскинулся на берегах трех рек Боснии. Тяжкая судьба выпала на его долю в годы гитлеровского нашествия: фашисты уничтожили большинство жителей города, разрушили почти все предприятия.

Металлургический комбинат Зеницы решено было реконструировать. Вначале эту работу взялись выполнить некоторые западноевропейские фирмы, но их расчеты не удовлетворяли югославских металлургов, которые поставили задачу максимально увеличить мощность комбината. Разработка проекта коренной реконструкции по соглашению между Югославией и Советским Союзом была поручена «Гипромезу». Новый проект был принят. Он предусматривает рост производственной мощности комбината к моменту завершения реконструкции в 3,5 раза при уменьшении числа занятых рабочих на одну пятую. «Интересный и весьма экономичный проект» — таково было решение югославских специалистов и хозяйственников.

В Загребе на месте маленькой, полукустарной мастерской вырос завод имени Народного героя Югославии Раде Кончара — крупное предприятие по производству генераторов для гидростанций, мощных трансформаторов, моторов. Строительство завода было начато буквально на второй день после победы над гитлеровской Германией, а лет десять спустя он производил за один год столько энергетических мощностей, сколько было во всей довоенной Югославии.

Зеница, Литострой, завод имени Раде Кончара — это только отдельные вехи на пути индустриализации. В послевоенные годы в стране создан ряд новых для Югославии отраслей промышленности, такие, например, как крупнотоннажное, морское судостроение, тракторостроение, автомобилестроение, радиотехническая промышленность.

В Союзной экономической палате меня познакомили с интересными данными об изменениях, которые произошли в структуре экономики за первые два десятилетия. До освобождения в промышленности Югославии создавалась четвертая часть национального дохода, сейчас — половина.

В послевоенные годы Югославия за короткий срок вошла, по определению югославских экономистов, в группу среднеразвитых промышленных стран. Однако, подчеркивали они, развитие до сих пор шло главным образом по экстенсивному пути, то есть за счет строительства новых предприятий, за счет увеличения производственных мощностей. В результате в промышленности, как отмечала югославская печать, образовались резервы неиспользуемых производственных мощностей, особенно в металлургии, судостроении, электротехнической промышленности.

— Здесь кроются огромные потенциальные возможности для роста производства,— сказал один из моих собеседников в Союзной экономической палате.— Поэтому сейчас мы берем курс на лучшее использование существующих мощностей, на значительное повышение рентабельности предприятий. Широкую дорогу получает кооперирование предприятий в производстве промышленных изделий...

В решении этой задачи, как отмечали мои собеседники, Югославии несомненно помогло бы расширение сотрудничества, и в частности кооперирование с другими социалистическими странами в рамках СЭВ.

У Железных Ворот

В югославской столице мне случайно попалась на глаза любопытная почтовая марка: на ней было изображено знаменитое дунайское ущелье Железные Ворота и указана стоимость в валютах двух государств — югославских динарах и румынских леях.

— Такую же марку можно купить и в Румынии, она выпущена в обращение обеими странами,— объяснили мне белградские друзья.— Мы ведь совместно строим гидроэнергетический комплекс на Дунае, у Железных Ворот...

Одно из живописнейших горных ущелий Европы, знаменитая дунайская теснина Катаракты протянулась на десятки километров от старинной югославской крепости Голубац почти до румынского города Оршов.

В одном придунайском селе возле Турну-Северина мне рассказывали партизанскую быль. Гитлеровцы, отступая под ударами советских войск, пытались «закрыть» Железные Ворота, взорвать скалы с

обеих сторон реки, чтобы они перегородили Дунай, по которому плыли вверх военные корабли Дунайской флотилии.

— Долго не смогли бы плавать корабли по Дунаю, если бы случилось такое,— говорили моряки.

Но гитлеровцам не удалось осуществить свой коварный замысел. Помешали югославские партизаны. Проведав от местного населения о планах фашистов, они совершили смелый внезапный налет на гитлеровских подрывников и сбросили их в Дунай...

Тесно и неудобно Дунаю в этом каменном ложе: ширина русла реки здесь всего 150 метров, глубина — более пятидесяти. Потому так круто меняется в районе Железных Ворот нрав в общем-то спокойного Дуная. Потому и мечется он, и кипит, и кидает суда от одной скалы к другой, кружит их в сатанинском водовороте. Пронзительный ветер поднимает встречную волну. Не раз жители прибрежных селений были свидетелями кораблекрушений, не раз спасали гибнущие экипажи...

Недаром «Лоция Дуная» особо предупреждает речников об этом участке реки — самом тяжелом и опасном для судоходства. На каждом шагу подстерегает их опасность сесть на мель или наскочить на подводную скалу. Но в последнее время многое уже сделано для улучшения судоходства в районе Железных Ворот. На некоторых наиболее порожистых участках взорваны каменные гряды и скалы. Построены Сипский обходной канал длиной около 2 километров и такой же длины железная дорога. Она проложена рядом с каналом, и, когда надо проводить суда против течения, «впрягается» паровоз: вместе с буксиром он с помощью стального троса тянет баржи и другие суда.

И все же плавание судов здесь продолжает оставаться исключительно трудным делом. Не раз ставился в прошлом и в Югославии и в Румынии вопрос об улучшении судоходства на Дунае в районе Железных Ворот, давно мечтали придунайские народы обуздать здесь могучую реку. Но только теперь суждено осуществиться этой мечте. Особое значение приобретает в этой связи сотрудничество двух соседних придунайских государств — Югославии и Румынии.

За последние годы между ними был заключен ряд соглашений, создана смешанная румыно-югославская речная администрация района Железных Ворот. На обоих берегах — румынском и югославском — действуют лоцманские станции.

— Румынский участок Дуная,— сказал на одном из заседаний постоянный представитель Румынии в Дунайской комиссии,— имеет большое значение для югославского флота, так же как и югославский участок для румынского. Это открывает перспективы для все более глубоких и тесных отношений между обоими государствами в области транспорта. Мы уверены, что эти возможности будут полностью использованы для дальнейшего развития экономического сотрудничества между Румынией и Югославией.

Но Дунай — это не только судоходство, а и миллиарды киловатт-часов электроэнергии. В течение семи лет румынские и югославские специалисты — геологи и геофизики, климатологи и гидрологи, гидротехники и архитекторы, энергетики и экономисты — подвергали Дунай и его берега тщательному исследованию. В июне 1963 года успешно закончились переговоры между Румынией и Югославией о совместном строительстве и эксплуатации гидроэнергетической и судоходной системы в районе Железных Ворот на Дунае. Соглашение предусматривает завершение всех работ в 1971 году.

После этого слово взяли югославские и румынские строители. В первых числах сентября 1964 года они вышли на берега Дуная в районе Железных Ворот. Здесь в торжественной обстановке начались работы на строительстве дунайского гиганта.

Проект гидроэлектростанции у Железных Ворот включил в себя последние достижения науки и техники в этой области. При его разработке специалисты Югославии и Румынии при активном участии советских специалистов нашли интересное решение. В районе, где Дунай течет в узком каменном ложе, сооружается плотина длиной более километра и высотой до 56 метров. На противоположных берегах к ней будут примыкать два здания ГЭС, по существу, две самостоятельные электростанции: «Железные Ворота» на румынском берегу и «Джердап» — на юго-

славском. В каждой из них разместят по шесть гидротурбин мощностью 175 тысяч киловатт. Часть из них поставит Советский Союз. В целом ГЭС будет вырабатывать до 11 миллиардов киловатт-часов электроэнергии в год. По своей мощности — 2100 тысяч киловатт — она займет место в первом десятке подобных сооружений во всем мире.

Советский Союз по договоренности с обеими странами поставляет для этой стройки и высокопроизводительные строительные механизмы, оборудование. Работает там и группа советских специалистов.

Строительство ведется одновременно с правого и с левого берега, и, когда концы плотины сомкнутся где-то посредине Дуная, уровень воды в реке поднимется на 35,5 метра. В ее глубинах скроются тогда каменные пороги, доставляющие столько неприятностей дунайскому судоходству. Кроме того, сооружаются два судоходных канала длиной 310 и шириной 34 метра каждый. Это в несколько раз ускорит прохождение судов через ущелье Железных Ворот, дунайские перевозки увеличатся в 4—5 раз.

Меж братских берегов

Живет одна древняя дунайская быль, оставившая свой след у Железных Ворот. На правом берегу вдоль Катаракт вьется узкая тропа, высеченная в отвесных скалах римскими завоевателями в начале нашей эры, когда Дунай стал ареной кровопролитных войн. К тому времени римские завоеватели, захватив Македонию, двинулись дальше на восток и вышли к Дунаю в районе Железных Ворот. Так появилась среди суровых теснин правого берега тропа, не превышавшая в ширину полутора — двух метров. Построил ее римский император Тиберий, но стратегическое значение она приобрела позже, когда император Траян продолжил тропу вдоль скалистого правого берега, а затем дал ей выход на столь же недоступный левый берег, построив в сто пятом году нашей эры знаменитый деревянный мост через Дунай, соединивший правобережное Кладово с левобережным Турну-Северином.

И сегодня еще в Турну-Северине можно видеть остатки моста Траяна. Сейчас недалеко от того места, где на двадцати высоких каменных опорах лежал

мост Траяна длиною 1200 метров, сооружается гигантская плотина гидротехнического комплекса.

Вырвавшись из каменных объятий Катаракт, Дунай замедляет свой бег. После Турну-Северина, крупного и всегда оживленного румынского порта, особенно заметно меняется характер реки: спокойно несет она свои воды среди пологих берегов с обширными цветущими садами и виноградниками Нижне-Дунайской низменности.

На сотни километров Дунай становится границей между Румынией и Болгарией, облик которых до неузнаваемости изменил социализм. За первые два десятилетия свободной жизни обе страны совершили, образно говоря, прыжок через века.

Новую жизнь строят народы этих стран, помогая в этом друг другу, сотрудничая с остальными странами социализма.

Один из ярких примеров тому — огромный двухъярусный мост, что перекинулся через Дунай из румынского города Джурджу в болгарский Русе. Они стоят почти напротив друг друга, каждому из них около тысячи лет, и оба переживают вторую молодость: Джурджу — важная нефтяная гавань Румынии, Русе — центр болгарского дунайского пароходства. Как о парадоксе рассказывают в Болгарии о том, что эта морская и речная страна не имела в прошлом своего торгового флота. За двадцать предвоенных лет она вынуждена была выплатить иностранным судоходным компаниям 10 миллиардов левов. Сегодня Болгария перевозит на своих судах свыше миллиона пассажиров и около миллиона тонн грузов ежегодно.

Мост построен у отметки 489-го километра. Это в 5—6 километрах от Джурджу и Русе, ниже по течению Дуная. В его сооружении принимали участие не только румыны и болгары, но и советские и чехословацкие строители. Назвали его «мостом дружбы».

Еще один мост дружбы перекинулся через Дунай из Румынии в Болгарию — электрический мост длиной более километра, по которому электроэнергия поставляется из Советского Союза через румынскую энергосистему. Трехстороннее соглашение об этом было подписано в 1965 году в Варне, а летом 1967 года

вступила в эксплуатацию линия электропередачи общей протяженностью 140 километров. Она соединила ТЭЦ в румынском городе Крайова с подстанцией в Бойчиновцах (Болгария). Проект этого крупного энергетического сооружения был разработан советскими, румынскими и болгарскими специалистами. Проблема перехода через Дунай также решалась их совместными усилиями; для беспрепятственного судоходства по реке воздушная линия укреплена на металлических опорах высотой 150 метров — на румынском и болгарском берегах. На территории СРР линию сооружали румынские строители, на территории НРБ — болгарские. Советские поставки электроэнергии Болгарии по новой линии достигнут в 1970 году 700 миллионов киловатт-часов. Это не только улучшает энергетический баланс Болгарии, особенно северо-восточной части страны, бедной источниками электроэнергии, но и позволяет в случае необходимости — например, при аварийных ситуациях в каких-либо системах обеих стран — оказывать взаимную помощь.

Выступая на митинге по случаю сдачи новой линии, министр электроэнергетической промышленности Румынии Эмиль Дрэгэнеску сказал, что сооружение этой линии является ярким примером технического и экономического сотрудничества между Румынией, Болгарией и Советским Союзом. «Румынские и болгарские энергетики,— сказал он,— совместно проектируют и другие крупные энергетические объекты: воздушную линию электропередачи напряжением 400 киловольт для передачи электроэнергии из Советского Союза через Румынию в Болгарию, а также гидроэнергетический комплекс на Дунае. Сооружение этих объектов внесет новый вклад в дальнейшее развитие отношений, непрерывно укрепляющихся в борьбе за общее дело социализма и мира на основе принципов интернационализма, уважения национальной независимости и суверенитета, невмешательства во внутренние дела и взаимной выгоды».

...Много старых и новых былей, скрепивших братскую дружбу румынского, болгарского и советского народов, хранят дунайские берега в этом районе. Русе, или, как называли его прежде, Рущук, Свиш-

тов, Никопол... Здесь во время русско-турецкой войны, принесшей освобождение Болгарии и независимость Румынии, русские, а затем и румынские войска форсировали Дунай, чтобы совместно с болгарскими ополченцами нанести поражение туркам под Плевной. О тех исторических днях и сегодня напоминает памятник русским воинам-освободителям в Свиштове.

Ратные подвиги воинов двух союзных армий и болгарских добровольцев еще больше укрепили братскую дружбу русского, болгарского и румынского народов. Результатом их совместной победы над войсками Оттоманской империи были переговоры в Сан-Стефано, в нескольких километрах от тогдашней турецкой столицы, к которой быстро приближалась четырехсоттысячная русская армия,— это и заставило «блистательную Порту» в срочном порядке запросить перемирия. Подписанный в феврале 1878 года Сан-Стефанский мирный договор зафиксировал освобождение Болгарии от пятивекового турецкого ига. Румыния была признана полностью независимой и получила выход к Черному морю — через Северную Добруджу с гаванью в Констанце.

Энергетика и химия Румынии

Километрах в шестидесяти от Джурджу вниз по течению Дуная в него впадает река Арджеш, берущая начало в Южных Карпатах. У ее устья раскинулся древний румынский город Олтеница, известный своей судостроительной верфью, где строятся дунайские пассажирские лайнеры, быстроходные и красивые.

Но не только этим знаменит быстрый Арджеш; на нем в последние годы появился второй в Румынии каскад гидроэлектростанций. Первый был создан в Молдове, на Бистрице.

Бурлива и стремительна, как все горные реки, эта Бистрица. Когда впервые пришли строители на ее берега, к подножию одной из самых высоких карпатских вершин, Чахлэу,— это было в начале 50-х годов — гордо и свободно несла она длинные плоты. С крутого берега хорошо было видно, как быстро скользили они вниз по реке.

Но прошло девять лет, и все изменилось в этих

местах. У подножия Чахлэу, в том месте, где в Бистрицу впадает речка Биказ, давшая название горному ущелью, выросла самая мощная гидроэлектростанция страны. Строители дали ей имя В. И. Ленина. Осенью 1960 года она вступила в строй.

...Вместе с секретарем партийного комитета Константином Георге переходим огромную плотину, перекинувшуюся с одного берега Бистрицы на другой. Рядовым рабочим пришел на стройку Константин Георге с первой группой строителей.

— Было здесь тогда голое место,— вспоминает он.— Лес да скалы — одним словом, медвежий угол. А теперь крупный энергетический центр, первый за всю многовековую историю Молдовы.

Могучая гидроцентраль на Бистрице положила начало созданию единой высоковольтной энергетической системы страны; ныне она охватывает все электростанции, позволяя, исходя из общегосударственных интересов, направлять энергию в те области республики и на те участки народного хозяйства, где в ней ощущается наибольшая потребность. А спустя шесть лет на Бистрице выросло еще 12 гидростанций; их установленная мощность— 134 тысячи киловатт. Своенравная и капризная Бистрица стала рекой электрической: она дает теперь стране столько электроэнергии, сколько давали все электростанции довоенной Румынии в 1938 году.

— Бистрица и двенадцать ее дочерей — начало создания серии электрических каскадов в нашей стране,— сказал как-то профессор Димиторе Леонида, которого в Румынии уважительно назвали «энергетиком номер один». Это по его давнему проекту, отвергнутому при буржуазном строе, создана гидроэлектростанция в Биказе.

Слова старого профессора как бы получили материальное воплощение в новом каскаде на Арджеше: 15 гидростанций сооружается на этой реке. Самая мощная — 220 тысяч киловатт — вступила в строй в начале 1967 года. Каскады гидроэлектростанций намечено создать еще на трех реках страны.

Одновременно в Румынии возводятся теплоэлектростанции, работающие на бурых углях и природном газе. Одна за другой выросли крупные станции

в Борзешти, Бразн, Крайове, Лудуше — все они по мощности превосходят Биказскую ГЭС. Так наращивается энергетическая мощь страны, которая до войны вырабатывала 1,1 миллиарда киловатт-часов электроэнергии, занимая одно из последних мест в Европе, а в 1965 году произвела 17,2 миллиарда киловатт-часов. Разработанная в Румынии программа освоения энергетических ресурсов и электрификации страны на период 1966—1975 годов предусматривает увеличение производства электроэнергии до 55—60 миллиардов киловатт-часов в год.

Знаменательно для нашего времени, что почти все свои энергетические объекты Румыния строит, или уже построила, в сотрудничестве с братскими социалистическими странами. На строительстве электростанций, как, впрочем, и многих других промышленных объектов, можно встретить советских строителей и энергетиков, на действующих электростанциях — уникальное оборудование с маркой Москвы, Ленинграда, Харькова, других городов Советского Союза, а также Чехословакии, Венгрии, ГДР... Нередко встречал я там румынских специалистов, которые окончили высшие учебные заведения в Советском Союзе или вместе с советскими специалистами сооружали первые электростанции после освобождения страны. Многие потом стали «капитанами» румынской энергетики, руководителями крупных электростанций, трестов, управлений. С одним из них я встретился в 60-х годах в Онешти, где тогда дала первый ток мощная ТЭЦ, ставшая энергетическим сердцем рождавшегося огромного химического комбината. Начальником этой теплоэлектроцентрали был назначен выпускник Московского энергетического института Иосиф Чупулига. Другой — Крафт — стал директором одной из самых крупных в республике Лудушской ТЭЦ. Кстати, на этой станции впервые в Румынии был установлен советский турбогенератор мощностью 200 тысяч киловатт, получивший высокую оценку румынских специалистов.

С помощью Советского Союза и других стран социализма Румыния подготовила отечественные кадры энергетиков. Если раньше, на первых этапах развития румынской энергетики, советские специалисты,

по договоренности между двумя странами, занимались не только поставкой оборудования, его монтажом и наладкой, но и проектированием и эксплуатацией, то теперь эти работы выполняют румынские инженеры. Например, проектированием занимается Проектный институт по энергетике, созданный в свое время с помощью Советского Союза. Выросли кадры эксплуатационников, налаживается выпуск отечественного оборудования.

Советский Союз поставляет Румынии энергооборудование, соответствующее современному техническому уровню. В 1964 году Румыния договорилась с Советским Союзом о техническом содействии в строительстве теплоэлектростанций. Общая мощность энергетического оборудования, которое обязался по этому соглашению поставить Советский Союз, составляет более 40 процентов мощности всех электростанций СРР на конец 1963 года. В марте 1965 года была достигнута договоренность о поставке трех советских турбогенераторов по 178 тысяч киловатт каждый — для румынской половины дунайской ГЭС у Железных Ворот. А в 1967 году было подписано новое соглашение о поставках Румынии советского оборудования для теплоэлектростанций и других предприятий.

Устойчивые высокие темпы развития энергетики в период 1950—1965 годов, когда они заметно опережали темпы роста промышленности в целом, а также в предусмотренный десятилетним планом период 1966—1975 годов обеспечивают постепенное уменьшение разрыва между СРР и передовыми промышленными странами в производстве электроэнергии на душу населения. По расчетам румынских специалистов, в период десятилетнего плана в стране будут построены новые электростанции общей мощностью примерно 3 миллиона киловатт. В результате выработка электроэнергии возрастет за это время более чем в 11 раз.

Наряду с энергетикой, развитие которой в Румынии считают одним из основных условий дальнейшего подъема экономики, большое внимание уделяется химической промышленности. Электричество и химия — сочетание этих отраслей тяжелой промышленности — наиболее характерная особенность

индустриализации Молдовы, как и других отсталых в прошлом областей республики.

Огромный химический комбинат в Онешти, о котором уже упоминалось, возник в долине реки Тротуш, в прошлом одном из самых глухих мест Молдовы, на базе богатых залежей соли и нефти. Здесь построены нефтеперегонный, содовый и полихлорвиниловый заводы.

— Главной же нашей гордостью,— говорили мне румынские друзья, показывая стройку в Онешти,— будет завод синтетического каучука. Наша страна не имеет собственного каучука, строящийся завод будет производить его вдвое больше, чем потребляет сегодня Румыния.

Завод вступил в строй действующих предприятий. И на выставке достижений народного хозяйства, посвященной 20-летию освобождения Румынии, у стенда Онештского комбината я увидел большие коричневые плиты синтетического каучука. Идет он не только на внутренние нужды, но и на экспорт.

Успехи Болгарии

Вторая встреча с Болгарией произошла у меня почти через семнадцать лет после первой. Радостной и взволнованной была эта послевоенная встреча. С людьми, городами и селами, знакомыми мне по сентябрю сорок четвертого года, с новой, социалистической Болгарией.

Случилось так, что для журнала «Проблемы мира и социализма», где я тогда работал, понадобилась статья о роли материальных и моральных стимулов в развитии общественного производства. Цветан Драгнев, представитель Болгарской компартии в редколлегии журнала, предложил автора — болгарского партийного работника и публициста Гришу Филипова.

— Я знал одного болгарина Гришу,— сказал я Драгневу,— во время войны с ним встретился.

— А где?

— В Ловече в сентябре 1944 года.

— Так я должен вам сказать, что мой автор тоже из Ловеча, но сейчас он живет в Софии и работает в ЦК партии. Может быть, это и есть ваш знакомый.

Так и оказалось. Встретились мы в здании ЦК, в кабинете Гриши. Трудно было узнать в нем того молодого человека, что встретил меня у Ловеча с авто-

матом в руках. Как бы отвечая на мои мысли, Гриша сказал:

— Да, и я бы вас не узнал... Семнадцать лет!..

За эти годы он успел окончить институт и аспирантуру в Москве, стал кандидатом экономических наук.

— Хотите повторить путь, который вы проделали в сентябре сорок четвертого: от Варны до Софии? — спросил Гриша и, помолчав, добавил: — И я бы с вами вместе не прочь, да времени нет — большое совещание готовим...

И я вновь проделал семнадцатилетней давности путь, увидел много нового, чего не было и не могло быть в сорок четвертом. Позднее я еще два раза побывал в Болгарии. И каждый раз наблюдал все более разительные перемены в экономике страны, в жизни людей. Среди скалистых отрогов Балканского хребта, на обширных равнинах и на берегах рек возникали новые индустриальные центры, поднимались современные заводы и фабрики, благоустроенные города и поселки, прокладывались железные и шоссейные дороги.

Социалистический строй вызвал к жизни небывалый подъем производительных сил, создал условия для наиболее целесообразного размещения их по всей стране.

...Идут поезда по новой железнодорожной магистрали, что протянулась вдоль Балканского хребта, по его южным отрогам. Это Прибалканская дорога, кратчайшим путем связавшая болгарскую столицу с Черноморским побережьем и его крупнейшими портами — Варной и Бургасом, помогающая наиболее полно использовать производительные силы страны.

В конце 40-х годов, когда началось движение по новой железной дороге, недалеко от Софии, в Пернике, строился первый металлургический завод. По ней доставлялось из Варны прибывшее морем советское оборудование для первенца болгарской черной металлургии. А пятнадцать лет спустя на базе открытых болгарскими геологами залежей железной руды выросло еще одно металлургическое предприятие — мощный комбинат в Кремиковцах. После пол-

ного завершения строительства он будет давать 5 миллионов тонн стали ежегодно.

Почти одновременно с Прибалканской дорогой вступил в строй и химический комбинат в Димитровграде — новом, социалистическом городе на юге Болгарии. То был тоже первенец в своей отрасли. А в 60-х годах в Стара-Загоре вступил в действие второй такой же завод, но вдвое мощнее. Азотнотуковый завод в Стара-Загоре является одним из крупнейших предприятий такого типа во всем мире. В настоящее время он производит 500 тысяч тонн искусственных удобрений, а к 1980 году его ежегодная продукция возрастет почти до миллиона тонн.

И завод в Стара-Загоре и Димитровградский комбинат работают на марицких лигнитах, добываемых открытым способом. Разработки крупнейших залежей лигнитов, начавшиеся в 50-х годах, открыли в Стара-Загорском округе колоссальные кладовые дешевого топлива. Здесь быстро создается мощный энергетический центр. Уже работает первая очередь энергопромышленного комплекса «Марица-Восток 1», который в Болгарии называют энергетическим сердцем страны. Его турбины с полным завершением строительства ТЭЦ будут давать 2 миллиарда киловатт-часов электроэнергии — в 10 раз больше, чем вырабатывалось во всей царской Болгарии. Быстрыми темпами строится «Марица-Восток 2», предусматривается создание третьего комплекса. К 1980 году Восточно-Марицкий бассейн будет давать стране 70 процентов угля и почти половину производимой в республике электроэнергии.

Болгария делает крупные шаги по пути социального и экономического прогресса. Преодолевая неизбежные при создании нового общества трудности, она успешно решает задачу развития производительных сил в широких масштабах и высокими темпами, на базе современной индустрии. Болгарские друзья берут себе на вооружение последние достижения науки и техники, новейшие методы организации производства и управления.

...В третий свой приезд в Болгарию я прежде всего посетил Государственное плановое управление. Для этого были две причины. Во-первых, я стремился по-

видать своего старого друга Гришу Филипова — он теперь был заместителем председателя управления. Во-вторых, хотел взглянуть на болгарскую экономику «с высоты» центральной планирующей организации.

— Всегда рад помочь советскому другу,— сказал Гриша, узнав об этой второй цели моего визита.— Тем более что мы как раз заканчиваем четвертую пятилетку и готовимся к пятой. Самое время, как говорится, окинуть взглядом вчерашний день и подумать о завтрашнем...

На столе появились диаграммы, таблицы. То были итоги и перспективы развития болгарской экономики. Мы вспомнили иронические высказывания западной печати по поводу первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Болгарии. «План болгар,— писала тогда английская «Таймс»,— амбициозен и поэтому-то... и фантастичен, следовательно, это не что иное, как средство пропаганды».

Жизнь отвергла эти оценки и прогнозы, болгары выполнили свой, по оценке «Таймс», фантастический план. И даже не за пять, а за четыре года. Успешно были завершены и последующие. Это были годы быстрого индустриального роста Болгарии, увеличения в ее общественном производстве доли промышленности, ставшей ведущей в народном хозяйстве страны. Любопытные данные были опубликованы в Софии в конце 1965 года: за годы как раз закончившейся тогда четвертой пятилетки Болгария создала новые производственные фонды в объеме, равном созданному за весь период существования государства — с 1878 по 1960 год. Если до войны соотношение между промышленной и сельскохозяйственной продукцией составляло примерно 1 : 3 в пользу сельского хозяйства, то теперь соотношение обратное — 3 : 1 в пользу промышленности. Болгарская промышленность производит продукции примерно в 30 раз больше, чем до войны. В 2 раза возросла валовая продукция сельского хозяйства.

И еще одно свидетельство растущей зрелости болгарской экономики.

— Внешняя торговля,— сказал мне министр внешней торговли Болгарии Иван Будинов,— это,

если хотите, визитная карточка страны. До войны из этой карточки вы бы узнали, что 96,2 процента болгарского экспорта составляли продукты сельского хозяйства — натуральные и переработанные.

— А сейчас?

— А сегодня большая часть нашего экспорта — продукция промышленности, почти четверть вывозимых нами товаров — машины и оборудование. Видное место занимают морские суда и электроника, подъемно-транспортное и кузнечно-прессовое оборудование, станки и сельскохозяйственные машины, сложнейшее оборудование для химической, текстильной, пищевой промышленности. В семьдесят стран Европы и Азии, Африки и Латинской Америки идет теперь промышленная продукция с маркой Болгарии...

Иван Будинов, как и Гриша Филипов, как многие другие командиры болгарской экономики, с которыми мне довелось познакомиться в этой стране,— люди из толщ народных, их выдвинула социалистическая революция. На промышленных предприятиях, где я побывал, руководящие посты, как правило, занимают молодые инженеры. Это тоже типичная примета роста болгарской индустрии. До войны во всей стране насчитывалось 2 тысячи инженеров, сегодня их — 30 тысяч. А число окончивших средние технические училища достигло 200 тысяч. Мне рассказывали, что среди работников энергетической промышленности высшее или среднее образование имеет каждый второй, химической — каждый шестой. На комбинате цветных металлов в Пловдиве, одном из крупнейших предприятий страны, почти четверть коллектива составляют инженеры и техники, квалифицированные рабочие со средним техническим образованием.

По поводу новой технической интеллигенции одна болгарская газета как-то писала: «Их биографии различны. Но всех объединяет одно: они выросли в новое время. Строительство социализма стало их судьбой, призванием, целью жизни...»

Мои друзья в Софии посоветовали мне посмотреть какое-нибудь предприятие пищевой промышленности. Из того, что Болгария ускоренными темпами развивает индустрию, говорили они, было бы непра-

вильным сделать вывод, будто сельскохозяйственное производство или пищевая промышленность предаются забвению. Наоборот, производственные фонды в сельском хозяйстве только за годы последней пятилетки возросли на 1 миллиард левов, то есть примерно на одну треть по сравнению с 1960 годом.

Быстрая механизация и химизация — главная особенность болгарского сельского хозяйства и решающее условие его дальнейшего подъема. К началу 1967 года в сельском хозяйстве страны насчитывалось более 70 тысяч тракторов — на 30 тысяч больше, чем за пять лет до этого. Количество химических удобрений, вносимых на гектар, выросло более чем в 3 раза. Расширились площади орошаемых полей. В результате Болгария вышла в ряды государств с высокоразвитым сельским хозяйством.

При этом надо особо отметить — увеличение переработки сельскохозяйственного сырья промышленностью, при сохранении уровня экспорта его в натуральном виде. Созданы государственные объединения, задача которых закупать у крестьян и перерабатывать сельскохозяйственную продукцию. Поднимается технический уровень традиционной болгарской промышленности, издавна занимающейся переработкой овощей и фруктов.

— Поезжайте, например, в Кричим и вы убедитесь в этом сами,— посоветовали мне в Софии, в Государственном плановом управлении.

И вот наша «Волга» мчится в сторону Пловдива. Справа и слева от дороги, обсаженной фруктовыми деревьями, раскинулись плодородные поля, обширные сады, виноградники, плантации табака и хмеля. Это и есть знаменитая Фракийская низменность, богатейший край, район наиболее интенсивного сельского хозяйства. Отсюда идут на экспорт тысячи тонн отличных томатов, других овощей, фруктов. Кстати, по экспорту свежих помидоров Болгария сейчас занимает первое место в мире: свыше 200 тысяч тонн в год, почти в 25 раз больше, чем до войны! Помимо этого она ежегодно вывозит за границу 40 тысяч тонн очищенных помидоров и столько же томата...

В городе Кричиме мы легко нашли комбинат с характерным названием «Витамина»: к нему шли вере-

ницы грузовиков с овощами, а на заводском дворе возвышались видные издалека штабеля деревянных ящиков. Ряд сел, которые мы проезжали по пути в Кричим,— поставщики сырья для этого комбината. В соответствии с подписанными контрактационными договорами они продают комбинату овощи, фрукты, виноград. Такое же положение и в других местах страны, где имеются подобные комбинаты: близлежащие села становятся их сырьевой базой...

Комбинат «Витамина» возник на базе полутора десятка маленьких консервных фабрик, существовавших до войны. За последние годы были построены новые современные цехи, расширены и модернизированы старые. В результате объем производства увеличился против довоенного в 15 раз. За границей широко известна болгарская марка «Витамина»: примерно 80 процентов всего, что выпускает Кричимский комбинат, идет на экспорт.

— А как оценивается там ваша продукция? — спросил я директора комбината Атанаса Тодорова Хайдушки.

Он подвел к витрине в углу; там лежали золотые, серебряные и бронзовые медали, которых были удостоены кричимовцы на различных международных ярмарках за последние несколько лет.

ГЛАВА V

ДВА ФАКТОРА УСПЕХА

Знакомство с болгарской промышленностью, пожалуй, лучше всего начинать со Сливена. Здесь в глаза бросается самая характерная черта современного индустриального роста республики: рядом с текстильными фабриками, построенными «еще при турках» и теперь модернизированными, поднимаются предприятия новых отраслей болгарской индустрии.

Еще сравнительно недавно Сливен славился только текстильными фабриками. Первая из них основана более ста лет назад. Турки, владевшие тогда Болгарией, не разрешали создавать промышленность, но болгарский торговец Добри Желязков покупал текстильные машины в России и в разобранном виде тайно перевозил их на родину, пряча детали в мешках с шерстью. Ему-то и удалось создать в Сливене первую на Балканах текстильную фабрику.

А сегодня Сливен производит около 40 процентов шерстяных тканей Болгарии. Но при этом в общем объеме промышленности самого Сливена доля текстильного производства составляет всего лишь немногим больше половины. Сегодня Сливен — это центр и текстильного машиностроения и электропромышленности. Болгария выпускает сейчас 52 вида машин для текстильной промышленности, а в дальнейшем, по решению исполкома СЭВ, будет специализироваться на производстве 22 видов таких машин.

Электроламповый завод — пока единственный в Болгарии — за десять с небольшим лет увеличил производство в 10 с лишним раз.

— Сейчас,— рассказывали мне на заводе,— мы расширяем выпуск ламп с вольфрамовыми и молибденовыми нитями; до сих пор нам приходится их импортировать. Строится новый цех — по производству кинескопов.

Сливенские перемены, пожалуй, наиболее примечательная черта структурных сдвигов в промышленности, да и вообще в народном хозяйстве Болгарии. Быстро растут наиболее прогрессивные отрасли, которые, собственно, и определяют сегодня лицо экономики страны, темпы ее научно-технического прогресса. Речь идет прежде всего о машиностроении, энергетике, химической промышленности. Они уже вышли на первое место среди отраслей болгарской индустрии, и пятым пятилетним планом развития народного хозяйства Болгарии для них предусмотрен наиболее высокий рост.

Вот несколько цифр, которые говорят о том, что болгарские друзья проявляют большую заботу о создании энергетических условий для комплексной механизации и автоматизации производства. Электроэнергии было произведено в Болгарии: в 1929 году — 266 миллионов киловатт-часов, в 1956 году — 2400 миллионов, в 1960-м — 4700 миллионов, в 1965-м — 10 300 миллионов, в 1967-м — 13 600 миллионов, в 1968-м — 16 миллиардов киловатт-часов.

Интересно сравнить это с положением у соседей Болгарии. В 1937 году в Болгарии было произведено в расчете на душу населения 42 киловатт-часа, в Греции — 63. Но уже в 1960 году в Болгарии на одного человека приходилось 592 киловатт-часа электроэнергии, в Греции — 276, а в Турции — 104. С того времени соотношение еще больше изменилось в пользу Болгарии: в 1965 году производство электроэнергии на одного человека достигло здесь 1250 киловатт-часов, в 1967 году — почти 1660 киловатт-часов. Разработан перспективный план на период до 1975 года, предусматривающий дальнейший рост производства электроэнергии. В стране началось строительство или расширение 18 электростанций общей

мощностью 2 миллиона киловатт. Но растущая болгарская промышленность, особенно химия, предъявляет к энергетике еще большие требования. Выработка электроэнергии должна опережать потребность в ней, это — непреложное правило успешного развития современного производства. Между тем в Болгарии за пятилетие фондовооруженность в расчете на одного человека, занятого в материальном производстве, увеличилась примерно на 80 процентов, а энерговооруженность — только на 70 процентов.

В связи с этим Болгария обратилась к правительству СССР с просьбой спроектировать атомную станцию и поставить оборудование для нее. Просьба болгар удовлетворена, и строительство атомной электростанции начнется еще до 1970 года. Подготовка к строительству началась уже в 1967 году: правительство НРБ утвердило основные технико-экономические показатели и одобрило выбор строительной площадки близ села Козлодуй на Дунае. Основные проектные работы первой болгарской атомной электростанции выполнены советским проектным институтом «Теплоэлектропроект». Советский Союз поставляет Болгарии атомные реакторы и другое оборудование, в СССР готовятся кадры болгарских специалистов-эксплуатационников для атомной электростанции. Мощность ее первой очереди определена в 800 тысяч киловатт, полная мощность — в 1200 тысяч киловатт.

Одновременно с ростом энерговооруженности страны развивается ее электротехническая промышленность, по существу заново созданная после войны. В Софии я побывал на крупнейшем в Болгарии предприятии этой отрасли — заводе имени В. Коларова. Его коллектив освоил производство синхронных и асинхронных двигателей, трансформаторов и т. д. В стране создано несколько научно-исследовательских институтов и предприятий, изготовляющих электронную аппаратуру; по отзывам специалистов, она отвечает последнему слову техники. Убедительным свидетельством растущей зрелости этой новой отрасли болгарской индустрии служат заказы на ее продукцию, поступающие из Венгрии, ГДР, Румынии, Югославии и других стран.

В Пловдиве, одном из крупнейших промышленных городов Болгарии, известном во всем мире своей ежегодной ярмаркой, мне рассказали любопытную историю. В 1892 году, когда впервые открылась Пловдивская ярмарка, на ней демонстрировалась машина, изготовленная в городе Карлово. Возле машины всегда стояли толпы людей, на нее приходили поглазеть как на чудо. Предназначалась машина для изготовления деревянных шпилек...

— А сегодня в Карлово,— сказал мой болгарский коллега Милен Станев,— производятся болгарские тракторы, которые можно увидеть не только здесь, на Пловдивской ярмарке, но и в других странах мира.

Болгария создала за послевоенные годы развитую машиностроительную промышленность, которая обеспечивает значительную часть потребностей страны в машинах и оборудовании. Основная часть машиностроительных заводов — современные предприятия, рассчитанные на крупносерийное производство и способные выпускать продукцию на уровне мировых стандартов. При этом в болгарском машиностроении происходят структурные изменения прогрессивного характера. Наиболее быстрое развитие получают те отрасли, которые имеют решающее значение для технического перевооружения производства, ускорения технического прогресса. Например, электроника и приборостроение при среднегодовом росте объема всего машиностроения на 18 процентов будут увеличивать выпуск своей продукции на 24—25 процентов ежегодно.

— Без этих прогрессивных изменений в структуре нашего машиностроения,— говорили мне болгарские друзья,— оно не могло бы играть предназначенной ему роли в ускорении технического прогресса, а значит, и в подъеме всей экономики страны.

Есть еще одно обстоятельство, оказывающее существенное влияние на формирование структуры болгарского машиностроения: треть его продукции предназначается на экспорт. Именно по этой причине в новом пятилетии возрастет доля кораблестроения, приборостроения, радиотехнической и некоторых других отраслей машиностроительной промышленности, работающих на экспорт.

Кстати, это только подчеркивает тот несомненный факт, что Болгария, как, впрочем, и другие братские страны, уже вышла из стадии, когда формирование структуры промышленности определялось почти исключительно или главным образом внутренними потребностями. Сегодня профиль болгарского машиностроения складывается в ходе международного социалистического разделения труда, которое позволило Болгарии выйти за пределы ограниченных возможностей ее внутреннего рынка.

Наладив производство ряда изделий в оптимальных масштабах, Болгария стала основным экспортером этих товаров в страны СЭВ. Она обеспечивает 36 процентов импортных потребностей этих стран в подъемно-транспортном оборудовании, 28 — в электротехническом, почти половину импортных потребностей в электромоторах переменного тока. В рамках СЭВ — на многосторонней и двусторонней основе — Болгария специализируется на производстве такой продукции, как металлообрабатывающие станки, суда, машины и оборудование для пищевой промышленности, сельскохозяйственные и текстильные машины, химическое оборудование, изделия электроники, контрольно-измерительные приборы и другое. Всего страна производит 130 видов машин и оборудования.

В Ловече, который стал за годы народной власти одним из растущих центров молодого болгарского машиностроения, мне рассказали о создании в республике совершенно новой отрасли — производства легковых автомобилей. Организуется оно совместными усилиями Болгарии и Советского Союза на базе ловечского машиностроительного завода «Балкан».

— Перемены, которые произошли в нашем городе и округе,— сказал мне секретарь Ловечского окружного комитета БКП Минко Тодоров Минков,— это перемены, типичные для всей нашей страны, для ее индустриального роста.

До войны это был в основном сельскохозяйственный район с небольшими кустарными мастерскими. Таким я его увидел и в памятные сентябрьские дни сорок четвертого года. Но с тех пор он превратился в индустриально-аграрный район. Две трети произво-

димой здесь продукции составляет теперь промышленная продукция. Ведущее место занимает машиностроение: мотоциклы, мопеды, велосипеды, а также электромоторы, микродвигатели, станки.

Корпуса завода «Балкан» раскинулись на окраине Ловеча. Здесь налажен выпуск малолитражных автомобилей типа «Москвич-408». Для этого построены новые цехи: кузнечно-прессовый, сборочный и цех окраски. Оборудование и вся техническая документация получены из Советского Союза. В Москве на заводе малолитражных автомобилей прошли практику большие группы квалифицированных рабочих и инженеров из Ловеча. В первые годы из СССР будут поступать готовые двигатели и основные узлы; остальные детали, а также сборку машин и окраску производит «Балкан». По мере освоения производства узлы, а затем и моторы будут выпускаться в Болгарии.

В новой пятилетке болгарское машиностроение развивается в условиях еще более тесного кооперирования со странами СЭВ. На этом пути, уже проверенном практикой ряда лет, Болгария намечает достигнуть увеличения объема продукции машиностроения к 1970 году в 2,3 раза против 1965 года, а к 1980 году — в 16—17 раз.

Говоря об условиях развития болгарской экономики, председатель Совета Министров НРБ Тодор Живков в одном из своих выступлений назвал кооперирование болгарской экономики с экономикой братских стран, и прежде всего Советского Союза, могучим фактором экономического подъема Болгарии. Без этого,— сказал он,— мы не могли бы решать такие крупные проблемы, как проблема индустриализации, не могли бы развивать производительные силы страны в таких масштабах и темпах, которые имеют место сейчас, не могли бы обеспечить быстрое развитие машиностроения, сельского хозяйства, не могли бы добиться высоких темпов развития общественной производительности труда и роста национального дохода страны.

Опыт Болгарии неопровержимо доказывает, что в условиях социализма межгосударственная специализация и кооперирование производства не только не

противоречат комплексному развитию хозяйства отдельных стран, а, наоборот, способствуют созданию национальных комплексов.

В Болгарии подчеркивают большое значение экономической специализации стран социализма в рамках СЭВ и на двусторонней основе.

Разумеется, болгарские друзья, во всяком случае те из них, с которыми мне приходилось беседовать на эту тему, отдают себе отчет в том, что проблема межгосударственной специализации весьма сложна. Ее решение связано со многими объективными и субъективными факторами. «Сегодня очень важно,— говорил мне один болгарский экономист,— разнообразить формы экономического сотрудничества, чтобы они исходили из позиций социалистического интернационализма и в то же время отвечали национальным интересам разных стран». В качестве примера он привел отраслевые производственно-экономические организации, созданные с участием Болгарии на многосторонней основе: трансъевропейский нефтепровод «Дружба», своеобразная биржа металла «Интерметалл», организация по производству шарикоподшипников с местопребыванием в Варшаве и другие.

Полностью оправдали себя, по мнению болгар, и подобные же организации, созданные на двусторонней основе.

Я побывал на медном руднике «Медет», который приводят как пример углубления межгосударственной специализации на двусторонней основе. После полного завершения строительства рудник будет давать 8 миллионов тонн руды в год. Строится он Болгарией совместно с Чехословакией на базе богатейших залежей медной руды в отрогах Балканского хребта на берегу речки Медет. Запасы медной руды здесь исчисляются в 120 миллионов тонн, добывать ее можно открытым способом. Рядом с рудником обогатительная фабрика. Первая очередь комбината уже вступила в действие.

Строительству, которое, как сказано, ведется на двусторонней основе, помогает ряд других социалистических стран. Над проектом комбината болгарские инженеры трудились совместно с советскими

коллегами. Новейшее оборудование для «Медет» изготовлялось на заводах не только ЧССР, но и Советского Союза, Германской Демократической Республики. В то же время «Медет» — серьезный вклад Болгарии в экономическое развитие братских стран.

...Если окинуть мысленным взглядом вчерашний день Болгарии и подумать о завтрашнем, невозможно остаться равнодушным к ее титаническим усилиям и достигнутым результатам.

Достижения Болгарии — это результат трудовых усилий ее народа, руководимого Болгарской коммунистической партией. Сейчас успехи в экономическом развитии, писала болгарская газета «Работническо дело», зависят прежде всего от двух взаимно связанных факторов: от более полной мобилизации собственных природных и трудовых ресурсов и от умелого использования экономического сотрудничества с братскими странами. Болгария, подчеркивала газета, отвергает «теорию» изолированного строительства социализма, в отрыве от мирового социалистического содружества.

Свою политику в этом вопросе, говорят болгарские друзья, наша страна проводит, опираясь на свой более чем двадцатилетний опыт тесного сотрудничества с братскими странами, и прежде всего с Советским Союзом. Это отвечает интернациональным традициям и национальным интересам нашего народа.

* *
*

Глубокая мысль заложена в этом выступлении болгарской газеты. Два взаимно связанных фактора определяют сегодня успешное развитие социалистических стран: полное использование собственных возможностей и широкое сотрудничество с другими государствами мировой системы социализма. В их свободном сотрудничестве, как сказал очень удачно об этом видный государственный деятель Венгрии Дьюла Каллаи, находят выражение объективная взаимонуждаемость социалистических стран друг в друге, их взаимная товарищеская помощь.

Оно, это сотрудничество, в равной мере включает в себя и единство интересов содружества и учет ин-

52 коп.

Лапоногов И. С. — автор ряда книг, многих статей и очерков о Болгарии, Венгрии, Румынии, Чехословакии и Югославии.

С первых дней и до конца Великой Отечественной войны он находился в действующей армии в качестве специального военного корреспондента ТАСС на различных фронтах. После войны работал корреспондентом в Венгрии, затем в аппарате ТАСС, в МИД и в редакции международного теоретического журнала коммунистических и рабочих партий «Проблемы мира и социализма» в Праге.

С апреля 1962 года возглавляет главную редакцию радиовещания на социалистические страны Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР.

